

ISSN 2687-0126

PROFESSIONAL DISCOURSE & COMMUNICATION

**Дискурс
профессиональной
коммуникации**

VOLUME 8 ISSUE 1
2026

Editor-in-Chief

Dmitry S. Khramchenko

MGIMO University, Moscow, Russia

Editorial Board

Biljana Marić

University of Belgrade, Serbia

Olga S. Chesnokova

RUDN University, Moscow, Russia

Seda K. Gasparyan

Yerevan State University, Armenia

Svetlana V. Ivanova

Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

Dragana Popovic

University of Novi Sad, Serbia

Igor E. Klyukanov

Eastern Washington University, USA

Liu Ruomei

Beijing Foreign Studies University, China

Viktoriya L. Malakhova

MGIMO University, Moscow, Russia

Elena N. Malyuga

People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Arto Mustajoki

The University of Helsinki, Finland

Evgeniya V. Ponomarenko

MGIMO University, Moscow, Russia

Olga N. Prokhorova

Belgorod State University, Belgorod, Russia

Enrique F. Quero-Gervilla

The University of Granada, Spain

Galina V. Sinekopova

Eastern Washington University, USA

Ali Dabbagh

Gonbad Kavous University, Iran

Geoffrey M. Maroko

Machakos University, Kenya

Anna Wing Bo Tso

The Hang Seng University of Hong Kong

Yau Ni Jenny Wan

Hong Kong Shue Yan University (HKSYU), Hong Kong, China

The Founder: MGIMO University

Address: 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Professional Discourse & Communication is an international, peer-reviewed quarterly journal dedicated to discussing various theoretical and applied problems of professional communication. Its articles provide researchers and practitioners with the most up-to-date, comprehensive and important research, paying specific attention to modern linguistic approaches to professional discourse as well as practical aspects of teaching methodology as related to the language of particular professional spheres.

PDC specifically addresses readers in any field of professional communication (business, legal, diplomatic, economic, political, academic, medical, art and any other professional sphere) who are interested in qualitative discourse analytical approaches, on the one hand, and scholars who are interested in issues of professional communication (discourse studies, functional linguistics, pragmatics, semiotics, rhetoric, linguosynergetics, sociolinguistics, cognitive linguistics, stylistics, cross-cultural communication, cultural studies, country studies, second language acquisition and teaching methodology, and related fields), on the other hand.

ISSN 2687-0126

Website: <https://pdc-journal.com>

Главный редактор

Храмченко Дмитрий Сергеевич

доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка №4 МГИМО МИД России

Редакционная коллегия

Биляна Мариц

доктор филологических наук, профессор кафедры славистики, филологический факультет, Белградский университет, Сербия

Гаспарян Седа Керобовна

доктор филологических наук, заведующий кафедрой английской филологии, Ереванский государственный университет, Армения

Дженни Ван

PhD, доцент кафедры английского языка и литературы, Гонконгский университет Сюянь, Китай

Иванова Светлана Викторовна

доктор филологических наук, профессор кафедры «Английский язык в сфере филологии и искусств», Санкт-Петербургский государственный университет

Клюканов Игорь Ангелевич

доктор филологических наук, профессор, Восточный Вашингтонский университет, США

Куеро-Гервилья Энрике Ф.

PhD, декан факультета перевода Университета Гранады, Испания

Лю Жомэй

доктор филологических наук, иностранный член Российской академии естественных наук, профессор Пекинского университета иностранных языков

Малахова Виктория Леонидовна

доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка №4, МГИМО МИД России

Малюга Елена Николаевна

доктор филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков экономического факультета, Российский университет дружбы народов

Мустайоки Арто

PhD, декан Гуманитарного факультета, Хельсинкский университет, Финляндия

Пономаренко Евгения Витальевна

доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка №4 МГИМО МИД России

Прохорова Ольга Николаевна

доктор филологических наук, директор института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Синекопова Галина Васильевна

кандидат филологических наук, профессор, Восточный Вашингтонский университет, США

Драгана Попович

доктор филологических наук, доцент кафедры славистики, философский факультет, Новисадский университет, Сербия

Чеснокова Ольга Станиславовна	доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов
Али Даббаг	PhD, доцент кафедры иностранных языков, Университет Гомбеде-Кавус, Иран
Джеффри Мароко	PhD, профессор прикладной лингвистики, Университет Мачакоса, Кения
Анна Тцо	PhD, профессор, заведующий кафедрой английского языка, Хэнг Сэн университет Гонконга

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Адрес: 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

«Дискурс профессиональной коммуникации» - международный рецензируемый электронный научный журнал, издающийся с периодичностью 4 раза в год. Журнал публикует статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и теоретических исследований в области профессиональной коммуникации. Основное направление журнала - современные подходы к изучению лингвистических аспектов профессионального дискурса и практических вопросов преподавания языка конкретных профессий.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Российской Федерации. Свидетельство о регистрации средства массовой информации в Роскомнадзоре: Эл № ФС77-76677 от 26 августа 2019 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по специальностям 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (филологические науки) и 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

ISSN 2687-0126

Официальный сайт журнала: <https://pdc-journal.com>

Contents

Introduction to Volume 8 Issue 1	7
Editor-in-Chief Dmitry S. Khrumchenko	
Original article	
A Comparative Critical Discourse Analysis of Ideology in the ‘Old’ and ‘New’ Nigerian National Anthems	10
by Moses Olusanya Ayoola, Olubunmi Funmi Oyebanji, Hannah Oluwatobi Odulaja	
Emotive Aspects of Quotation in Diplomatic Discourse: A Study of US and UK Speeches in the UN Security Council (1964–1965)	27
by Evgeny V. Nasilnikov, Olga I. Maksimenko	
“University Lecturers Are Not Casual Labourers”: Stance and Discursive Framing of the 2022 ASUU-FGN Industrial Conflict in TV Interviews.	53
by Oluwatosin Grace Abidoye, Richard Damilare Akano, Johnson Adewale Akano	
Communication Practices Among Administrators in Colleges of Education in Ghana	73
by Sulemana Iddrisu, Abdul-Kadir Salifu, Kadir Fuseini	
Syntactic Features of English-Language Academic Podcast Episode Descriptions	92
by Irina P. Khoutyz	
Metadiscursive Acts in the Translation of Scholarly Linguistic Texts: A Case Study of French and Russian Material.	111
by Denis S. Zolotukhin	

Содержание

Слово главного редактора	7
Храмченко Д.С.	
Оригинальные статьи	
A Comparative Critical Discourse Analysis of Ideology in the 'Old' and 'New' Nigerian National Anthems	10
Moses Olusanya Ayoola, Olubunmi Funmi Oyebanji, Hannah Oluwatobi Odulaja	
Эмотивные аспекты дискурсивной практики цитирования в дипломатической коммуникации (на материале выступлений представителей США и Великобритании в Совете Безопасности ООН, 1964–1965 гг.)	27
Насильников Е.В., Максименко О.И.	
“University Lecturers Are Not Casual Labourers”: Stance and Discursive Framing of the 2022 ASUU-FGN Industrial Conflict in TV Interviews	53
Oluwatosin Grace Abidoye, Richard Damilare Akano, Johnson Adewale Akano	
Communication Practices Among Administrators in Colleges of Education in Ghana	73
Sulemana Iddrisu, Abdul-Kadir Salifu, Kadir Fuseini	
Синтаксические особенности кратких описаний выпусков англоязычных подкастов академической тематики	92
Хутыз И.П.	
Метадискурсивные действия переводчика научного текста по языкознанию (на материале французского и русского языков)	111
Золотухин Д.С.	

INTRODUCTION TO VOLUME 8, ISSUE 1

Dmitry S. Khramchenko, Editor-in-Chief

Language in professional and institutional spheres rarely serves as a neutral conduit for information. Instead, it functions as an instrument of control, a mechanism for identity construction, a marker of exclusion, and a tool for legitimizing certain structures of power. With the first publication in 2026, we begin Volume 8 of *Professional Discourse & Communication*. The opening issue sets a rigorous tone for the year ahead, dismantling the assumption that professional communication is merely about efficiency. The contributions collected here demonstrate that professional discourse is fundamentally about the negotiation of status and the maintenance of hierarchy.

Volume 8, Issue 1 establishes a cross-continental dialogue that bridges the Global South and the Global North, featuring original research from institutions in Russia, Ghana, Nigeria, France, and the United States. Such geographical spread ensures that our examination of professional linguistics is not confined to a single cultural tradition. It encompasses the post-colonial administrative struggles in West Africa and the digital media strategies of Anglophone academia, alongside the diplomatic rhetoric of the Cold War era and the meta-discursive reflections of European translation studies.

The arrangement of articles in this issue follows a specific trajectory, as it moves from the macro-level discourse of the state to the micro-level discourse of specific professional tasks. We start with the most codified form of institutional speech (the national anthem) and move through the high-stakes areas of international diplomacy, industrial conflict, and higher education management. From there, we move focus to the digital marketing of academic knowledge and the technical practices of scientific translation. This progression allows us to observe how ideology permeates every stratum of professional communication, extending from the constitution of a nation down to the translation of a single scientific term.

The issue opens with a comparative critical discourse analysis by Moses Olusanya Ayoola, Olubunmi Funmi Oyebanji, and Hannah Oluwatobi Odulaja. In “*A Comparative Critical Discourse Analysis of Ideology in the ‘Old’ and ‘New’ Nigerian National Anthems*,” the authors scrutinize the reinstatement of Nigeria’s 1960 anthem. They identify a profound change in mood and transitivity, considering that, although the discarded anthem used imperative verbs to demand service, the reinstated anthem resorts to declarative structures to assert an optimistic, yet perhaps idealized, pragmatic effect of unity. The analysis in the article underscores how state actors manipulate linguistic codes to legitimize governance and manage transitions.

Following the examination of state ideology, Evgeny Nasilnikov and Olga Maksimenko take us into the UN Security Council in “*Emotive Aspects of Quotation in Diplomatic Discourse: A Study of US and UK Speeches in the UN Security Council (1964–1965)*.” Analyzing speeches from a very important historical period, they reveal a stark functional-pragmatic divergence between American and British representatives. The authors demonstrate that British diplomats integrated indirect citations to weave arguments, whereas their American

counterparts used the so-called “scare quotes” as a weapon of distancing, doubt, irony, and disagreement. This study brings our attention to how citation functions not merely as a reference tool, but as a strategic emotive marker in high-stakes negotiation.

The focus then moves to the combustible intersection of labor relations and media performance. Oluwatosin Grace Abidoye, Richard Damilare Akano, and Johnson Adewale Akano present “‘*University Lecturers Are Not Casual Labourers*’: Stance and Discursive Framing of the 2022 ASUU-FGN Industrial Conflict in TV Interviews.” The researchers argue that television interviews during the strike were used for public legitimization rather than for conflict resolution. They expose how social actors weaponized concepts of “welfarism” and legality to entrench their positions, prioritizing blame-allocation over diplomatic engagement.

Moving from external conflict to internal operations, Sulemana Iddrisu, Abdul-Kadir Salifu, and Kadir Fuseini explore “*Communication Practices among Administrators in Colleges of Education in Ghana*.” The article exposes the friction between current policy-related discourse and extralinguistic specificities of real life. Administrators in higher education rely heavily on formal channels like memos, yet the authors find that bureaucratic bottlenecks, heavy workloads, resistance to change, and insufficient ICT infrastructure severely hamper decision-making. The research illustrates how resource constraints force a dependence on informal networks to bypass structural inefficiencies.

In the digital sphere, Irina Khoutyz analyzes the “*Syntactic Features of English-Language Academic Podcast Episode Descriptions*.” This article moves beyond content analysis to examine the grammatical mechanisms of persuasion. The author identifies that enumeration and contrast are more than just stylistic flourishes. They are essential marketing tools used to simulate expertise and comprehensiveness. The findings reveal how syntax acts as connective tissue between the informality of the podcast medium and the authority of academic knowledge.

Concluding the issue is a meta-analytical study by Denis Zolotukhin “*Metadiscursive Acts in the Translation of Scholarly Linguistic Texts*.” By analyzing French and Russian commentaries, the author reframes the translator from a passive converter of text to an active terminologist dealing with the “aporetic” nature of linguistic scientific discourse. The results show how translators use metadiscourse to justify their interventions when facing conceptual asymmetry between scientific traditions.

Three dominant themes emerge from this issue’s collection, offering a theoretical framework for understanding the linguistics of professional institutions.

The first is the codification of authority. Whether through the “sovereign” vocabulary of a national anthem, the “scare quotes” of a diplomat, or the “legitimization frames” of a striking union leader, the articles help us come to the conclusion that professional discourse is primarily concerned with establishing who has the right to speak. The authors demonstrate that authority is not inherent in the position of the speaker. It is constructed moment-by-moment through specific linguistic strategies like polarization, extensive enumeration, citation, and high-modality declarations. Professional status is indeed linguistically manufactured.

The second theme is operational friction. Several articles draw our attention to the gap between the idealized function of professional communication and its messy reality. Iddrisu et al. show this in the clash between Ghana’s administrative protocols and its infrastructure inefficiencies; Zolotukhin describes it in the struggle to translate non-equivalent linguistic

concepts; Abidoye et al. expose it in the failure of dialogue during industrial disputes. Professional communication is not portrayed as a seamless flow of information. On the contrary, it is a constant struggle to overcome existing structural, technological, cultural, and ideological barriers.

The third theme is the performativity of expertise. In all the issue's articles, we see that professional communication often serves a performative function rather than a purely informational one. Khoutyz's analysis of podcast descriptions shows how syntax is used to convey academic depth to attract listeners. Nasilnikov and Maksimenko show how diplomats perform skepticism to align with national interests. Ayoola et al. show how a nation performs unity through the lyrics of an anthem. The discourse types analyzed here (i.e., political, diplomatic, administrative, digital-promotional, and meta-linguistic) affirm that the linguistics of professional communication must account for both the rigid constraints of the genre and the creative agency of the practitioner.

We extend our gratitude to the authors for their rigorous contributions and to the anonymous peer reviewers whose critical feedback ensured the quality of the scholarship.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-1-10-26>

A COMPARATIVE CRITICAL DISCOURSE ANALYSIS OF IDEOLOGY IN THE ‘OLD’ AND ‘NEW’ NIGERIAN NATIONAL ANTHEMS

Moses Olusanya Ayoola

ayoola.moses@bouesti.edu.ng

Olubunmi Funmi Oyebanji

oyebanji.olubunmi@bouesti.edu.ng

Hannah Oluwatobi Odulaja

odulaja.hannah@bouesti.edu.ng

*Bamidele Olumilua University of Education, Science and Technology
(Ikere-Ekiti, Nigeria)*

Abstract: Studies on Nigeria’s national anthem have largely considered the old anthem, ‘Arise, O Compatriots’, to identify its stylistic, pragmatic, and discourse features, with limited attention paid to the newly approved national anthem, ‘Nigeria, we hail thee’. This study, therefore, presents a comparative critical discourse analysis of the Nigerian old and newly approved national anthems, examining them as codified institutional discourse with the aim of identifying divergent and shared ideologies and how they are enacted through linguistic means. The data were obtained from the lyrics of the old and new Nigerian national anthems, sourced from official government records and verified archival documents. Drawing on Fairclough’s approach to critical discourse analysis and Halliday’s systemic functional linguistics, the study investigates the anthems to uncover how state ideology is linguistically encoded in a comparative perspective. The study adopts a qualitative approach to show the interconnectedness of language and political power. The findings reveal that the two anthems’ ideological convergence is evident in their shared emphasis on a common national identity, indexed by kinship-related metaphors and collective pronouns; patriotism and service, with lexical items relating to duty and service; positive national values; and an emphasis on freedom and divine intervention. However, the anthems manifest some ideological divergences. For instance, while ‘Nigeria, we hail thee’ suggests optimism, futurism, and acknowledges unity in diversity, ‘Arise, O Compatriots’ appears motivational, emphasizes immediacy, and does not acknowledge the diversity in Nigeria. The analysis reveals that the language of the anthems performs the social work of reconstructing national consciousness. Ultimately, this study contributes to the understanding of institutional communication by demonstrating how state actors deploy specific linguistic strategies within national symbols to legitimize governance, manage transitions, and embody the evolving ideologies of the nation-state.

Keywords: Critical discourse analysis, systemic functional linguistics, national anthem, institutional discourse, national identity, state ideology, Nigeria.

How to cite this article: Ayoola, M.O., Oyebanji, O.F., Odulaja, H.O. (2026). A Comparative Critical Discourse Analysis of Ideology in the ‘Old’ and ‘New’ Nigerian National Anthems. *Professional Discourse & Communication*, 8(1), 10–26. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-1-10-26>

1. INTRODUCTION

A national anthem is a solemn patriotic song adopted as an expression of national identity. It is a tool to ingrain the idea of fatherland in the hearts of citizens, a symbolic device through which the nation is incorporated into citizens’ collective identity. The national anthem and pledge can also be seen as a creed to inspire virtues such as loyalty, service, and a sense of belonging to one’s country. It inspires love, unity, and courage in the face of unfavorable circumstances. One unique characteristic of national anthems is that they are carefully constructed in a “semantico-syntactic sense to manifest specific meanings” (Oyeleye, 1985: 138).

Before Independence in 1960, the patriotic song of Nigeria was the British ‘God Save the Queen’. When the Union Jack was lowered and Nigeria became independent on October 1, 1960, Nigeria’s anthem, ‘Nigeria, We Hail Thee’, was adopted. Its lyrics were compiled from the entries of the first five winners in the National Publicity Committee competition. Due to the criticisms against the national anthem and the agitation to change it, a national competition was held to choose another one. A committee was created to select the best anthem from all. The anthem, ‘Arise, O Compatriots’, was drawn from the five best entries, and the music was by the Nigerian Police Band under the directorship of Benedict Odiase in 1978. ‘Arise, O Compatriots’ became the nation’s anthem on the first day of October 1978. The anthem is usually performed to mark major events, such as the President’s address, major sporting events, and in schools, where it is usually accompanied by Nigeria’s National Pledge.

Nigeria’s first anthem, ‘Nigeria, We Hail Thee’, which served as the country’s national song from 1960 until 1978, was reinstated in 2024 when President Bola Tinubu signed the Nigerian National Anthem Bill into law. The anthem was composed by Frances Benda and written by British expatriate Lillian Jean Williams. Although it played a significant role in forming the country’s identity, the anthem was criticized over the years because its composer was not a Nigerian. The recent changes to legislation, led by Senator Opeyemi Bamidele (Ekiti Central), received strong support from lawmakers. Advocates for the bill argued that the first anthem promotes a stronger symbol of unity, peace, and prosperity compared to its successor, ‘Arise, O Compatriots’. ‘Nigeria, We Hail Thee’ was initially adopted in 1960 as the Nigerian National Anthem, but was subsequently replaced by ‘Arise, O Compatriots’ in 1978. However, in 2024, the 1960s’ ‘Nigeria, We Hail Thee’ was reinstated as the new Nigerian anthem. Therefore, in the context of this study, ‘Arise, O Compatriots’ is regarded as the old, while ‘Nigeria, We Hail Thee’ is regarded as the new anthem.

In discourse analysis, some of the most interesting observations are made, not only in the study of language but also in the way language is used. According to Brown and Yule (1983), the analysis of discourse is necessarily the analysis of language in use. As such, it cannot be restricted to the description of linguistic forms independent of the purpose or functions that those forms are

designed to serve in human affairs. Language as a way of social expression is also ideological. Ideology is fundamentally a set of ideas that dictates or guides the decisions and actions of a people in a context. It is the belief, creed, dogma, philosophy, or principle on which a political or economic system is based. In the discourse, language is not simply a neutral medium for generating subject knowledge but a form of social practice that acts to constitute and reflect social realities. According to Lemke (2002), language and ideology are intrinsically connected because language is the carrier of ideology, and no language is ideologically neutral. The relationship between ideology and meaning is rooted in the question of language. The thrust of this work is to undertake a comparative linguistic analysis of the old and new Nigerian national anthems to unearth the ideological implications of the language choices in the anthems. When the message and ideology of a nation's creed are not well understood, the effect is always enormous, leading to a lack of patriotism. The objectives of the study are 1) to identify and describe similar and different linguistic strategies in the two Nigerian anthems, and 2) to explain the ideological implications of the linguistic strategies.

2. LITERATURE REVIEW

Previous research has explored the linguistic dimensions of anthems through various frameworks, including pragmatics, pragma-stylistics, and stylistics. However, most of this scholarly attention has centred on national anthems from different countries. Studies on these anthems have examined diverse linguistic aspects, with particular interest in thematic and genre-related elements (Dze-Ngwa, 2014; Azam & Negar, 2014; Mustafa, 2015), lexical choices such as content words (Oyeyemi, 2018; Amenorvi & Grumah, 2019), cohesive markers (Mwinwelle, Adukpo, & Mwinwelle, 2019), and clause structures (de Souza, 2008; Wang & Ma, 2018). For example, Azam and Negar (2014) analysed the national anthems of 48 Asian countries and the five permanent members of the UN Security Council to identify linguistic patterns and contrasts. Their findings revealed that the Russian anthem linguistically aligns more closely with those of Asian countries, differing from the other Security Council members' anthems.

Similarly, Oyeyemi (2018) analysed Nigeria's former national anthem, focusing on its linguistic organization to enhance understanding and interpretability. The study showed that techniques such as grouping, prominence, and cohesion help structure the anthem, highlighting key terms like *unity*, *love*, *loyalty*, and *peace*, suggesting that these values are vital for maintaining Nigeria's unity amid its diversity. In a related paper, Odebo (2020) approached the old Nigerian anthem 'Arise, O Compatriots' from a socio-pragmatic angle. His research identified praying and informing as its primary illocutionary acts, with additional functions like asserting, summoning, and admonishing. These acts are used to remind citizens of their national duties and identity. Furthermore, using Austin's classification of speech acts, the study noted a dominance of behabitives, exercitives, and verdictives in the anthem. These prior works provide foundational insights that support the current research. Their focus on national anthems offers a backdrop against which this study seeks to explore further linguistic nuances. This work contributes to the ongoing scholarly conversation by focusing specifically on language use in Nigerian national anthems.

Language serves as a potent vehicle for ideology, often mirroring and perpetuating socio-political and cultural beliefs. The words and metaphors individuals employ can subtly convey assumptions about identity, power, and societal values. Many scholars have studied how language reveals such embedded ideologies. For instance, Ayinuola (2022) conducted a Critical Discourse Analysis (CDA) of twenty African national anthems, four from each of the continent's five

sub-regions, including Nigeria's old national anthem, to examine how ideological stances are lexicalised. The findings demonstrate that word choices are instrumental in expressing ideological positions within the texts. Similarly, Onyeachulam and Okoye (2024) use CDA to analyze the old Nigerian anthem, identifying the ideological messages embedded in it. Their findings emphasized how the anthem's language encourages national unity, patriotism, and faith in the country, with linguistic features reflecting values like equality and justice.

Adegbenro & Mayadenu (2025) examine Nigeria's reintroduced national anthem, "*Nigeria, We Hail Thee*," through a pragmatic lens, combining Searle's Speech Act Theory and Halliday's Systemic Functional Linguistics (SFL). The mixed-method design allowed for both qualitative line-by-line analysis and quantitative categorisation of speech acts. The study identified distinct communicative functions, which are admiring, asserting unity, encouraging duty, asserting values, declaring, promising, committing, and praying. Findings showed that the most frequent illocutionary act was "praying" (25%), while others, like admiring and asserting unity, were less frequent (12.5% each). Using Austin's typology, verbs were categorised as behavitives (50%), exercitives (37.5%), and verdictives (12.5%). This indicated that the anthem strongly emphasises social conduct, unity, service, and values, with a marked reliance on divine guidance.

Emoruwa et al. (2025) carried out a functional analysis of the same anthem. The study employs Halliday's Functional Grammar, specifically the experiential metafunction and transitivity system. The researchers argue that earlier works focused on thematic and stylistic analysis of the abandoned anthem, neglecting deeper linguistic-functional dimensions. Six process types were identified: material, relational, mental, verbal, behavioural, and existential. The findings identify that material processes dominate, emphasising actions expected of Nigerian citizens in nation-building. Other processes were used sparingly to construct relationships and present Nigeria as a valued entity.

Bankole & Ayoola (2025) expand the study of the anthem by analysing intonation using David Brazil's Discourse Intonation Theory. This approach investigates the role of pitch movements in shaping meaning, emotion, and mnemonic retention. The anthem was segmented into tone units, and tone choices (falling, rising, fall-rise, and level) were assigned. The analysis revealed a dominance of the falling tone (↓), signaling assertiveness, closure, and patriotic conviction. The fall-rise tone (↓↑) added nuance and emotional shading, especially in lines on diversity and commitment. These tonal contrasts structured the anthem into rhetorical phases: salutation, unity, and aspiration. The study concludes that intonation is not decorative but a rhetorical resource that fosters solidarity, reinforces national identity, and enhances memorability. Its contribution lies in introducing a prosodic dimension to anthem studies, an area often overlooked compared to grammar and pragmatics.

While existing research has made significant contributions to the study of Nigerian national anthems, the comparative linguistic examination of Nigeria's former and current anthems has yet to receive sufficient attention. This study addresses that gap by critically examining both texts through a CDA lens, focusing on how lexical choices reveal the ideological underpinnings of each anthem.

3. METHODOLOGY

This study adopts an interdisciplinary framework that combines Halliday's Systemic Functional Linguistics (SFL) with Fairclough's social semiotic model of Critical Discourse Analysis (CDA). CDA moves beyond surface-level language description to interrogate how linguistic

choices reflect and reinforce social hierarchies, institutional power, and broader societal structures. From a functional perspective on language, CDA views discourse as a site of meaning-making that often exceeds literal content. One of CDA's key strengths is its contextual sensitivity, which enables nuanced interpretations of how language functions in specific social settings.

Fairclough (1992, 1993, 1995; Chouliaraki & Fairclough, 1999) proposes a three-dimensional model for CDA: description, interpretation, and explanation. The first stage focuses on analyzing the formal features of a text, such as its vocabulary, grammar, and textual organization. The second phase interprets how these linguistic elements interact with the discourse practices that are produced and shaped by them. The final stage focuses on explaining the relationship between the text and its wider socio-political context, particularly with regard to power relations and ideology. According to Norman Fairclough (2001), this model, rooted in the tradition of Critical Linguistics and developed within Critical Discourse Analysis, offers a comprehensive lens for exploring the interplay between language and society.

Halliday's SFL complements CDA by emphasizing the social and functional aspects of language use. Halliday and Matthiessen (2014) conceptualize language as a semiotic system in which meaning emerges from choices made in context. SFL rests on four key premises: (1) language is inherently functional; (2) its primary role is to convey meaning; (3) language use is shaped by social and cultural contexts; and (4) linguistic analysis can uncover ideological patterns embedded within texts. These theoretical assumptions make SFL particularly suited for investigating the ideological dimensions of discourse.

The interdisciplinary framework combining Halliday's Systemic Functional Linguistics (SFL) and Fairclough's Critical Discourse Analysis (CDA) is particularly apt for the comparative discursive and linguistic analysis of the two Nigerian anthems. SFL provides the tools to examine how meaning is constructed through choices in transitivity, mood, modality, and thematic structure, revealing how each anthem linguistically encodes ideologies of nationhood, unity, identity, and service. CDA, on the other hand, enables a critical exploration of how these linguistic features are embedded in broader socio-political contexts, uncovering how each anthem reflects, reinforces, or contests dominant narratives about Nigeria's national identity at different historical moments. Together, these frameworks allow for a nuanced comparative analysis that not only describes how language functions within each anthem but also explains how each text operates as a site of ideological expression.

The dataset for this study comprises the lyrics of both the former and current Nigerian national anthems. The new anthem contains 91 words, while the old anthem consists of 87 words, making a total corpus size of 178 words. The lyrics were sourced from official government and verified archival records, including the Federal Ministry of Information and reputable national media outlets that published the official texts upon adoption or reinstatement of the anthems. Only the officially sanctioned textual versions were used in the analysis to ensure accuracy and consistency. While recorded performances of the anthems exist, this study focuses exclusively on the transcribed lyrical texts, as the primary interest lies in their verbal and grammatical structures rather than musical or phonological features. The written form of the lyrics provides a stable linguistic dataset suitable for the type of textual and ideological analysis employed.

A qualitative approach is employed to analyze the data in depth. The analysis is grounded in both SFL and CDA frameworks to explore how each anthem articulates ideological positions through lexical and grammatical choices.

4. DATA ANALYSIS AND FINDINGS

The Nigerian national anthems, both old and new, reflect the country's values and aspirations through their lyrics. Linguistically, comparing these anthems reveals similarities and differences in language use. The analysis conducted first considers the meeting points of the two anthems before addressing points of divergence.

4.1. Convergence of language use and ideologies in the Old and New Nigerian anthems

There are convergences in the themes of the two anthems in the aspects of national unity, loyalty, and pride. Both emphasize Nigeria as a beloved homeland and seek to create a collective national identity that transcends regional and ethnic divisions. These are shown in Table 1 below.

Table 1. *Ideological convergences in the anthems*

Ideologies	Arise, O compatriots (AOC)	Nigeria, we hail thee (NWHT)
National identity and unity	Nigeria, compatriots, we, our, fatherland, unity	Nigeria, our, own, native land, motherland, brotherhood, Nigerians, all
Patriotism and service	Call, labour, serve, arise	Serve, to hand on
National aspirations	Peace, unity, love, strength, faith, freedom, honesty, true, just	peace, justice, banner without stain, plenty, blessed
God's intervention	God of creation	God, prayer
Freedom	Freedom	Sovereign

4.2. National unity and identity

National unity and identity are interconnected ideologies that play a crucial role in a nation's cohesion and stability. They involve a sense of belonging, shared values, and collective identity among a country's citizens. Every society needs a degree of unity and a core of shared values. In both anthems under consideration, elements that foreground national unity and identity are pronouns, kinship-related terms, adjectives, and nouns. A glimpse at the table above reveals lexical elements that emphasize national unity and identity in the two anthems. Examples of how the elements are used are found below.

Excerpt 1: "*Nigeria we hail thee, **Our own dear native land**, Though tribe and tongue may differ, In **brotherhood**, we stand*". (NWHT)

Excerpt 2: "*Arise, O **compatriots**, **Nigeria's** call obey. To serve **our fatherland***". (AOC).

Excerpt 3: "***Nigerians all**, are proud to serve **Our sovereign Motherland**.*

Our flag shall be a symbol" (NWHT)

Excerpt 4: "***One nation bound in freedom***" (AOC)

In excerpts 1 to 3 above, the name 'Nigeria' constructs the nation's identity, and Nigerians are constructed as compatriots in the second example. Further, the pronouns 'we' and 'our' also foreground the collective identity of Nigerians. These pronouns are inclusive, creating a sense of collective identity among Nigerians. They reinforce the idea that the anthem is speaking for all citizens, fostering a shared national identity. The possessive 'our' in excerpts 1 and 2 suggests ownership and belonging, which are fundamental aspects of national identity. 'Our own dear native land' and 'our fatherland' employ possessive and affectionate language, emphasizing a personal

and emotional connection to the country. It is also important to note that the phrase ‘our own’ is tautologous, and given that NWHT was composed by a Briton, this suggests that it was an intentional move and therefore ideological. This repetition is done to emphasize the ownership or the nation’s collective identity. In the same vein, declarative mood also foregrounds national unity and identity, ‘in brotherhood we stand’. This promotes an ideal of national solidarity and collective identity that transcends individual differences. Another discursive strategy is the placement of important elements at the beginning of sentences. Halliday’s Systemic Functional Linguistics (SFL) highlights that while sentences typically follow the pattern of a nominal group (subject) followed by a verbal group and then the goal, this order can be deliberately altered depending on the intended communicative function. Positioning the circumstantial element before the subject is not merely a stylistic variation but also reflects an underlying ideological intention. The writer of the anthem, ‘Nigeria, we hail thee’, foregrounds the prepositional phrase, ‘in brotherhood’, in the sentence ‘in brotherhood, we stand’ to emphasize national unity. The concept of ‘brotherhood’ also evokes a sense of familial bond and mutual support among Nigerians. It describes the manner or condition of unity, reflecting affection and solidarity. Considering the historical context of the anthem, adopted in 1960, it reflects the post-independence era, when the newly sovereign Nigeria was working to establish a cohesive national identity. During this period, fostering unity among Nigeria’s diverse population was crucial to nation-building. The emphasis on brotherhood can be seen as a political statement advocating national solidarity and cooperation amid potential ethnic tensions. In excerpt 3, ‘Nigerians all’ is also an inclusive phrase that addresses all citizens of Nigeria, and emphasises unity. ‘Our sovereign Motherland’ uses a possessive element to create a sense of belonging and reverence for the nation. The term ‘Motherland’ anthropomorphizes the country, imbuing it with a nurturing and protective quality. ‘Motherland’ evokes a nurturing, familial image, positioning the country as a figure deserving of loyalty and care. There is also an equivalence of this in AOC, ‘Fatherland’. Furthermore, excerpt 4 reveals that the ideology behind the old Nigerian national anthem is unity. It is based on the desire to enthrone a unified country (one nation). The fact that the secession movement of 1967 through 1970 contributed to the ideology of the old anthem cannot be denied. The anthem aims to reconcile all and make everyone see Nigeria as “one country” that is bound in freedom, peace, and unity. It can be argued that the anthem aims to soothe the upset and mend the cracks in Nigeria’s foundation. Generally, both anthems draw on semantic fields related to unity.

4.3. Patriotism and service

Patriotism and service are common themes in anthems. Words relating to duty and service, such as ‘serve’, ‘call’, and ‘labour’, are prevalent, emphasizing the importance of contributing to the nation’s well-being in both anthems.

Excerpt 5: “*Nigerians all, and proud to serve Our sovereign Motherland*” (NWHT)

Excerpt 6: “*Arise, O compatriots, Nigeria’s call obey
To serve our fatherland*” (AOC)

In the two anthems, there is a call to service and duty. The anthems instil a sense of duty and pride in serving the nation. This is indexed by the verbs ‘to serve’, ‘arise’, and ‘obey’. However, the call to duty is more emphatic in AOC than in NWHT. This is evident in the use of imperative material processes ‘arise’ and ‘obey’ in the AOC, as seen in excerpt 6, as against the declarative ‘proud to serve’ in the NWHT, shown by excerpt 5. The imperative material processes create a

sense of urgency and collective responsibility. The lexical item ‘serve’ is repeatedly used in AOC to emphasize duty and service to the nation. It is a call for patriotism to all, especially to those who had lost interest in Nigeria, particularly during the secession war of 1967 – 1970. The declarative ‘Proud to serve’ in NWHT also conveys a sense of duty and honor, suggesting that serving the country is a noble and commendable act. The language reflects a strong sense of patriotism, with citizens described as ‘proud to serve’ their country. In AOC, the material process of doing is elucidated in the foregrounded verb, ‘arise’. The actor is cataphorically understood as ‘compatriots’ as the original sentence is ‘all compatriots arise’. The material process construes a national call to all Nigerians to serve their country. The material process appears in the verb ‘obey’. The original sentence is ‘all compatriots obey Nigeria’s call’. The material process is functionally used to instill patriotism in the hearts of Nigerians. The actor is unactualized, still understood anaphorically as ‘compatriots’, and the goal is actualized as ‘Nigeria’s call’. The infinitive phrase ‘to serve our fatherland’ is a purpose circumstance. The language of the anthem motivates Nigerians to serve their homeland. The prepositional phrase ‘with love and strength and faith’ clarifies the tools needed to accomplish the action.

The term ‘Motherland’ in excerpt 5 personifies the nation as a nurturing entity deserving of devotion and service, reinforcing a strong patriotic sentiment. The reference to the ‘sovereign Motherland’ emphasizes loyalty to an independent and autonomous nation. The text reflects the post-independence era, emphasizing sovereignty and national pride following colonial rule. It resonates with the themes of nation-building and the creation of a unified national identity. The text serves as a call to civic duty and national service, encouraging citizens to contribute actively to the nation’s development.

4.4. National aspirations

The anthems’ aspirations for truth, justice, peace, and prosperity indicate a forward-looking vision for the nation, setting ideals for governance and societal values. National aspirations are indexed by nominals suggesting positive values.

Excerpt 7: “*Our flag shall be a symbol
That **truth** and **justice** reign,
In **peace** or battle honour’d,
To hand on to our children
A **banner without stain**” (NWHT)*

Excerpt 8: “*With **love** and **strength** and **faith**
The labour of our heroes past
Shall never be in vain
To serve with heart and might
One nation bound in **freedom, peace** and **unity**” (AOC)*

In the excerpts above, the anthems also utilize nominalization, the process of turning processes or attributes into noun forms. The abstract nouns, such as ‘love’, ‘strength’, ‘faith’, ‘freedom’, ‘peace’, and ‘unity’ in AOC, and ‘sovereign’, truth, and justice in NWHT, are timeless and universal, making the values seem incontestable and beyond debate. They foreground the values that the nation aspires to uphold. These nouns represent core values and qualities that citizens are encouraged to embody, reflecting aspirations for a nation built on strong, positive principles. ‘Freedom, peace, and unity’ are abstract nouns that encapsulate the ultimate goals for the nation,

foregrounding aspirations for a free, peaceful, and united Nigeria. This is a powerful discursive move, as it naturalizes certain ideologies, such as nationalism, integrity, and ethical governance, as foundational truths rather than socially constructed ideals. In NWHT, we observe a predominance of relational processes, ‘Our flag shall be a symbol / That truth and justice reign’, which link abstract values to national symbols, assigning them identity and significance. Similarly, in AOC, ‘the labour of our heroes past / shall never be in vain’ employs relational process to connect past efforts with future responsibilities, foregrounding national continuity. The mood in both anthems is largely declarative, signaling authoritative assertions about what Nigeria is or *ought to be*. However, there are also modal elements, ‘shall never be in vain’, and ‘shall be a symbol’, which indicate obligation and commitment. This modality projects certainty and determination, constructing the envisioned values not as optional but as national imperatives. There is an emphasis on the legacy to be passed down to future generations in NWHT. The ‘banner without stain’ metaphorically represents a nation untainted by corruption or injustice, highlighting a vision of integrity and ethical governance. This is particularly relevant in a postcolonial context marked by concerns over governance and accountability. This metaphor, while poetic, also performs an ideological function: it elevates national symbols to moral standards, embedding expectations of ethical behavior into patriotic sentiment.

Both anthems construct a narrative of a morally upright, unified Nigeria that values justice and peace. Discursively, these texts emerge from specific historical moments: NWHT from the optimism of early independence, and AOC from a period of post-war national reconstruction. Thus, their aspirational language also serves to re-legitimize the state, unifying citizens under a common ideological banner.

4.5. God’s intervention

The invocation of God reflects the importance of religion in Nigerian society and portrays a sense of moral and divine support for the nation’s aspirations. The belief in divinity is reflected in the two anthems.

Excerpt 9: “*O God of all creation, Grant this our one request,
Help us to build a nation,
Where no man is oppressed,
And so with peace and plenty
Nigeria may be blessed*” (NWHT)

Excerpt 10: “*Oh God of creation, direct our noble cause
Guide our leader’s right
Help our youth the truth to know
In love and honesty to grow*” (AOC)

The concluding stanzas of both ‘Nigeria, We Hail Thee’ (NWHT) and ‘Arise, O Compatriots’ (AOC) invoke divine intervention as essential to the nation’s progress. The plea for a country ‘where no man is oppressed’ reflects a desire for justice and equality, while the hope for ‘peace and plenty’ signals aspirations for national prosperity. These lines are grounded in the belief that divine involvement is crucial to achieving unity and building an egalitarian Nigeria. This perspective is not unique to Nigeria but is widespread across many African nations, where religious belief is deeply entwined with national identity and governance.

Excerpts 9 and 10 function as prayers, expressing the ideology that national progress is contingent upon God's will, the same God believed to have brought Nigeria into existence. In particular, the second line of excerpt 10 highlights the significant influence that leaders' decisions and actions have on the country's unity and the people's trust in the nation. The prayer becomes especially pertinent in light of the potential for poor leadership to undermine national cohesion and erode public confidence.

The call for divine guidance for leaders and for truth to be instilled in the youth emphasizes the need for principled leadership and ethically grounded, well-informed citizens. While both anthems appeal to God, AOC places greater emphasis on leadership and youth, aligning with modern ideals of responsible governance and civic engagement. The material process verbs '*direct, guide, and help*' position God as an active agent in national affairs, symbolizing reliance on divine support for the nation's development, protection, and overall well-being.

4.6. National freedom

National freedom typically refers to a country's ability to govern itself without external control or influence, functioning as a discursive reaffirmation of the country's postcolonial identity and aspirations for autonomous governance. It encompasses political independence, sovereignty, and the right to self-determination. National freedom is a key concept in the context of decolonization, national liberation movements, and the establishment of sovereign states. It includes the capacity to make independent decisions regarding political, economic, social, and cultural policies. Both anthems emphasise national freedom, and the choice of lexical items indexes this. A glimpse at the excerpts below reveals this.

Excerpt 11: "*Our sovereign Motherland.*

Our flag shall be a symbol

That truth and justice reign" (NWHT)

Excerpt 12: "*One nation bound in **freedom**, peace and unity*" (AOC)

In excerpts 11 and 12, the main terms showing national freedom, 'sovereign' (NWHT) and 'freedom' (AOC), are realized as nominal groups, strategically deployed to reify abstract political ideals. These nouns are not linked to specific agents or processes, a typical effect of nominalization, which allows the concepts of freedom and sovereignty to appear natural, timeless, and universally accepted. For instance, 'Our sovereign Motherland' encodes the nation's independence not just as an achievement tied to historical struggle, but also as a defining, unquestioned attribute. Likewise, 'bound in freedom' metaphorically frames freedom as a unifying force rather than simply a political status. The metaphor 'bound in freedom' is particularly ideologically potent. It suggests a paradox. Being 'bound' typically connotes restriction, yet here it is paired with 'freedom', indicating that citizens are unified through liberation. This ideological metaphor constructs national freedom not as individual autonomy, but as a collective bond, reinforcing the idea that true liberty lies in unity and mutual responsibility. It transforms the abstract concept of independence into a shared national experience. These linguistic choices are functionally used to communicate an optimistic vision of the future. 'Sovereign' reinforces the idea of independence and self-governance, which is central to the ideology of national freedom. The clause, 'That truth and justice reign', connects the flag (and by extension, the nation) to universal ideals of truth and justice. It suggests that the nation is morally righteous and governed by fairness, which aligns with the ideology of national freedom as a just and equitable state.

4.7. Divergence in language use and ideologies in the Old and New Nigerian anthems

The old and the new Nigerian anthems also diverge ideologically, indexed by the use of language. These differences are discussed below.

4.8. Optimism versus motivation

The tone of NWHT is that of celebration and affirmation. The first line of the anthem sets a celebratory tone and emphasises pride in the nation.

Excerpt 13: *“Nigeria we hail thee,
Our own dear native land” (NWHT)*

The tone of NWHT is formal and somewhat reverential, reflecting a sense of colonial influence. This anthem reflects the optimism of the immediate post-colonial period and the challenges of forging a unified national identity from a diverse population. Phrases like ‘sovereign Motherland’ and ‘our own dear native land’ suggest a formal, almost poetic style. The first clause depicts citizens as active agents paying homage to the nation. The material process of ‘hail’ suggests celebratory action, symbolizing reverence, allegiance, and national pride. It affirms an emotional and ceremonial engagement with the idea of Nigeria. The declarative mood functions as an assertion rather than a request or command, conveying confidence, certainty, and optimism. Again, the line thematizes ‘Nigeria’ by placing it at the start, establishing it as the point of departure, and emphasizing its centrality in the discourse. This thematic foregrounding aligns with the celebratory tone, as the nation itself becomes the subject of praise. Generally, the lexical choices ‘hail’, ‘dear’, ‘native’, and ‘own’ carry positive evaluative meaning, promoting a glorified image of Nigeria. At a broader ideological level, the lines participate in the (re)construction of national identity. Postcolonial optimism is encoded through language that uplifts and unifies, reflecting a desire to move forward with pride and hope.

On the other hand, the tone of AOC is more direct and motivational, with a call-to-action format. Imperative mood, like ‘Arise, O compatriots’ and ‘Nigeria’s call obey’, suggests a sense of urgency and collective responsibility. The material processes, ‘arise’ and ‘obey’, particularly foreground the call to action. Moreover, the verb ‘arise’ is thematized to emphasize the importance of this action. Introduced in 1978, during a period of military rule and significant political changes, it reflects a desire for stability, unity, and a forward-looking national vision. The lines immediately call the citizens to action. AOC employs a directive and mobilising strategy, urging citizens to take action and embody values like love, strength, and faith to achieve unity.

4.9. Diversity

Another area of divergence in the two anthems is the emphasis on diversity. NWHT emphasizes diversity in Nigeria, indexed by the thematization of the subordinate clause, ‘Though tribe and tongue may differ’. This acknowledges the diversity within Nigeria, referring to its multitude of ethnic groups and languages. The acknowledgement of differences (Though tribe and tongue may differ), followed by a commitment to unity (In brotherhood, we stand), highlights a theme of inclusivity. Acknowledging ‘tribe and tongue’ signifies recognition of Nigeria’s rich cultural diversity while advocating for unity. This dual acknowledgement is crucial in a country with over 250 ethnic groups. This unity is not despite diversity but through it, recognizing and celebrating the multiplicity of cultures within Nigeria. Nigeria is home to over 250 ethnic groups and more than 500 languages, making diversity a prominent characteristic of its social fabric. The anthem’s reference to ‘tribe and tongue’ directly addresses this reality, promoting a vision of unity that embraces, rather

than erases, cultural differences. National anthems play a significant role in shaping collective consciousness and national identity. By promoting diversity as a theme, the anthem contributes to the ongoing project of nation-building in Nigeria. In recent times, Nigeria has witnessed ethnic conflicts, especially during the 2023 elections. This may have influenced the re-enactment of the first national anthem, given its emphasis on unity in diversity.

4.10. Approach to unity: Fatherland versus Motherland metaphors

Motherland is a conceptual metaphor, representing the nation as a mother. The source domain is mother, which has the semantic features +animate, +human, +productivity, +fertility, +good care, and +diligence, while the nation has semantic features +inanimate, and +abstract. This implies that a nation is a mother. Motherland is the country in which somebody was born. It shows productivity. It is a place of oneness and togetherness. In addition, the nation as a mother depicts a place of fertility. It is often culturally posited that children born to the same mother often share a stronger bond than when they are only connected by the father. The choice of motherhood in NWHT foregrounds the strong bond and unity that should exist among Nigerians. The father metaphor, on the other hand, is the notion that the nation is a father. A nation is a place that provides security to its sons and daughters. The semantic features of the father are +animate, +human, +protection, and +security. The nation as a father shows a place of protection and acceptability. Fatherland equally refers to somebody's ancestral nation and a native land. Generally, in the African context, it is believed that there is a higher level of closeness among children of the same mother than among children of the same father, hence the adoption of the new anthem.

4.11. Futurism versus immediacy

Futurism is a forward-looking approach that emphasizes long-term possibilities, innovation, and anticipation of future developments. It often involves speculation about advancements in society and culture. Immediacy, on the other hand, is a focus on the present, addressing current needs, issues, or opportunities with a sense of urgency. Immediacy values practical, actionable solutions and immediate outcomes. NWHT focuses on a hopeful future, emphasizing the legacy to be handed to future generations and the moral duty of current citizens, while AOC concentrates on immediate action and the realization of specific goals such as peace and justice, reflecting a more urgent and concrete set of aspirations.

5. DISCUSSION OF FINDINGS

The analysis of “*Nigeria We Hail Thee*” (NWHT) and “*Arise, O Compatriots*” (AOC) reveals that both anthems employ similar linguistic strategies to promote unity, patriotism, and moral responsibility, yet they differ in tone, focus, and ideological orientation. These similarities and differences provide insight into how language is strategically used to construct, sustain, and redefine Nigerian national identity across historical periods. The first objective of the study is to identify and describe similar and different linguistic strategies in the two Nigerian anthems. A key similarity in both anthems lies in their use of inclusive pronouns such as *we*, *our*, and *all*, as well as collective national identifiers like *compatriots*, *Nigerians*, and *brotherhood*. These lexical choices serve as unifying devices that linguistically construct the nation as a shared community. Through this collective voice, both anthems erase individual, ethnic, and regional distinctions in favor of a singular national identity. This inclusive linguistic strategy aligns with the ideological aim of fostering a sense of belonging and solidarity among citizens.

Another shared strategy is the use of positive evaluative lexis, words like *unity*, *peace*, *faith*, *freedom*, *honesty*, and *justice*. Such words express the nation's moral ideals and aspirations, thereby positioning Nigeria as a virtuous and promising homeland. This type of moral and evaluative language corroborates Oyeyemi (2018) and Emoruwa, Saka & Awolaoye (2025) on how moral virtues are foregrounded in the Anthems to inspire collective commitment and loyalty. Both anthems also make reference to divine intervention, invoking God as a moral and spiritual foundation for national unity. Phrases such as “*God of creation*” in AOC and “*God*” and “*prayer*” in NWHT reveal that both texts construct the nation as dependent on divine guidance. This strategy positions God as an ideological guarantor of peace and righteousness, thus fusing nationalism with spirituality. The persistence of this theocentric discourse across both anthems demonstrates that religion continues to function as a central ideological anchor in Nigerian national identity formation.

Despite these convergences, notable linguistic differences distinguish the two anthems. *Nigeria We Hail Thee* employs a softer, descriptive tone, relying on sentimental expressions such as “*native land*”, “*motherland*”, and “*banner without stain*”, corroborating Bankole & Ayoola (2025). These evoke emotional attachment, gratitude, and admiration for the homeland. The linguistic style reflects the anthem's historical context of independence, where the focus was on celebrating the birth of a sovereign nation and expressing hope for peaceful coexistence. In contrast, ‘*Arise, O Compatriots*’ adopts a directive and action-oriented tone characterized by imperatives such as “*arise*”, “*serve*”, “*labour*”, and “*call*.” This grammatical shift from description to exhortation signals a transition from mere celebration to active nation-building. The anthem's linguistic structure positions the citizen not as a passive observer but as an agent of national progress. This strategy reflects a postcolonial ideological orientation, emphasizing responsibility, productivity, and civic engagement.

Another linguistic difference lies in how freedom is represented. In NWHT, the notion of freedom is expressed through the term “*sovereign*”, symbolizing national independence and autonomy from colonial rule. In AOC, however, “*freedom*” appears alongside “*peace*”, “*unity*”, and “*love*”, suggesting a broader, internalized understanding of freedom as a moral and civic value that citizens must uphold. Thus, while the new anthem constructs freedom as a collective political achievement, the old anthem redefines it as a continuous ethical and social responsibility.

The second research objective is to explain the ideological implications of the linguistic strategies. The identified linguistic strategies carry deep ideological implications that reflect Nigeria's socio-political evolution. For instance, the shared use of inclusive pronouns and collective identity markers in both anthems underscores the enduring ideological project of national unity. It shows that despite Nigeria's persistent ethnic and regional diversity, both texts function as linguistic tools for promoting a unified national consciousness. Furthermore, the consistent invocation of divine authority in both anthems reveals the fusion of religion and nationalism in Nigerian ideological consciousness. The attribution of national progress and morality to divine will in both anthems legitimize the nation's existence through spiritual authority. This theocentric ideology reflects Nigeria's broader sociocultural context, where religion plays a vital role in legitimizing political and moral values. Divergences in ideologies include the approach to unity, diversity, optimism versus motivation, and futurism versus immediacy. Generally, the findings show how national anthems function not merely as ceremonial texts but as evolving ideological instruments that articulate the nation's self-conception across time.

6. CONCLUSION

This comparative study of language use and ideological shifts in the old and new Nigerian national anthems reveals both convergence and divergence in their representation of Nigeria's values and national identity. While both anthems emphasize the importance of national unity, patriotism, and a shared sense of national aspiration, they also underscore the role of God's intervention and the desire for freedom. These commonalities reflect enduring elements of Nigeria's self-conception across different historical periods, suggesting a consistent focus on promoting a cohesive and aspirational national identity. However, some divergences were identified in other areas, highlighting the distinct socio-political contexts in which the anthems were written. The new anthem, 'Nigeria, We Hail Thee', embodies a post-colonial optimism and a focus on consolidating the newly gained independence. In contrast, the old anthem, 'Arise, O Compatriots', written after the Nigerian Civil War, projects a more urgent call for national reconstruction, civic responsibility, and collective effort in a nation grappling with internal divisions. Overall, the study demonstrates that while certain core values have remained central to Nigeria's national ethos, the evolution of the anthems mirrors the country's changing historical and political realities, with shifts in language reflecting new challenges and aspirations. This evolution highlights the dynamic relationship between national symbols like anthems and the broader ideological landscape they inhabit.

Conflict of Interest

The authors state that there is no conflict of interest.

REFERENCES

1. Adegbenro, E. J., & Mayadenu, A. G. (2025). A socio-pragmatic discourse of the re-introduced Nigerian national anthem, "Nigeria, we hail thee". *Journal of the College of Languages (JCL)*, 52, 23–44. <https://doi.org/10.36586/jcl.2.2025.0.52.0023>
2. Amenorvi, C. R., & Grumah, G. Y. (2019). A thematic analysis of the national anthems of English West Africa. *The Journal of Applied Linguistics and Applied Literature: Dynamics and Advances*, 7(1), 141–151. <https://doi.org/10.22049/jalda.2019.26509.1130>
3. Ayinuola, O. (2022). Lexicalization of ideology in national anthems of selected African states. *Issues in Language and Literary Studies*, 6(1), 124–136. <https://illsjournal.acu.edu.ng/index.php/ills/article/view/82/69>
4. Azam, S., & Negar, D. A. (2014). Exploring linguistic structure and content of national anthems: A comparative study of Asian countries and the five permanent members of the UN Security Council. *Journal of Literary Criticism*, 7(26), 91–122.
5. Bankole, M. A., & Ayoola, M. O. (2025). A discourse intonation analysis of the new Nigerian national anthem, Nigeria, we hail thee. *Smart Moves Journal IJELLH*, 13(6), 45–67. <https://doi.org/10.24113/smji.v13i6.11559>
6. Brown, G., & Yule, G. (1983). *Discourse analysis*. Cambridge University Press.

7. Chouliaraki, L., & Fairclough, N. (1999). *Discourse in late modernity*. Edinburgh University Press.
8. De Souza, A. A. (2008). *Do the right, be firm, be fair: A systemic functional investigation of national anthems written in English* [Doctoral dissertation, University of Santa Catarina].
9. Dze-Ngwa, W. (2014). Rethinking Cameroon's national anthem and the challenges to internal cohesion: A historical review, fifty years after independence and reunification. *International Journal of Liberal Arts and Social Science*, 2(7), 91–101.
10. Emoruwa, O. T., Saka, I. O., & Awolaoye, S. O. (2025). Old–new Nigeria's national anthem: A linguistic functional analysis. *Scholars International Journal of Linguistics and Literature*, 8(7), 177–181. <https://doi.org/10.36348/sijll.2025.v08i07.002>
11. Fairclough, N. (1992). *Discourse and social change*. Polity Press.
12. Fairclough, N. (1993). Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: The universities. *Discourse & Society*, 4(2), 133–168. <https://doi.org/10.1177/0957926593004002002>
13. Fairclough, N. (1995). *Critical discourse analysis: The critical study of language*. Longman.
14. Fairclough, N. (2001). *Language and power* (2nd ed.). Longman.
15. Federal Republic of Nigeria, Ministry of Foreign Affairs. (n.d.). *National anthem*. <https://foreignaffairs.gov.ng/nigeria/national-symbols/>
16. Halliday, M. A. K., & Matthiessen, C. M. I. M. (2014). *Halliday's introduction to functional grammar* (4th ed.). Routledge.
17. Lemke, J. L. (2002). Ideology, intertextuality and the communication of science. In H. F. Peter et al. (Eds.), *Relations and functions within and around language*. Continuum.
18. Mustafa, E. (2015). Semantic framing of nationalism in the national anthems of Egypt and England: A cognitive study. *Linguistics and Literature Studies*, 3(5), 179–193. <https://doi.org/10.13189/lis.2015.030501>
19. Mwinwelle, P., Adukpo, J., & Mwinwelle, R. (2019). The use of lexical cohesive devices in selected Ghanaian university anthems. *International Journal of Social, Politics & Humanities*, 4(2), 161–172.
20. Nigeria High Commission. (n.d.). *Nigerian national anthem*. <https://nigeria-can.org.au/nigerian-national-anthem/>
21. Odebode, I. O. (2020). A socio-pragmatic study of the Nigerian national anthem. *International Journal of Linguistics, Literature and Culture*, 7(3), 23–40. <http://dx.doi.org/10.19044/llc.v7no3a2>
22. Onyeachulam, S. C., & Okoye, M. M. (2024). Language and ideology: A critical discourse analysis of the Nigerian national anthem. *Nigerian Journal of African Studies*, 6(1), 22–27. <https://www.nigerianjournalonline.com/index.php/NJAS/article/view/4519/4383>
23. Oyeleye, A. L. (1985). *The language of Achebe's early novels (in the context of Nigerian English): A study in literary stylistics* [Unpublished doctoral dissertation]. University of Ife.
24. Oyeyemi, A. S. (2018). The Nigerian national anthem: A text linguistic exploration. *International Journal of English Language and Linguistics Research*, 6(1), 31–38. <https://ejournals.org/ijellr/vol-6-issue-1-february-2018/nigerias-national-anthem-text-linguistic-exploration/>
25. Wang, B., & Ma, Y. (2018). Choices in recreating the anthem of the PRC in English: A systemic functional analysis. In *Proceedings of the Seventh Northeast Asia International Symposium on Language, Literature and Translation* (pp. 27–32). The American Scholars Press.

About the authors:

Dr. Moses Olusanya Ayoola is a lecturer in the Department of English and Literary Studies, Bamidele Olumilua University of Education, Science and Technology, Ikere-Ekiti, Nigeria. He holds a PhD in English Linguistics (Syntax) from the University of Ilorin, Nigeria, and has taught English language and linguistics at multiple tertiary institutions in Nigeria. His research interests lie at the intersection of syntax and the application of Systemic Functional Linguistics to texts. He has published extensively in peer-reviewed journals.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1291-2675>

Olubunmi Oyebanji, PhD, is a lecturer in the Department of English and Literary Studies, Bamidele Olumilua University of Education, Science and Technology, Ikere-Ekiti, Nigeria. She holds a PhD in English Language from the University of Ibadan, Nigeria. Her research interests include Critical Discourse Studies, Media Studies, and Gender and Sexuality Studies. Her articles have appeared in international journals, including the *Journal of Language and Sexuality and Discourse & Society*, among others. She is a dissertation-completion fellow and a postdoctoral fellow of the African Humanities Program of the American Council of Learned Societies (ACLS). She is currently a postdoctoral fellow of the Alexander von Humboldt Foundation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0269-8548>

Hannah Oluwatobi Odulaja is a lecturer in the Department of English and Literary Studies, Bamidele Olumilua University of Education, Science and Technology, Ikere-Ekiti, Nigeria. She is a doctoral candidate in the Department of English, University of Ibadan, Nigeria. Her research interests include African diasporic experiences and trauma studies.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8753-5558>

Received: July 6, 2025.

Accepted: November 26, 2025.

Appendix

A. Nigeria, We Hail Thee

I
Nigeria, we hail thee,
Our own dear native land,
Though tribe and tongue may differ,
In brotherhood we stand
Nigerians all,
Are proud to serve our sovereign Motherland.
II
Our flag shall be a symbol
That truth and justice reign,
In peace or battle honoured,
And this we count as gain,
To hand on to our children
A banner without stain.

III

O God of all creation,

Grant this our one request:

Help us to build a nation

Where no man is oppressed,

And so with peace and plenty

Nigeria may be blessed.

(Ministry of Foreign Affairs, Federal Republic of Nigeria)

B. Arise, O Compatriots

Arise, O compatriots, Nigeria's call obey

To serve our fatherland

With love and strength and faith

The labour of our heroes past

Shall never be in vain

To serve with heart and might

One nation bound in freedom, peace and unity.

Oh God of creation, direct our noble cause

Guide our leader's right

Help our youth the truth to know

In love and honesty to grow

And living just and true

Great lofty heights attain

To build a nation where peace and justice shall reign.

(Nigeria High Commission)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-1-27-52>

ЭМОТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКИ ЦИТИРОВАНИЯ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В СОВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ООН, 1964–1965 ГГ.)

Е.В. Насильников

*Государственный университет просвещения (Москва, Россия)
Nevad-vlsu@yandex.ru*

О.И. Максименко

*Государственный университет просвещения (Москва, Россия)
maxbel7@yandex.ru*

Аннотация: В статье исследуются эмотивные аспекты цитирования в дипломатическом дискурсе, основанном на публичной политической коммуникации. Цель исследования – выявить, как различные стратегии цитирования способствуют выражению эмотивности в речах дипломатов. Анализу подвергнуты 100 речей постоянных представителей США и Великобритании в Совете Безопасности ООН за период 1964–1965 гг. Для оценки эмотивной окраски использованы автоматизированные инструменты обработки текста: лексикон SentiWordNet, присваивающий словам числовые значения, отражающие степень их положительной, нейтральной и отрицательной окраски; лексикон VADER (Valence Aware Dictionary and sEntiment Reasoner), который оценивает эмоциональную окрашенность слов с учетом их контекстуальных связей; редактор WordCounter, позволяющий выявлять частотные характеристики ключевых лексем. Применены методы дискурс-анализа и количественного анализа для выявления частотности и функций различных типов цитирования. Установлено, что в дипломатическом дискурсе преобладает прямая цитата, что соответствует требованиям институциональной коммуникации к доказательности. Однако выявлены различия в стратегиях цитирования: британские дипломаты чаще используют не прямое цитирование, интегрируя чужую речь в собственный аргумент, тогда как американские постоянные представители прибегают к маркированному цитированию с использованием кавычек, которое сигнализирует дистанцирование от чужой позиции и выражает скрытую иронию или сомнение. Автоматизированный анализ показал, что цитаты выполняют не только референциальную, но и эмотивную функцию, особенно в контексте контрастного цитирования, используемого как инструмент оппонирования. Впервые проведен количественный анализ эмотивных аспектов цитирования в дипломатическом дискурсе с использованием автоматизированных инструментов оценки тональности. Выявлены различия в стратегиях цитирования между американскими и британскими

дипломатами, отражающие национально-культурные особенности институциональной риторики. Особое внимание уделено прагматическим функциям цитирования, интерпретируемым в рамках кооперативного принципа Г.П. Грайса: показано, как соблюдение и маркированное нарушение прагматических максим используются дипломатами для усиления своих дискурсивных позиций и управления оценочными средствами. Авторами разработана методология интеграции автоматизированных инструментов анализа тональности для исследования эмотивных аспектов цитирования, проведен корпусный анализ стратегий цитирования в дипломатическом дискурсе, что позволило выявить их прагматические функции.

Ключевые слова: цитирование, дипломатический дискурс, политическая риторика, эмотивность, анализ тональности, прагматика.

Для цитирования: Насильников, Е.В., Максименко, О.И. (2026). Эмотивные аспекты дискурсивной практики цитирования в дипломатической коммуникации (на материале выступлений представителей США и Великобритании в Совете Безопасности ООН, 1964–1965 гг.). *Дискурс профессиональной коммуникации*, 8(1), 27–52. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-1-27-52>

1. ВВЕДЕНИЕ

Эмотивность естественного языка представляет собой его конституирующую сущность. Категория передачи эмоциональных состояний человека выражается через эмоции, представленные на разных структурных уровнях языка (Шаховский, 2008). В позициях исследователей наблюдается расхождение, связанное с тем, насколько широко допускается включение психологической сферы эмоциональности в анализ языка и речевого поведения. Экстралингвистический характер эмоциональности ограничивает компетенцию лингвистов в данном вопросе, заставляя их обращаться к данным психологии, биологии и других наук, но, с другой стороны, создаёт предпосылки для теоретических дискуссий о возможностях кодирования эмоций в естественных языках. Это является причиной наличия большого количества теоретических рамок, рассматривающих разные стороны эмоциональности: от универсальных эмоций в естественном семантическом метаязыке (ЕСМ) А. Вежбицкой до культурно релятивных эмоций в подходе лингвистов-антропологов (Harkins & Wierzbicka, 2001; Ekman & Friesen, 1971; Ponsonnet, 2022). Говоря о минимальных предпосылках осмысления эмоциональности в языкознании, стоит отметить, что лингвисты, будучи приверженцами научных методов в рамках зонтичной дисциплины антропологии, полагаются на более-менее устойчивый консенсус научного сообщества относительно эволюции вида *Homo sapiens* и, следовательно, разделяют научные положения о природе высшей нервной деятельности человека, и, в частности, о существовании сигнальных систем. В этом плане эмоциональность мыслится лингвистами как некоторое свойство, доступное органам чувств, т.е. эмпирическому познанию в традиционном философском понимании (Psillos, 2008, с. 129). Так, утверждается представление о первичности эмоционального опыта по отношению к последующему проявлению и концептуализации эмоций в языке. Сами по себе эмоции мыслятся как события (или состояния) телесного (*англ.* embodied) опыта, которые способны сподвигнуть индивида на какие-либо действия (Enfield & Wierzbicka, 2002). В такой теоретической рамке за эмпирической эмоциональностью индивида следует его рациональная деятельность, в частности, выраженная языком. Будучи разумно осмысленными, эмоции находят выражение уже с помощью ресурсов языка. Таков, например, взгляд на эмоции в когнитивистике.

Многовековая западная философская традиция имеет тенденцию к противопоставлению (хотя и не в терминах полного антагонизма) широко понимаемых «разума» и «эмоциональности», что, в свою очередь, отражается на представлениях ученых (и обывателей) о превосходстве первого над вторым. В рамках данной концептуальной схемы языковая деятельность соотносится прежде всего с рациональным началом. Язык призван эффективно кодировать эмоции в соответствии со структурами мышления. Если это требование не выполняется, то эмоции в языке неизучаемы, и более того, ненаблюдаемы на эмпирическом материале.

Здесь очевидны некоторые ограничения. Лингвистика в силу распределения эпистемологических областей исследования среди наук не может пользоваться двумя из трех исторически устоявшихся взглядов на эмоции: как на опытные данные (*à la* биология), как на стимулы к действиям (*à la* психология). Третий взгляд, т.е. взгляд на эмоции как на оценочные ресурсы индивида, оказался доступным лингвистике благодаря возможности его применения к анализу функций языковых знаков при выражении эмоций¹. Например, в системно-функциональном подходе «эмоциональный язык» изучается только как одна из подсистем языка, способная к выражению оценочных значений (White, 2015, с. 779).

Для лингвистики эмоции как таковые представляют остаточный интерес, в первую очередь изучается возможность их кодирования в *языковых знаках* и осмысления в рамках семантики/прагматики.

Наконец, скажем об употреблении языка. Естественный язык как средство коммуникации предполагает наличие *социальных ситуаций* для непосредственного осуществления коммуникации. В определенных социальных ситуациях существуют особые правила инструментализации языка, например, санкционированное выражение эмоциональных значений, табу, разрешения, допущения и т.д. Эта очевидность подкрепляет тезис о превосходстве *ratio*, и, одновременно указывает на то, что носители языка полагают последний посильным регулятором эмоциональности, который способен производить некоторую «обратную связь» с нерациональными по природе эмоциями.

Описав эти предварительные теоретические положения, мы можем приступить к анализу языкового материала данного исследования на предмет наличия особых функциональных свойств для выражения эмоциональных значений. Исследуется *коммуникативная ситуация* открытого профессионального дипломатического общения (термин М.В. Белякова (Беляков, 2023б), и используемые в ней *языковые знаки* цитирования. Предполагается, что практика цитирования в дипломатическом дискурсе приоритетно реализует языковые возможности выражения эмоциональных значений. Это, в свою очередь, может быть продемонстрировано с помощью средств автоматизированного анализа, позволяющего охватить наибольший объем языкового материала.

Материалом исследования послужили тексты речей представителей США и Великобритании в Совете Безопасности ООН. Исследуемый корпус состоит из 100 текстов. Выбор периода 1964–1965 гг. обусловлен не только структурными особенностями дипломатического дискурса, но и высокой содержательной плотностью международной повестки, отражающей ключевые конфликты и идеологические противостояния обозначенной эпохи. Речи

¹ Emotion // Stanford Encyclopedia of Philosophy [Электронный ресурс]. — URL: <https://plato.stanford.edu/entries/emotion/> (дата обращения: 02.03.2025).

постоянных представителей США и Великобритании в Совете Безопасности ООН охватывают широкий спектр проблем — от региональных вооружённых столкновений до вопросов прав человека и деколонизации. Несмотря на схожий статус государств в международной системе и коммуникацию на общем (английском) языке, их официальные позиции регулярно расходились, что отражалось в различиях в коммуникативных установках и структуре аргументации. Естественно, данные различия затронули и эмотивную сторону практики цитирования.

Целью настоящего исследования является определение того, каким образом стратегии цитирования в открытом дипломатическом дискурсе функционируют в качестве средств выражения и регулирования эмотивности. В фокусе внимания находятся следующие задачи: установление доминирующих видов цитирования и выявление их эмотивной нагрузки в институциональном общении. Анализ направлен на то, чтобы понять, каким образом цитаты используются для выражения позитивной, негативной или нейтральной оценки, какие прагматические функции они реализуют, какие нормы публичной политической коммуникации они поддерживают или нарушают.

В рамках настоящей работы ставятся следующие исследовательские вопросы:

1. Какие виды цитирования преобладают в речах представителей США и Великобритании в указанный период?
2. Насколько распределение источников цитат связано с эмотивностью в дипломатическом дискурсе?
3. Отличается ли использование цитирования в речах представителей США и Великобритании по количеству примеров, типам и характеру эмотивной нагрузки?

Объектом настоящего исследования выступает цитирование как речевой акт, эмотивные характеристики которого поддаются количественному анализу без учета экстралингвистических факторов.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Статус эмотивности в дипломатическом дискурсе

В случае ООН мы можем говорить о дипломатическом дискурсе, как об особой форме медиализированного политического дискурса (в понимании Н. Феркло или Т. ван Дейка (ван Дейк, 2013)), основанной на традиции публичности политической коммуникации в западном мире (Fetzer & Reber, 2019, с. 98; Беляков, 2023а, с. 14). Важно отметить факторы, конституирующие ситуацию дипломатического общения. Дипломатический дискурс институционален, предполагает систему статусно-ролевых отношений между участниками общения, обладающими особой компетенцией, чтобы называться «дипломатами». Также указанная выше медиализированность дискурса позволяет говорить об установлении статусно-ролевых отношений между дипломатами и массовым адресатом коммуникации. Данный уровень коммуникации неоднократно становился объектом исследований в рамках анализа политического дискурса в отдельных государствах (см. Fetzer & Reber, 2019). Исследователи обращают внимание на конституирующую для данного дискурса роль специфических языковых клише и протокольных формул (Яппарова, 2016, с. 165-167). В связи с этим следует отметить ограниченность средств выражения эмотивности в дипломатическом дискурсе. Так, традиционные выразительные средства художественного дискурса (метафора, гипербола, рифма, оксюморон и др.) нечасто переносятся в реалии

дипломатии. Иногда они возникают именно в контексте цитат из классических литературных произведений, примеры чего даны в пункте 4.4. Эти средства не находятся под каким-либо запретом, но контекст дипломатической коммуникации делает их менее уместными.

Основная форма общения, в рамках которой актуализируются указанные языковые особенности, может быть характеризована понятием «переговоры». Переговоры предполагают обмен мнениями участников для достижения консенсуса по какому-либо вопросу в условиях конфликтной социальной ситуации (Перов, 2013). Институциональность дипломатического дискурса как раз проявляется в том, что процесс и результат переговоров фиксируется в языковой форме, в качестве документа. Важно отметить, что словарные определения лексемы «переговоры» иногда не передают значение конфликтности ситуации, зачастую сопровождающее употребление слова (Терентий, 2015, с. 179). Тем не менее, именно конфликтность ситуаций, актуальных для обсуждения в формате переговоров, по-видимому, является одной из определяющих причин особой санкционированности речевого поведения дипломатов. Значимость этой детали подтверждается высказываниями прескриптивного характера за авторством самих дипломатов и требованиями, закрепленными в нормативных документах дипломатических организаций, например, ООН².

Исходя из указанной выше дихотомии «разума» и «эмоциональности» закономерно предположить, что особому санкционированию подвергается именно последнее. Например, дипломат «должен быть в хорошем настроении или по крайней мере *подавлять* свое плохое настроение» (курсив наш – Н.Е.) (Терентий, 2015, с. 182). Это доказывает и анализ языковых клише, таких как «мы выражаем (глубокую, крайнюю) обеспокоенность/благодарность» и др. (Яппарова, 2016, с. 168)^{3, 4}. Несмотря на конвенциональные ограничения на демонстрацию эмоций, свести их влияние на дипломатическую риторику не представляется возможным. Прямое отражение эмоций подавляется, но эмотивные ресурсы языка сохраняются (термин «эмотивность» и производные от него приняты в отечественной традиции (Болотнова, 2022)). Это значит, что данные ресурсы могут быть использованы в отрыве от непосредственных состояний, которые они денотируют. Чтобы эффективно применять эмотивность в своей риторике, дипломаты опираются на интертекстуальный статус дипломатического текста, а также на полномочия своего рода «расширенной» языковой личности.

2.2. Практика цитирования в дипломатическом дискурсе

Дипломатический дискурс аналогично политическому снабжен интертекстуальными элементами. Вернее было бы даже сказать, что в этом дискурсе уже существующие интертекстуальные средства помещаются в особую ситуацию коммуникации, в чем и заключается суть процедуры создания интертекстуальной «цепи», дающей возможность реактуализировать прошлые высказывания в настоящем моменте речи (Мэн, 2023, с. 203). Помещение частей одного текста в контекст другого – это двойственное действие. Сначала оно создает

² Принципы и установки для ведения международных переговоров. Приняты резолюцией 53/101 Генеральной Ассамблеи ООН от 8 декабря 1998 года [Электронный ресурс]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disputes.shtml (дата обращения: 02.03.2025).

³ ЮНИСЕФ выражает глубокую обеспокоенность в связи с манипулированием детьми [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.unicef.org/eca/ru/пресс-релизы/юнисеф-выражает-глубокую-обеспокоенность-в-связи-с-манипулированием-детьми-и> (дата обращения: 02.03.2025).

⁴ ТАСС. Международная панорама [Электронный ресурс]. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21492141> (дата обращения: 02.03.2025).

связь между текстами, но вторым тактом создает для заимствованного фрагмента новый контекст (Алещанова, 2000, с. 4). Некоторые исследователи даже настаивают на том, что заимствованный текст теряет изначальный смысл (Мурадян, 2020, с. 103). На наш взгляд, философское прочтение показывает обратный эффект: умножение смысла, его аккумуляцию в связи с появлением новых контекстов. Если философы, говорящие об интертекстуальности, обычно мыслят систему языка всеобъемлюще и абстрактно, то в рамках лингвистического исследования нам необходимо ограничиться конкретной наблюдаемой формой интертекстуальности, которой сознательно пользуются носители языка (Кристева, 1993, с. 5). Такой формой является цитирование⁵.

Цитирование – это формально маркированное средство реализации интертекстуальности (как в устной, так и в письменной речи) (Алещанова, 2000, с. 4). Также цитирование описывается в терминах «метарепрезентации» (Fetzer, 2020). Такая проблематизация термина относится к сфере логики (см. решение парадокса «лжец» в концепции А. Тарского (Brendel et al., 2011, с. 16). На аспекте маркированности настаивает традиция формализации цитирования, например, в изводе аналитической философии языка, дополненной языкознанием на базе средств передачи прямой и косвенной речи. В рамках данного подхода выделяются три основных и три специфических типа цитирования. Основными видами полагаются металингвистическое (чистое), прямое, не прямое цитирование (Brendel et al., 2011, с. 1):

«*Berlin*” has six letters»;

«*Quine* said: “*Quotation has a certain anomalous feature*”»;

«*Quine* said that *quotation has a certain anomalous feature*».

Далее идут смешанное, закавыченное (т.н. дистанцирующее цитирование, например, ироническое), эмфатическое цитирование:

«*Lena* said that this piece of art “is difficult to understand”»;

«*Lena, the philistine, said in disgust that “this piece of art” is difficult to understand*»;

«*This piece of art is «genial»*; (сказано поклонником творчества)».

Это разделение фундаментально, но, при всей его описательной силе, все же условно. Перед всеми семантическими теориями цитирования, объясняющими сам его механизм, стоят серьезные ограничения, во многом заключающиеся в излишней сложности концептуализации процедуры закавычивания, т.е. буквально процедуры маркирования цитирования⁶.

Опишем дополнительные условия обращения к семантической теории цитирования, чтобы выбрать адекватный данному исследованию ее вариант.

⁵ Английские термины «citation» и «quotation» синонимичны и зачастую взаимозаменяемы. «Quotation», однако, может иметь отношение к кавычкам, поэтому его допустимо переводить как «закавычивание», говоря о процедуре расстановки кавычек. «Citation», с другой стороны, может соотноситься с академическими традициями цитирования, такими как APA, MLA, Chicago.

В отечественных исследованиях приводятся такие термины, как «цитирование» и «цитация» (Алещанова, 2000, с. 4). Оба употребления происходят из обыденного языка.

⁶ Исчерпывающий анализ данных теорий дается в тематическом сборнике Understanding Quotation (Brendel E., Meibauer J., Steinbach M. (eds.) Understanding Quotation. — Berlin: Mouton de Gruyter, 2011. — 350 p. — (Mouton Series in Pragmatics; Vol. 7). — ISBN 978-3-11-024005-4.), а также в статье (Quotation [Электронный ресурс] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. — URL: <https://plato.stanford.edu/entries/quotation/>). Дополнительно лишь обратим внимание на значимое для данной дискуссии металингвистическое разделение «использования» и «упоминания» (англ. use-mention distinction) какого-либо выражения. Так в первом примере имеет место упоминание, во втором и третьем – использование (Moore. 1986).

Как уже указывалось, дипломатией занимаются особенные политические акторы, языковые личности, наделенные как автономией, будучи полноправными участниками дискурса, так и ответственностью, будучи официальными представителями стран, политику которых репрезентируют от своего имени. Поскольку дипломатический дискурс является вариантом профессионального дискурса, то к языковой личности предъявляются повышенные требования, чтобы быть к нему приобщенным. В такой коммуникации, очевидно, осведомленность участников считается обязательной. Согласно этике своей профессии, дипломат не может просто забыть какой-то актуальный материал и не подготовиться к обсуждению заявленной темы встречи, чтобы ему потребовалась помощь в ориентации в прошлых высказываниях коллег. Обыденность общения, в рамках которого можно регулярно о чем-то переспрашивать, забывать, просить повторить о чем-то, неприемлема для дипломатии, или, по крайней мере, нежелательна. Дискурсивная компетенция должна быть настолько обширной, что требования к отдельному субъекту находятся на грани исполнимости. В свою очередь набор риторических инструментов, которыми может пользоваться дипломат, ограничен набором средств любого носителя языка. В силу этого и приходится говорить о некой «расширенной» языковой личности. О самом понятии языковой личности см. (Иванцова, 2012). Строгие ограничения и постоянно растущая комплексность дискурса вынуждают дипломатов прагматически максимизировать эффективность существующих языковых ресурсов, при поверхностном соблюдении максим кооперации и вежливости, что вполне в духе целей политического дискурса (Leech, 2014, с. 90, Карасик, 2000).

Из пяти достаточно разработанных теорий цитирования (*proper name th.*, *description th.*, *demonstrative th.*, *disquotational th.*, *identity th.*) только две (*demonstrative th.* и *identity th.*) в своих базовых описаниях удовлетворяют требованию учета данных прагматических ориентаций в речевом поведении⁷. Со своей стороны, мы могли бы настаивать на принятии *identity theory* с оговорками, представленными в работе «*The Act of Quotation*» (Saka, 2011).

Переноса внимание с цитирования на говорящих субъектов, иницилирующих речевой акт цитирования, автор предлагает принять факт референциальной неопределенности цитаты, а также настаивает на важности прагматического знания для расшифровки цитаты в любой коммуникативной ситуации (Saka, 2011, с.303-304, 312). Содержание цитаты может обозначать типы, токены, высказывания и проч., поэтому смысл цитаты зависит от конкретного случая ее употребления⁸. Даже принимая данную точку зрения, не стоит забывать, что она не решает всех вопросов, касающихся природы акта цитирования. Позиция *ad hominem*, от языковой личности в теории речевых актов усиливается благодаря факту, что существующие теории не могут непротиворечиво описать структуру феномена цитирования (Saka, 2011, с. 319). Однако поворот к прагматизму необязательно свидетельствует о теоретическом преимуществе. Скорее, его можно интерпретировать в качестве реакции на сложность формально-семантического описания цитирования.

Становится ясным, что в случае открытого профессионального дипломатического дискурса, когда у участников общения есть заготовленные выступления и источники «на руках», прямая цель цитирования – внедрение новой информации, имеющей отношение

⁷ Quotation [Электронный ресурс] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. — URL: <https://plato.stanford.edu/entries/quotation/>

⁸ См. Quotation [Электронный ресурс] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. — URL: <https://plato.stanford.edu/entries/quotation/>.

к прошлому – зачастую становится неактуальной. Так мы приходим к пониманию того, что цитирование в исследуемом нами контексте должно выполнять и другие функции, помимо функции чистой референции к ранее сказанным словам.

Еще М.М. Бахтин отмечал, что, как ни парадоксально, в жизни люди говорят о том, о чем говорят другие. В такой картине речевого поведения, суть коммуникации заключается в высказывании собственного *отношения* к речи Другого (Bublitz, 2015, с. 1). Более того, добавочная ценность средства цитирования состоит в возможности подспудно выразить отношение и к самому Другому как автору каких-либо слов (Bublitz, 2015, с. 13). Цитирование в политическом и дипломатическом дискурсах, однако, принципиально отличается от цитирования в сфере искусства или науки. Так требования фикциональности в художественной литературе дают писателю возможности трансформировать цитаты на собственное усмотрение, следуя за нуждами образности, за логикой создания факта искусства: лексически, грамматически, etc. (Темботова, 2011, с. 172). Особой формой цитирования, интересно сближающей науку и искусство, является выражение благодарности (англ. *acknowledgement*), когда сам факт создания и презентации произведения частично атрибутируется другим людям. Однако чаще всего исследуется именно выражение благодарности в научном контексте (Salager-Meyer, 2009).

Дискурс, ориентированный на некоторое реальное положение вещей, отвечает другим требованиям. Здесь на цитирование накладываются ограничения, от которых зависит информационная ценность цитаты (Алешанова, 2000, с. 5). Так в научном дискурсе оригинальные контексты всех цитат должны быть доступны для проверки (англ. *retrievable*). В широко понятом политическом дискурсе это правило обычно соблюдается не так последовательно, но в дипломатическом дискурсе наблюдается очевидное сближение с наукой. Существуют особенные процедуры фактчекинга, основанные на требованиях к *уместности* и *точности* цитирования. На этих правилах цитирования, например, построены статьи в глобальной онлайн-энциклопедии «Википедия»⁹. Более того, отрыв от устной речи в научной среде послужил причиной прагматических изменений в практике цитирования – распределению функциональных типов цитат¹⁰. Эта ситуация практически диаметрально противоположна дипломатическому дискурсу.

Всё же в дипломатии есть некоторый научный аспект, который заключается в этическом положении следования «правде», аналогично научному следованию «истине» (Терентий, 2015, с. 184). Если «истина» содержится в объекте научного исследования, которым занимаются ученые, то дипломатическая «правда» должна быть представлена субъективно, то есть в словах конкретной языковой личности, которой и является дипломат. Одной из характеристик такой личности как раз выступает эмоциональность, отражаемая в эмотивных маркерах в речи.

Говоря о политическом дискурсе, исследователи упоминают неосвязаемые формы ценности – символический капитал по П. Бурдьё (Мартиросян, 2014, с. 36). Так цели акта цитирования заключаются в переработке некоторого «лингвистического капитала». Например,

⁹ Википедия: Цитирование [Электронный ресурс] // Википедия. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Википедия:Цитирование> (дата обращения: 02.03.2025)).

¹⁰ «...five function types: Background, Problem Statement, Method, Results, and Limitations» (Kunnath, 2021, с. 1174). Здесь же стоит отметить, что исследования показывают, что многие цитаты вовсе излишни, т.е. лишены какой-либо функции (Kunnath, 2021, 1171).

целью может быть повышение статуса высказывания, его дискредитация, а также выражение нейтрального отношения (Naaränen, 2024). В этом свете можно толковать, каким образом идиостили отдельных политиков складываются благодаря (или даже вопреки) сложившемуся исторически политическому дискурсу в государственных структурах (например, см. Мартьянов, 2012).

Стоит упомянуть, что еще одно различие политического и научного дискурсов состоит как раз в использовании цитат. Исследования показывают, что цитирование в науке все реже оказывается оценочным. По всей видимости, причиной тому могут быть некоторые репутационные риски при вынесении открытой оценки труду коллег, т.е. возможность потери символического капитала, что может сказаться на академической карьере какого-либо ученого (Hyland & Jiang, 2019). Однако для подобных выводов требуются более глобальные исследования.

Сама по себе дискурсивная практика цитирования не обязана передавать эмотивные элементы, но прагматически ей может сопутствовать оценочный аспект. Основные дискурсивные стратегии цитирования можно вывести из положения о лингвистическом капитале. Большинство исследователей согласны друг с другом в том, что основные дискурсивные стратегии – это согласие, несогласие, и информирование (Feldman & Kinoshita, 2024, Alkhawaldeh, 2024, Fetzer, 2015). Этим трем базовым видам дискурсивных стратегий соответствуют три вида оценки – положительная, отрицательная и нейтральная.

В наукометрии существуют схожие наработки по сентимент-анализу контекстов цитирования. Аналогично представленным видам оценки в них наблюдается разделение на поддерживающее, контрастирующее и упоминающее цитирование (Nicholson, 2021, с. 882, Alnowaiser, 2024). Однако сами исследователи подчеркивают, что для принятия убедительного решения о полезности сентимент-анализа цитирования в науке необходимо расширять корпус примеров и на другие дискурсы, иначе данные могут оказаться искаженными и неприменимыми к мультидисциплинарным работам. Сейчас в данной сфере преобладают исследования по компьютерным наукам и биомедицине (Kunnath, 2021, с. 1210). В нашем исследовании предлагается вариант расширения сферы применения количественных методов сентимент-анализа на дипломатический дискурс, ничуть не менее богатый, чем представленные выше научные дискурсы.

3. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводится на базе корпуса из 100 текстов речей постоянных представителей США и Великобритании в Совете Безопасности ООН, которые были извлечены с сайта Цифровой библиотеки ООН по методу сплошной выборки, вручную транскрибированы в текстовый формат «Word». Для каждой из упомянутых стран было обработано по 50 текстов постоянных представителей за период 1964-1965 гг. Исследуемый период охватывает обсуждение целого ряда международных проблем, в обсуждении и решении которых обе страны принимали активное участие: Кипрский вопрос, политика апартеида в Южной Африке, кризис в Конго, жалоба представителей Камбоджи на агрессию США, процесс деколонизации (в ходе которого Великобритания потеряла статус метрополии), расширение состава ООН. Риторика данных выступлений наполнена примерами формализованного цитирования, апелляций к уставным документам. Средний объем исследуемых текстов составил ~1314,87 слов (7188,67 знаков). Для речей постоянных представителей США – 1424,64 сл. (8544,90 зн.); Великобритании – 1205,10 сл. (5832,44 зн.).

Для анализа общей эмотивности текста использовались специально разработанные программы на базе лексиконов SentiWordNet и VADER, приспособленных к sentiment-анализу. Соответственно представленным средствам анализа в работе изучаются лексико-семантические эмотивы. Релевантность использования данных лексиконов обусловлена предметом анализа – на лексическом уровне эмотивность выражается с помощью лексем с фиксируемой полярностью. Поскольку оба инструмента позволяют фиксировать наличие позитивных, нейтральных и негативных эмотивных компонентов, они соотносятся с поставленной целью выявления оценочной функции стратегий цитирования.

SentiWordNet и VADER были выбраны в качестве инструментов для анализа эмотивности преимущественно из-за их точности и совместимости с корпусами ограниченного объема. SentiWordNet основан на базе WordNet и присваивает каждому синонимическому ряду (*англ.* «synset») три коэффициента: положительный, отрицательный и нейтральный. Это позволяет количественно фиксировать полярность отдельных лексем вне контекста их употребления. VADER, в свою очередь, использует заранее составленный лингвистами словарь с эмпирически выверенными значениями и учитывает такие детали, как пунктуация, модификаторы (к примеру, *англ.* «very», «not») и даже лексикон эмодзи (данная функция не является релевантной для целей настоящего исследования). Он оптимизирован для работы с социально-политическими текстами, кроме того, пригоден для конверсационного анализа. Применение двух этих инструментов в тандеме позволяет компенсировать ограничения каждого из них: SentiWordNet точно улавливает базовую эмотивность слов, а VADER — реализацию эмотивности в реальной коммуникативной ситуации.

Постараемся обосновать выбор именно этих лексиконов в сравнении с наиболее известными аналогами: BERT, TextBlob и LIWC. В отличие от других решений, таких как BERT-модели, SentiWordNet и VADER не требуют предварительного обучения на обширной выборке корпусов и хорошо подходят для обработки текстов средней длины без явного противоречия в интерпретируемых результатах. Кроме того, если SentiWordNet по функциональности аналогичен своим альтернативам – TextBlob и LIWC, то дополняющий его VADER значительно отличается от данных лексиконов и выбран, чтобы предоставить иную перспективу анализа. Надежность и эффективность данных инструментов анализа эмотивности не раз демонстрировались в работах, посвященных политическому дискурсу. Например, SentiWordNet использовался в контексте избирательных кампаний (Esuli & Sebastiani, 2006, Miranda et al., 2019), а VADER – в работах о политической риторике в социальных сетях (Bonacchi et al., 2024).

Результаты анализа, полученные с помощью SentiWordNet и VADER, в большинстве случаев демонстрируют высокую степень согласованности, что доказывает их общую совместимость. Достоверность результатов обеспечивается сопоставлением данных на выходе: совпадение результатов говорит о корреляции оценок. При расхождении результатов приоритет отдается VADER, поскольку данная программа более чувствительна к контекстуальным связям в тексте. Важно отметить, что в случаях расхождения именно VADER чаще регистрировал отрицательную окраску, основанную на контекстуальном дистанцировании. Это подтверждает чувствительность VADER к прагматическим нюансам высказывания. Возвращаясь к указанным выше альтернативным путям анализа эмотивности, скажем, что расширение арсенала инструментов анализа в последующих работах, как минимум, уточнит средние показатели эмотивности текстов исследуемого корпуса.

Использование двух инструментов необходимо для демонстрации вариативности формального оценивания эмотивно нагруженных лексем. Для количественного анализа текстов использовался алгоритм подсчета частотности слов WordCounter. Этот инструмент служил преимущественно для определения доли цитированных фрагментов в исследуемых текстах. Последовательно обозначим использованные в исследовании методы: сплошная выборка текстов (1964-1965 гг.); корпусный анализ – сбор и обработка корпуса дипломатических речей для последующего анализа стратегий их использования; метод автоматизированного сентимент-анализа – определение эмотивной окрашенности текстов; метод частотного анализа – выявление закономерностей в употреблении различных видов цитирования; прагматический анализ – для определения характера следования принципам кооперации и вежливости; речеактный анализ – для определения контекстуального значения цитат и перлокутивных эффектов цитирования соответственно. Дискурс-анализ используется для интерпретации ролей участников коммуникации (например, при самоцитировании, §4.3.) и позиционирования в социальной ситуации общения (например, при поддержке какой-либо точки зрения или в противостоянии ей, §4.5.). Отдавая дань уважения традиционным видам семантического и функционально-стилистического анализа, отметим, что в данной работе приоритет отдается установлению частотных показателей эмотивной оценки в дипломатическом дискурсе. Элементы семантического и функционально-стилистического анализа, однако, сохраняются на уровне анализа эмотивной коннотации лексем (например, в синонимическом ряду «reprisal–retaliation–self-defence») и при интерпретации стилистических норм дипломатического дискурса как в теоретической части (§2.2.), так и в практической (§4.2.).

4. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

4.1. Статистика цитирования по корпусу

Прежде всего рассмотрим степень распространённости дискурсивной практики цитирования в открытом дипломатическом дискурсе. Анализ показывает, что 69 % исследованных текстов содержат цитированные фрагменты, как эксплицитно маркированные кавычками, так и выраженные в форме не прямой речи. В среднем объем цитат на текст достигает ~86 слов. Минимальная и максимальная доли прямых цитат в отдельных текстах составили 0,06 % и 39,71 % соответственно. Средний показатель объема текста, который занимают прямые, маркированные кавычками цитаты, – 6.39%. Исходя из этих показателей, мы можем сделать вывод о приемлемости практики цитирования в дипломатическом дискурсе, о ее систематическом использовании. Полученные данные позволяют перейти к детальному анализу массива цитат, разделенного по разным категориям.

4.2. Прагматика выражения эмотивности в разных видах цитирования

Таблица 1. Частотность видов цитирования в корпусе дипломатических речей

	Металингвистическое (чистое)	Прямое	Непрямое	Смешанное	Закавыченное	Эмфатическое
USA	1	84	2	0	38	1
UK	2	65	28	8	1	0

В дискурсе как постоянных представителей США, так и Великобритании самым распространенным видом цитат оказались прямые цитаты. Этот вид цитирования полноценно удовлетворяет требованию доказательности речи в контексте институционального общения. Прямая цитата, однако, должна происходить из доступного всем участникам коммуникации источника, чтобы соответствовать стандартам открытого дипломатического дискурса. Проведенный анализ показывает, что данное условие выполняется во всех случаях. Цитаты нередко снабжаются сносками, указывающими на источник. Большинство цитат имеют форму последовательности предложений, что, как минимум, указывает на то, что обсуждению подвергаются не столько отдельные терминологические единицы или правовые формулировки, но мнения, выраженные в форме текста как сверхфразового единства. Прямые цитаты из документов ООН, международных соглашений и предыдущих речей служат прагматическим маркером достоверности информации. Постоянный представитель, ссылаясь на проверяемый источник, демонстрирует соответствие грейсианской максиме качества. Прямая цитата выступает как фрагмент текста, с которым *нельзя* не согласиться.

Менее очевидной причиной предпочтения прямого цитирования можно считать желание избежать подозрений в плагиате. Однако представляется, что такое объяснение более уместно касательно сферы политического спичрайтинга (Mobleу, 2018).

Автоматизированный анализ эмотивности прямых цитат возможен при разделении контекстов на внутрцитатные и внецитатные. Так получается отделить эмотивные показатели цитированного текста от эмотивных показателей нового текста и указать на возможные «перепады» между ними, отражающие отношение говорящего. Однако вывод из показателей эмотивности так или иначе придется делать дискурс-аналитику, поскольку для определения дискурсивной стратегии говорящего требуется учет большого количества прагматических факторов, пока что недоступных качественному анализу. Количественный анализ в данном случае работает как подспорье для углубленного семантического анализа. В результате автоматизированного анализа не было выявлено каких-либо закономерностей или однозначных тенденций в эмотивной оценке прямых цитат.

Пример прямого цитирования:

«My Government's view on the settlement of the Kashmir problem was stated in the British Parliament in December 1956 by the Under-Secretary of State for Commonwealth Relations in the following terms: 'Her Majesty's Government have always hoped that this dispute would be settled by agreement between the two countries... '» (United Nations Security Council, 1964, S/PV.1086).

Прямая цитата заняла первое место по частотности у представителей обеих стран, но второе место заняли разные формы. Представители Великобритании чаще использовали не прямое цитирование. Автоматизированный анализ эмотивной оценки не прямых цитат также не показал каких-либо закономерностей или однозначных тенденций. Пример:

«The Secretary-General merely repeated assertions made by the Yemeni Republican authorities and the United Arab Republic that supplies are being introduced from the Beihan area» (United Nations Security Council, 1964, S/PV.1161).

Постоянные представители США, в отличие от своих коллег из Великобритании, значительно чаще использовали заковычивание как средство дистанцирования от цитируемых слов, а не как инструмент референции. Пример:

«If I understood his sometimes obscure and generally offensive language, the Soviet representative has asked me for a clear and unambiguous answer to the question whether the policy of the United States in South-east Asia is «more peace» or «more war». I am very glad to answer his question by repeating what I said here in the Council the other day, and perhaps it

would save us time hereafter if my colleague from the Soviet Union listened to what I said. Or, I wonder if perhaps that would spoil the effect of his rhetorical mythology. A wise man once said in this country that there is nothing more horrible to witness than the murder of a beautiful myth by a horrible fact» (United Nations Security Council, 1964, S/PV.1161).

За редким исключением такое дистанцирование означает отрицательное отношение к сказанному, отрицательную эмотивную окраску. В кавычки в таком случае часто помещаются уже эмотивно окрашенные слова, а целью такого цитирования можно назвать как раз избавление от эмотивной окрашенности или изменение ее “знака” на положительный. В представленном выше примере дипломат смягчает негативную эмотивную окраску вопроса о военных действиях, помещая его в общий нейтрально-положительный эмотивный контекст, что подтверждается автоматическим анализом эмотивности.

С помощью такого контрастного цитирования дипломат показывает несовместимость прошлых утверждений оппонента с текущим контекстом высказывания, сигнализируя другим участникам коммуникации о том, что последний нарушает грейсианские максимы релевантности и ясности.

Металингвистическое цитирование применялось достаточно редко в данном корпусе текстов, в основном для прояснения терминологии. Так, дипломат цитирует слова «retaliation» и «reprisals» из Хартии ООН, с целью прокомментировать то, что отдельные термины с сильной коннотацией были выбраны другими участниками коммуникации для представления военных действий страны неоправданно агрессивными (сноски 11-12 указывают на документы, в которых оба слова введены как термины; к корпусу исследования эти источники имеют только опосредованное отношение, поэтому цитаты из них не приводятся^{11, 12}):

«One, which is of a retributive or punitive nature, is termed ‘retaliation’ or ‘reprisals’; the other, which is expressly contemplated and authorized by the Charter, is self-defence against armed attack. The term ‘counter-attack’ has perhaps led to some misunderstanding» (United Nations Security Council, 1964, S/PV.1109).

На первый взгляд, обсуждение самих слов (чем и является металингвистическое цитирование) не так просто вписать в эмотивный контекст, поскольку их семантика должна рассматриваться абстрактно, вне зависимости от отношения говорящего субъекта. Тем не менее, общий контекст высказывания всегда дает понять, кому из оппонентов в коммуникации может быть приписано использование данных слов, а замена одних терминов другими почти всегда будет служить выражением недовольства первыми. В изложенном выше случае, термины же оцениваются нейтрально, так как происходят из документа, статус которого не подлежит открытому оспариванию. Между металингвистическим и дистанцирующим цитированием формально провести четкую границу не так просто. Можно сказать, что даже в случае открытого оценивания металингвистическое цитирование остается достаточно нейтральным относительно дистанцирующего цитирования. Возвратимся к примеру выше:

«The term ‘counter-attack’ has perhaps led to some misunderstanding»;

¹¹ United Nations. (1985). Repertory of practice of United Nations organs: Supplement No. 3 (1959–1966), Article 51. United Nations. https://legal.un.org/repertory/art51/english/rep_supp3_vol2_art51.pdf

¹² United Nations International Law Commission. (1980). Report on the work of its thirty-second session (5 May – 25 July 1980). United Nations. <https://digitallibrary.un.org/record/607987?v=pdf&ln=ru>

«One, which is of a retributive or punitive nature, is termed ‘retaliation’ or ‘reprisals’; the other, which is expressly contemplated and authorized by the Charter, is self-defence against armed attack» (United Nations Security Council, 1964, S/PV.1109).

В обоих случаях речь идет о значениях слов в кавычках, но во втором примере эксплицитно выражено оценочное отрицательное отношение языковой личности. Количественный анализ эмотивности также показал, что пример №2 окрашен более негативно.

4.3. Эмотивный аспект самоцитирования

Таблица 2. Частотность источников цитирования по параметру «самоцитирование – цитирование других источников»

	Самоцитирование	Цитирование других
USA	14	113
UK	31	73

В обоих случаях можно наблюдать, что цитирование чужих слов является приоритетной задачей использования этого средства. Самоцитирование встречается гораздо реже, но его дискурсивная задача также подлежит исследованию, так как его распространенность даже в таких небольших количествах не коррелирует с нашей гипотезой о том, что основной целью цитирования является выражение отношения к сказанным словам (в частности, выражение эмотивной оценки). Также существует устоявшаяся точка зрения, согласно которой, редкость самоцитирования объясняется соблюдением коммуникативной максимы скромности (Fetzer & Reber, 2019, с. 106).

Во-первых, эмотивное окрашивание собственных слов, представленных в самоцитировании, возможно. В рамках политического дискурса повторение собственных слов и их реконтекстуализация является частью «политического брендинга», создания положительного имиджа (Fetzer & Reber, 2019, с. 98). Все контексты самоцитирования, что ожидаемо, имеют семантический контекст поддержки, что подтверждают и другие исследования помимо нашего (Fetzer & Reber, 2019, с. 106). Столкнувшись с критической оценкой сказанного или даже при желании подтвердить правоту своих слов, дипломаты действуют совершенно закономерно, сохраняя за собой право на свою «правду»; функционирование этого означающего в дипломатическом дискурсе мы описывали выше. Подобным актом цитирования субъект пытается продемонстрировать свою приверженность грейсианской максиме качества, принципу кооперации (Grice, 1975). Подобная процедура подтверждения собственных слов вынужденно сопрягается в языке с положительной оценкой, о чем можно судить по существующим способам анализа полярности высказывания (*англ.* polarity analysis), согласно которым утвердительное предложение по определению носит оттенок положительной оценки (Demiroz, 2012). Традиционная риторика, однако, благополучно обходит такие закономерности ради дополнительной экспрессивности. Например, фигура риторического вопроса предполагает трансформацию утвердительного предложения в вопросительное без отказа от утвердительности (e.g. «Разве же я не прав?»).

Тем не менее, вопрос о природе самоцитирования стоит для анализа эмотивности подобных случаев весьма остро по одной простой причине: дипломат всегда фундаментально расщеплен как субъект высказывания. Корпусные данные демонстрируют, что он может обращаться с использованием местоимений 1 л. ед.ч. или мн.ч. (коллективное самоцитирование), может говорить о стране, которую представляет, в 3 лице с *verbum dicendi*. О прочих

примерах подобного расщепления в контексте политического дискурса см. Fetzer & Reber (2019, с. 109). Сужать область исследования до обычного цитирования дипломатами своих собственных слов, без учета данного нюанса, кажется слишком ограничивающей мерой.

Чисто гипотетически, можно представить себе ситуацию, когда дипломат эксплицитно говорит о том, что он не поддерживает заявления правительства своей страны, оставаясь ее представителем и защитником интересов по какому-либо вопросу, т.е. одновременно выражает согласие и несогласие. Однако такой диссонанс, очевидно, нежелателен.

Принципиально важная роль цитирующего субъекта (*англ.* *quoter*) и его эмотивный «вклад» в высказывание подлежат более точному определению с учетом его расщепленности между разными социальными ролями (Fetzer & Reber, 2019, с. 105). Возможным подспорьем для такого анализа является теория фреймов И. Гофмана. Анализ фреймов (он же рамочный анализ) позволяет отойти от упрощенной бинарной схемы референта и цитации в схеме медиа коммуникации (Fetzer & Reber, 2019, с. 102). Выделение ролей аниматора, автора и управляющего (*англ.* *animator, author, principal* – перевод наш.) в анализе фреймов позволяет объяснять смену ролей при цитировании и потенциально может объяснять даже абсурдные на первый взгляд перипетии эмотивности, например, отказ от прежних ролей или высказываний (Goffman, 1981). Однако в представленном корпусе текстов подобных случаев обнаружено не было.

4.4. Зависимость эмотивной оценки от источника цитаты

Таблица 3. Частотность источников цитирования по параметру цитирование дипломатов – цитирование других источников

	Дипломаты	Другие источники
USA	43	84
UK	57	47

Также, важно узнать, насколько источники цитат в дипломатическом дискурсе отличаются от источников цитат в обыденной речи и в политическом дискурсе в рамках внутренней государственной политики. Последнее исследуется на материале национальных корпусов. Анализ, проведенный в сопоставительном ключе, может изменить взгляды на традиционное представление о статусе дипломатического дискурса в ряду институционализированных и повседневных дискурсов.

Так, на основе сопоставления с данными Cambridge International Dictionary of English и исследованиями политического дискурса можно выделить следующие типичные источники цитирования (здесь мы не учитываем цитирование именно дипломатов, см. выше) (Минаева, 2014, с. 25-26):

Таблица 4. Частотность цитирования особых корпусов текстов

	Худ. лит-ра	Шекспир	Религиозные тексты	Знаменитости	Кино	СМИ	Музыка	Реклама	Расхожие выражения
US	0	1	1	2	0	4	0	0	2
UK	0	1	0	1	0	1	0	0	1

Продолжение таблицы 4.

	Политики страны дипломата	Политики др. стран	Деятели искусства	Офиц. док-ты, в том числе док-ты ООН	Рядовые граждане
US	7	17	0	37	0
UK	5	10	0	31	0

Тенденции цитирования в данном случае совершенно закономерны, они ближе к политическому дискурсу, нежели к обыденному языку. Детальный анализ контекстов примеров, посчитанных в таблицах выше, позволяет сказать, что дипломатический дискурс работает с «убедительностью» более ограничено. Основной источник доказательности – это договоры между странами или в пределах ООН, т.е. то, что изначально составляет предпосылки общения между дипломатами или вырабатывается в ходе коммуникации, чтобы стать предпосылкой последующей коммуникации, или чтобы устранить саму причину общения (например, конфликтную ситуацию). Однако не все источники ссылок представляют авторитеты для дипломатов. Однозначно положительно или нейтрально оцениваются источники: Шекспир, религиозные тексты, знаменитости, расхожие выражения (пословицы, поговорки), политики страны дипломата, большинство документов (уже принятые документы). Автоматический анализ других источников не показал каких-либо ярко выраженных закономерностей.

Приведем следующие примеры:

«And as we fervently wish the Mediator well, perhaps I may quote Shakespeare's words. When one of my predecessors as Governor of Cyprus, Othello, sailed into Famagusta harbour, the people of Cyprus cried: «Bring renewed fire to our extincted spirits and give all Cyprus comfort»» (United Nations Security Council, 1965, S/PV.1202).

«And I recall, too, a Danish proverb, which has its equivalent in all countries, I dare say, that «Empty wagons make the most noise»» (United Nations Security Council, 1964, S/PV.1185).

4.5. Общая эмотивная окраска текстов и семантические контексты цитат

Таблица 5. Частотность семантических контекстов цитирования

	Контекст поддержки	Контекст упоминания	Контекст противопоставления
USA	41	24	62
UK	46	45	13

Анализ по SentiWordNet и VADER показал, что подавляющее большинство текстов носят общую положительную эмотивную окраску, или, по крайней мере, практически нейтральны по совокупности положительных и отрицательных маркеров эмотивности. Только 4% и 9% текстов по SentiWordNet и VADER соответственно показали общую отрицательную эмотивную окраску. Некоторые из них также находятся на границе с нейтральностью. Отдельные контексты цитирования в представленных текстах достаточно однозначно оцениваются в сторону положительности или отрицательности. Нейтральные контексты обыкновенно оцениваются вслед за общей положительной окраской, поэтому без учета этой категории нам пришлось бы говорить об абсолютном преимуществе положительной эмотивной окраски.

Рассмотрим дискурсивные стратегии постоянных представителей, которые оценивались в опоре на автоматически проанализированные показатели эмотивности. Особенно значительная разница наблюдается при сравнении количества контекстов противопоставления цитируемому материалу. По этому параметру у американских постоянных представителей

контекстов в 4,7 раза больше, чем у британских. Также следует отметить, что таких контекстов больше, чем контекстов поддержки, что прямо противоположно показателям постоянных представителей из Великобритании.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование показывает, что специфика речей постоянных представителей США и Великобритании за 1964–1965 гг. тесно связана с политическим контекстом рассматриваемого периода. Стратегии цитирования и выражения эмотивности активно применялись в ситуациях, требующих баланса между правовой корректностью и политической риторикой. Риторика представителей США была более полемичной и эмотивной, в то время как постоянные представители Великобритании стремились к большей нейтральности и общей «протокольности». Такое различие объясняется разными внешнеполитическими приоритетами двух стран в ключевых вопросах повестки. Так, жалоба Камбоджи поставила представителей США в оборонительную позицию, что спровоцировало достаточно затянувшуюся полемику; представители Великобритании по множеству из представленных тем чаще занимали нейтральную или посредническую дискурсивную позицию. Главенствующее положение обеих стран в ООН в то время позволяло постоянным представителям выстраивать коммуникацию с другими представителями с позиции нейтральности и объективности даже при выражении эмотивных значений, для чего как раз использовался инструмент цитирования. Таким образом, временной срез 1964–1965 гг. позволяет отследить риторические особенности и выявить механизмы дипломатического позиционирования через цитирование и сопутствующие ему оценочные средства.

Обратимся к практической части исследования. Параграф 4.1. демонстрирует, что цитирование является систематически реализуемой практикой в рамках дипломатического дискурса. В пункте 4.2. доказывается, что с отдельными видами цитирования коррелирует некоторая эмотивная стратегия. Так, прямая и непрямая цитаты могут быть лишены ярко выраженной эмотивной окраски, при том, что в дипломатическом дискурсе прямая цитата служит указателем на соблюдение коммуникативной максимы качества. Практика дистанцирующего цитирования, с другой стороны, используется для смягчения отрицательной эмотивной окраски цитаты. Металингвистическое цитирование чаще всего используется для комментирования авторитетных дипломатических источников, поэтому эмотивная оценка в таких случаях нейтральна или положительна. Несмотря на достаточно низкую частотность, практика самоцитирования в дипломатическом дискурсе тоже играет немалую роль в качестве инструмента подтверждения правоты дипломата, на что указывает анализ в параграфе 4.3. Сообразно этой прагматической функции эмотивная окраска отчетливо положительная. В подразделе 4.4. было продемонстрировано, что эмотивная окраска следующих источников цитат, как правило, положительна: Шекспир, религиозные тексты, знаменитости, расхожие выражения, политики страны дипломата, большинство принятых в ООН документов. Таким образом, можно сказать, что дипломаты имеют в распоряжении некоторый собственный корпус источников цитирования, эмотивная оценка которых зафиксирована. Цитаты из такого корпуса используются дипломатом для укрепления своей дискурсивной позиции в профессиональной коммуникации. Наконец, представленный в параграфе 4.5. общий анализ эмотивной нагрузки исследуемых текстов на основе SentiWordNet и VADER указал на преобладание положительной эмотивной оценки по всему корпусу. Только 9% текстов имели общую негативную эмотивную окраску. Этот результат подтверждает соображение

о сдержанности дипломатического дискурса в вопросе открытого выражения языковой эмотивности. В то же время ручной анализ конкретных контекстов показывает, что полемическая стратегия может быть реализована даже в рамках текста с общей позитивной эмотивной оценкой. На материале анализа контекста цитат и их эмотивных характеристик можно также сделать вывод о различии дискурсивных стратегий дипломатических представителей США и Великобритании в 1964-1965 гг. Риторика американских дипломатов в большей степени допускает полемику и выражение несогласия, в то время как риторика британских дипломатов более эмотивно нейтральна.

Не забывая о данных выводах, все же следует отметить сложности в вопросе анализа семантических контекстов цитат. Во-первых, золотого стандарта такого анализа нет, поскольку на данный момент не существует достаточного количества сравнительных исследований по цитированию на материале больших корпусов (Kunnath, 2021, с. 1208). Во-вторых, сложно точно определить необходимый размер контекстного окна, рамки которого будут определять границы эмотивного контекста или его отсутствие. Способов фиксировать контекстное окно достаточно много. Их эффективность, однако, еще только предстоит доказать (Kunnath, 2021, с. 1994).

Особую сложность для анализа представляют и некоторые нетривиальные способы цитирования. Ирония или эмфатическое закавычивание до сих пор недостаточно формализованы, чтобы их анализ стал алгоритмическим.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алещанова И. В. Цитация в газетном тексте: на материале современной английской и российской прессы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Волгоградский гос. пед. ун-т. — Волгоград, 2000. — 18 с. — URL: <https://studfile.net/preview/3302335/page:4/> (дата обращения: 30.01.2026).
2. Беляков М. В. Лингвоаксиология и лингвосемиотика дипломатического дискурса (на материале открытой профессиональной дипломатии) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 5.9.8 / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. — Москва, 2023. — 48 с.
3. Беляков М. В. Проблема утраты эмотивности при переводе (на материале перевода официальных выступлений постоянных представителей Российской Федерации в ООН) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2023. — Т. 21, № 1. — С. 212–217. DOI:10.31079/1992-2868-2023-20-1-212-216
4. Болотнова Н. С. Концепция эмотивности В. И. Шаховского в контексте исследований по коммуникативной стилистике текста // Известия ВГПУ. Серия: Филологические науки. — 2022. — № 1 (136). — С. 197–203. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-emotivnosti-v-i-shahovskogo-v-kontekste-issledovaniy-po-kommunikativnoy-stilistike-teksta> (дата обращения: 30.01.2026).

5. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 344 с.
6. Иванцова Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Филология и культура. — 2012. — № 12. — С. 24–30. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-termine-yazykovaya-lichnost-istoki-problemy-perspektivy-ispolzovaniya> (дата обращения: 30.01.2026).
7. Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты : сб. науч. тр. — Волгоград ; Саратов : Перемена, 2000. — С. 5–20.
8. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. — 1993. — № 4. — С. 5–6.
9. Мартиросян К. М. Концепция символического капитала в современной социологии // Культурная жизнь Юга России. — 2014. — № 4 (55). — С. 35–37.
10. Мартыанов В. С. Дискурс цитирования в риторике российских элит // Политическая лингвистика. — 2012. — № 1. — С. 120–126.
11. Минаева Л. В. Об интертекстуальности и гипертекстуальности политического дискурса // Вестник Московского университета. Серия 21, Управление (государство и общество). — 2014. — № 2. — С. 15–30.
12. Мурадян А. А. Политический дискурс сквозь призму литературных цитаций // Язык и текст. — 2020. — Т. 7, № 4. — С. 99–106. — DOI: 10.17759/langt.2020070408.
13. Мэн Ж. Сравнительное исследование интертекстуальности в российском и китайском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. — 2023. — № 5 (101). — С. 202–209. — URL: https://politlinguistika.ru/images/5-2023/_2023_5_101-202-209.pdf (дата обращения: 30.01.2026).
14. Перов Е. В. Теория и анализ социальной конфликтности общества // Вопросы безопасности. — 2013. — № 5. — С. 67–141. — DOI: 10.7256/2306-0417.2013.5.2308.
15. Темботова Е. В. Цитирование как дискурсивная стратегия // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики : сб. науч. тр. — Владикавказ, 2011. — Вып. 13. — С. 170–173.
16. Терентий Л. М. Дипломатический дискурс как особая форма научной коммуникации // Вопросы психолингвистики. — 2015. — № 24. — С. 176–185. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23641287> (дата обращения: 30.01.2026).
17. Шаховский В. И. Что такое лингвистика эмоций // Мир лингвистики и коммуникации. — 2008. — № 12. — URL: http://tverlingua.ru/archive/012/shakhovsky_03_12.htm (дата обращения: 30.01.2026).
18. Яппарова В. Дипломатический дискурс как объект междисциплинарного исследования // Филология и культура. — 2016. — № 2 (44). — С. 165–170. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diplomaticheskij-diskurs-kak-obekt-mezhdistsiplinarnogo-issledovaniya> (дата обращения: 30.01.2026).
19. Alkhalwaldeh A. A. Quotations in Jordanian Parliamentary Discourse: A Pragma-Discourse Perspective // Not My Words. The Language of Politics / ed. O. Feldman. — Singapore : Springer, 2024. — P. 23–41. — DOI: 10.1007/978-981-97-9789-9_2.
20. Alnowaiser K. Scientific text citation analysis using CNN features and ensemble learning model // PLoS ONE. — 2024. — Vol. 19, no. 5. — Art. e0302304. — DOI: 10.1371/journal.pone.0302304.

21. Bonacchi C., Witte J., Altaweel M. Political uses of the ancient past on social media are predominantly negative and extreme // *PLoS ONE*. — 2024. — Vol. 19, no. 9. — Art. e0308919. — DOI: 10.1371/journal.pone.0308919.
22. Brendel E., Meibauer J., Steinbach M. Exploring the Meaning of Quotation // *Understanding Quotation* / ed. E. Brendel [et al.]. — Berlin : Mouton de Gruyter, 2011. — P. 1–25. — DOI: 10.1515/9783110240030.1.
23. Bublitz W. Introducing Quoting as a Ubiquitous Meta-communicative Act // *The Pragmatics of Quoting Now and Then* / ed. J. Arendholz [et al.]. — Berlin : De Gruyter, 2015. — P. 1–24.
24. Demiroz G., Yanikoglu B., Tapucu D., Saygin Y. Learning Domain-Specific Polarity Lexicons // *2012 IEEE 12th International Conference on Data Mining Workshops*. — Brussels : IEEE, 2012. — P. 674–679. — DOI: 10.1109/ICDMW.2012.120.
25. Ekman P., Friesen W. V. Constants across cultures in the face and emotion // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 1971. — Vol. 17, no. 2. — P. 124–129. — DOI: 10.1037/h0030377.
26. Enfield N. J., Wierzbicka A. The body in description of emotion // *Pragmatics and Cognition*. — 2002. — Vol. 10, no. 1/2. — P. 1–25.
27. Esuli A., Sebastiani F. SENTIWORDNET: A Publicly Available Lexical Resource for Opinion Mining // *Proceedings of the Fifth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'06)*. — Paris : ELRA, 2006. — P. 417–422.
28. Feldman O., Kinoshita K. Quotation Statements as a Linguistic Strategy in Japanese Parliamentary Questions // *Not My Words. The Language of Politics* / ed. O. Feldman. — Singapore : Springer, 2024. — P. 59–78. — DOI: 10.1007/978-981-97-9789-9_4.
29. Fetzer A. «And I quote»: Forms and functions of quotations in Prime Minister's questions // *Journal of Pragmatics*. — 2020. — Vol. 170. — P. 14–27. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0378216619300682> (дата обращения: 30.01.2026).
30. Fetzer A. Forms and functions of quotations in mediated political discourse // *The Dynamics of Political Discourse: Forms and functions of follow-ups* / ed. A. Fetzer [et al.]. — Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2015. — P. 245–273. — DOI: 10.1075/pbns.259.11.fet.
31. Fetzer A., Reber E. Quoting in Political Discourse: Professional Talk Meets Ordinary Postings // *Quoting Now and Then: Transdisciplinary Perspectives on Quotation* / ed. U. Romer, R. Schulze. — Berlin : De Gruyter, 2019. — P. 95–120.
32. Goffman E. *Forms of Talk*. — Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1981. — 344 p.
33. Grice P. *Logic and Conversation* // *Speech Acts* / ed. P. Cole, J. L. Morgan. — New York : Academic Press, 1975. — P. 41–58.
34. Haapanen L., Perrin D. Linguistic Recycling in Political Discourse: The Resource Aspect of Reusing Utterances in Public // *Not My Words. The Language of Politics* / ed. O. Feldman. — Singapore : Springer, 2024. — P. 265–284. — DOI: 10.1007/978-981-97-9789-9_14.
35. Harkins J., Wierzbicka A. Emotions in crosslinguistic perspective. — Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2001. — 437 p.
36. Hyland K., Jiang F. Points of Reference: Changing Patterns of Academic Citation // *Applied Linguistics*. — 2019. — Vol. 40, no. 1. — P. 64–85. — DOI: 10.1093/applin/amx012.
37. Kunnath S. N., Herrmannova D., Pride D., Knoth P. A meta-analysis of semantic classification of citations // *Quantitative Science Studies*. — 2021. — Vol. 2, no. 4. — P. 1170–1215. — DOI: 10.1162/qss_a_00159.
38. Leech G. N. *The pragmatics of politeness*. — Oxford : Oxford University Press, 2014. — 369 p.

39. Miranda E., Aryuni M., Hariyanto R., Surya E. Sentiment Analysis using Sentiwordnet and Machine Learning Approach (Indonesia general election opinion from the twitter content) // Proceedings of the 2019 International Conference on Information Management and Technology (ICIMTech). — Jakarta ; Bali : IEEE, 2019. — P. 62–67. — DOI: 10.1109/ICIMTech.2019.8843734.
40. Mobley D. Deja Vu or Copyright Infringement? Why Melania Trump Infringed on Michelle Obama’s Copyrighted Speech Through Subconscious Copying // The John Marshall Review of Intellectual Property Law. — 2018. — Vol. 17. — P. 360–382.
41. Moore A. W. How significant is the use/mention distinction? // Analysis. — 1986. — Vol. 46, no. 4. — P. 173–179.
42. Nicholson J. M., Mordaunt M., Lopez P. [et al.] scite: A smart citation index that displays the context of citations and classifies their intent using deep learning // Quantitative Science Studies. — 2021. — Vol. 2, no. 3. — P. 882–898. — DOI: 10.1162/qss_a_00146.
43. Ponsonnet M. Emotional linguistic relativity and cross-cultural research on emotions // Handbook on language and emotion / ed. G. L. Schiewer [et al.]. — Berlin : Mouton de Gruyter, 2022. — P. 789–812.
44. Psillos S., Curd M. The Routledge Companion to Philosophy of Science. — London : Routledge, 2008. — 704 p.
45. Saka P. The Act of Quotation // Understanding Quotation / ed. E. Brendel [et al.]. — Berlin : Mouton de Gruyter, 2011. — P. 1–28.
46. Salager-Meyer F., Alcaraz Ariza M. Á., Pabón Berbesí M. «Backstage solidarity» in Spanish- and English-written medical research papers: publication context and the acknowledgment paratext // Journal of the American Society for Information Science and Technology. — 2009. — Vol. 60, no. 2. — P. 307–317. — DOI: 10.1002/asi.20981.
47. White P. R. R. Appraisal Theory // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences / ed. J. D. Wright. — 2nd ed. — Oxford : Elsevier, 2015. — P. 779–784. — URL: <https://prwhite.info/prwhite,%202015,%20Appraisal%20theory,%20Wiley%20Encyclopedia.pdf> (дата обращения: 30.01.2026).

REFERENCES

1. Aleshchanova, I. V. (2000). *Tsitatsiya v gazetnom tekste: na materiale sovremennoi angliiskoi i rossiiskoi pressy* [Citation in newspaper text: Based on modern English and Russian press] [Author’s abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences]. Volgograd State Pedagogical University. <https://studfile.net/preview/3302335/page:4/>
2. Belyakov, M. V. (2023a). *Lingvoaksiologiya i lingvosemiotika diplomaticheskogo diskursa (na materiale otkrytoi professional’noi diplomatii)* [Linguoaxiology and linguosemiotics of diplomatic discourse (based on open professional diplomacy)] [Author’s abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Philology]. Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
3. Belyakov, M. V. (2023b). [The problem of emotivity loss in translation (based on translations of official speeches by permanent representatives of the Russian Federation to the UN)]. *The Humanities and Social Studies in the Far East*, 21(1), 212–217. DOI:10.31079/1992-2868-2023-20-1-212-216

4. Bolotnova, N. S. (2022). Kontsepsiya emotivnosti V. I. Shakhovskogo v kontekste issledovaniy po kommunikativnoi stilistike teksta [The conception of emotiveness by V. I. Shakhovsky in the context of research on communicative stylistics of the text]. *Izvestiya VGPU. Seriya: Filologicheskie nauki*, (1), 197–203. <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-emotivnosti-v-i-shahovskogo-v-kontekste-issledovaniy-po-kommunikativnoy-stilistike-teksta>
5. Van Dijk, T. A. (2013). *Diskurs i vlast': Representatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power: Representation of domination in language and communication] (E. A. Ivanova, Trans.). Knizhnyi dom «LIBROKOM». (Original work published 2008)
6. Ivantsova, E. V. (2012). O termine «yazykovaya lichnost'»: istoki, problemy, perspektivy ispol'zovaniya [On the term “linguistic personality”: origins, problems, and perspectives of use]. *Filologiya i kul'tura*, (12), 24–30.
7. Karasik, V. I. (2000). O kategoriyakh diskursa [On categories of discourse]. In *Yazykovaya lichnost: sotsiolingvisticheskie i emotivnye aspekty* (pp. 5–20). Peremena.
8. Kristeva, Y. (1993). Bakhtin, slovo, dialog i roman [Bakhtin, word, dialogue, and novel]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, (4), 5–6.
9. Martirosyan, K. M. (2014). Kontsepsiya simvolicheskogo kapitala v sovremennoi sotsiologii [The concept of symbolic capital in modern sociology]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 4(55), 35–37.
10. Mart'yanov, V. S. (2012). Diskurs tsitirovaniya v ritorike rossiiskikh elit [The discourse of quoting in the rhetoric of Russian elites]. *Politicheskaya lingvistika*, (1), 120–126.
11. Minaeva, L. V. (2014). Ob intertekstual'nosti i gipertekstual'nosti politicheskogo diskursa [On intertextuality and hypertextuality of political discourse]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*, (2), 15–30.
12. Muradyan, A. A. (2020). [Political discourse through literary quotations]. *Yazyk i tekst*, 7(4), 99–106. <https://doi.org/10.17759/langt.2020070408>
13. Men, Z. (2023). [A comparative study of intertextuality in Russian and Chinese political discourse]. *Politicheskaya lingvistika*, 5(101), 202–209. https://politlingvistika.ru/images/5-2023/_2023_5_101-202-209.pdf
14. Perov, E. V. (2013). Teoriya i analiz sotsial'noi konfliktogenosti obshchestva [Theory and analysis of social conflictogenity of society]. *Voprosy bezopasnosti*, (5), 67–141. <https://doi.org/10.7256/2306-0417.2013.5.2308>
15. Tembotova, E. V. (2011). Tsitirovanie kak diskursivnaya strategiya [Citation as a discursive strategy]. In *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* (Issue 13, pp. 170–173).
16. Terentii, L. M. (2015). [Diplomatic discourse as a specific form of scientific communication]. *Voprosy psikholingvistiki*, (24), 176–185. <https://elibrary.ru/item.asp?id=23641287>
17. Shakhovskii, V. I. (2008). Chto takoe lingvistika emotsii [What is linguistics of emotions]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii*. http://tverlingua.ru/archive/012/shakhovsky_03_12.htm
18. Yapparova, V. (2016). [Diplomatic discourse as an object of interdisciplinary research]. *Filologiya i kul'tura*, (2(44)), 165–170. <https://cyberleninka.ru/article/n/diplomaticheskii-diskurs-kak-obekt-mezhdistsiplinarnogo-issledovaniya>
19. Alkhawaldeh, A. A. (2024). Quotations in Jordanian parliamentary discourse: A pragma-discourse perspective. In O. Feldman (Ed.), *Not my words: The language of politics* (pp. 23–41). Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-97-9789-9_2

20. Alnowaiser, K. (2024). Scientific text citation analysis using CNN features and ensemble learning model. *PLoS ONE*, *19*(5), e0302304. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0302304>
21. Bonacchi, C., Witte, J., & Altaweel, M. (2024). Political uses of the ancient past on social media are predominantly negative and extreme. *PLOS ONE*, *19*(9), e0308919. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0308919>
22. Brendel, E., Meibauer, J., & Steinbach, M. (2011). Exploring the meaning of quotation. In E. Brendel, J. Meibauer, & M. Steinbach (Eds.), *Understanding quotation* (pp. 1–25). Mouton de Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110240030.1>
23. Bublitz, W. (2015). Introducing quoting as a ubiquitous meta-communicative act. In J. Arendholz, W. Bublitz, & M. Kirner-Ludwig (Eds.), *The pragmatics of quoting now and then* (pp. 1–24). De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110427561.1>
24. Demiroz, G., Yanikoglu, B., Tapucu, D., & Saygin, Y. (2012). Learning domain-specific polarity lexicons. In *2012 IEEE 12th International Conference on Data Mining Workshops* (pp. 674–679). IEEE. <https://doi.org/10.1109/ICDMW.2012.120>
25. Ekman, P., & Friesen, W. V. (1971). Constants across cultures in the face and emotion. *Journal of Personality and Social Psychology*, *17*(2), 124–129. <https://doi.org/10.1037/h0030377>
26. Enfield, N. J., & Wierzbicka, A. (Eds.). (2002). The body in description of emotion. *Pragmatics and Cognition*, *10*(1–2), 1–25. John Benjamins.
27. Esuli, A., & Sebastiani, F. (2006). SENTIWORDNET: A publicly available lexical resource for opinion mining. In N. Calzolari, K. Choukri, B. Maegaard, et al. (Eds.), *Proceedings of the Fifth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'06), Genoa, Italy* (pp. 417–422). European Language Resources Association (ELRA).
28. Feldman, O., & Kinoshita, K. (2024). Quotation statements as a linguistic strategy in Japanese parliamentary questions. In O. Feldman (Ed.), *Not my words: The language of politics* (pp. 59–78). Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-97-9789-9_4
29. Fetzer, A. (2020). «And I quote»: Forms and functions of quotations in Prime Minister's Questions. *Journal of Pragmatics*, *170*, 14–27. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2020.08.010>
30. Fetzer, A. (2015). Forms and functions of quotations in mediated political discourse. In A. Fetzer, E. Weizman, & L. N. Berlin (Eds.), *The dynamics of political discourse: Forms and functions of follow-ups* (pp. 245–273). John Benjamins Publishing Company. <https://doi.org/10.1075/pbns.259.11fet>
31. Fetzer, A., & Reber, E. (2019). Quoting in political discourse: Professional talk meets ordinary postings. In U. Römer & R. Schulze (Eds.), *Quoting now and then: Transdisciplinary perspectives on quotation* (pp. 95–120). De Gruyter.
32. Goffman, E. (1981). *Forms of talk*. University of Pennsylvania Press.
33. Grice, P. (1975). Logic and conversation. In P. Cole & J. L. Morgan (Eds.), *Speech acts* (pp. 41–58). Academic Press.
34. Haapanen, L., & Perrin, D. (2024). Linguistic recycling in political discourse: The resource aspect of reusing utterances in public. In O. Feldman (Ed.), *Not my words: The language of politics* (pp. 265–284). Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-97-9789-9_14
35. Harkins, J., & Wierzbicka, A. (Eds.). (2001). *Emotions in crosslinguistic perspective*. Mouton de Gruyter.
36. Hyland, K., & Jiang, F. (2019). Points of reference: Changing patterns of academic citation. *Applied Linguistics*, *40*(1), 64–85. <https://doi.org/10.1093/applin/amx012>

37. Kunnath, S. N., Herrmannova, D., Pride, D., & Knoth, P. (2021). A meta-analysis of semantic classification of citations. *Quantitative Science Studies*, 2(4), 1170–1215. https://doi.org/10.1162/qss_a_00159
38. Leech, G. N. (2014). *The pragmatics of politeness*. Oxford University Press.
39. Miranda, E., Aryuni, M., Hariyanto, R., & Surya, E. (2019). Sentiment analysis using Sentiwordnet and machine learning approach (Indonesia general election opinion from the Twitter content). In *2019 International Conference on Information Management and Technology (ICIMTech)* (pp. 62–67). IEEE. <https://doi.org/10.1109/ICIMTech.2019.8843734>
40. Mobley, D. (2018). Deja vu or copyright infringement? Why Melania Trump infringed on Michelle Obama’s copyrighted speech through subconscious copying. *The John Marshall Review of Intellectual Property Law*, 17, 360–382.
41. Moore, A. W. (1986). How significant is the use/mention distinction? *Analysis*, 46(4), 173–179.
42. Nicholson, J. M., Mordaunt, M., Lopez, P., Uppala, A., Rosati, D., Rodrigues, N. P., Grabitz, P., & Rife, S. C. (2021). scite: A smart citation index that displays the context of citations and classifies their intent using deep learning. *Quantitative Science Studies*, 2(3), 882–898. https://doi.org/10.1162/qss_a_00146
43. Ponsonnet, M. (2022). Emotional linguistic relativity and cross-cultural research on emotions. In G. L. Schiewer, J. Altarriba, & B. C. Ng (Eds.), *Handbook on language and emotion* (pp. 789–812). Mouton de Gruyter.
44. Psillos, S., & Curd, M. (Eds.). (2008). *The Routledge companion to philosophy of science*. Routledge.
45. Saka, P. (2011). The act of quotation. In E. Brendel, J. Meibauer, & M. Steinbach (Eds.), *Understanding quotation* (pp. 1–28). Mouton de Gruyter.
46. Salager-Meyer, F., Alcaraz Ariza, M. Á., & Pabón Berbesí, M. (2009). “Backstage solidarity” in Spanish- and English-written medical research papers: Publication context and the acknowledgment paratext. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 60(2), 307–317. <https://doi.org/10.1002/asi.20981>
47. White, P. R. R. (2015). Appraisal theory. In J. D. Wright (Ed.), *International encyclopedia of the social & behavioral sciences* (2nd ed., pp. 779–784). Elsevier. <https://prwhite.info/prwhite,%202015,%20Appraisal%20theory,%20Wiley%20Encyclopedia.pdf>

Об авторах:

Насильников Евгений Вадимович – аспирант кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики лингвистического факультета, Государственный университет просвещения (Москва, Россия).

ORCID ID: 0009-0009-8540-0356.

Максименко Ольга Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики лингвистического факультета, Государственный университет просвещения (Москва, Россия).

ORCID ID: 0000-0002-6611-8744.

Получено: 16 марта 2025 г.

Принято к публикации: 20 сентября 2025 г.

EMOTIVE ASPECTS OF QUOTATION IN DIPLOMATIC DISCOURSE: A STUDY OF US AND UK SPEECHES IN THE UN SECURITY COUNCIL (1964–1965)

Evgeny V. Nasilnikov

State University of Education (Moscow, Russia)
Nevad-vlsu@yandex.ru

Olga I. Maksimenko

State University of Education (Moscow, Russia)
maxbel7@yandex.ru

Abstract: The article explores the emotional aspects of quoting in diplomatic discourse within the framework of public political communication. The aim is to identify how different citation strategies contribute to the expression of emotivity in diplomats' speeches. The study is based on 100 speeches delivered by the permanent representatives of the USA and the UK in the UN Security Council (1964–1965). Emotional polarity was assessed using automated tools: SentiWordNet, which assigns numerical values to words for their positive, neutral, or negative tone; VADER (Valence Aware Dictionary and sEntiment Reasoner), which considers contextual associations; and WordCounter, which analyzes the frequency of key lexical items. Discourse and quantitative analysis were applied to determine the frequency and function of various citation types. The findings show that direct quotation prevails, aligning with institutional requirements for evidentiality. However, significant differences in citation strategies were observed: British diplomats more often use indirect quotation, integrating others' speech into their arguments, while American representatives favor scare quotation – using quotation marks to signal distancing, irony, or doubt. Quotations were found to serve not only referential but also emotional functions, especially in contrastive contexts as tools of opposition. This is the first study to apply automated sentiment analysis to the emotional aspects of quoting in diplomatic discourse. It reveals differences in citation strategies that reflect national rhetorical styles. Special attention is given to the pragmatic functions of citation, interpreted via H.P. Grice's Cooperative Principle. The study shows how adherence to or marked violation of Gricean maxims is strategically used to strengthen rhetorical positions and shape evaluative framing. A methodology for integrating sentiment analysis tools into the study of quotation was developed, and a corpus-based analysis conducted, enabling the identification of key pragmatic functions in institutional discourse.

Keywords: quotation, diplomatic discourse, political rhetoric, emotivity, sentiment analysis, pragmatics.

How to cite this article: Nasilnikov, E. V., Maksimenko, O. I. (2026). Emotive Aspects of Quotation in Diplomatic Discourse: A Study of US and UK Speeches in the UN Security Council (1964–1965). *Professional Discourse & Communication*, 8(1), 27–52. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-1-27-52>

About the authors:

Evgeny V. Nasilnikov is a postgraduate student in the Department of Language Theory, Anglistics and Applied Linguistics, Linguistic Faculty, State University of Education (Moscow, Russia).

ORCID: 0009-0009-8540-0356.

Olga I. Maksimenko, Dr. Sci. (Philology), is a Full Professor and Professor in the Department of Language Theory, Anglistics and Applied Linguistics, Linguistic Faculty, State University of Education (Moscow, Russia).

ORCID: 0000-0002-6611-8744.

Received: March 16, 2025.

Accepted: September 20, 2025.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-1-4-53-72>

“UNIVERSITY LECTURERS ARE NOT CASUAL LABOURERS”: STANCE AND DISCURSIVE FRAMING OF THE 2022 ASUU-FGN INDUSTRIAL CONFLICT IN TV INTERVIEWS

Oluwatosin Grace Abidoye

*Department of English, University of Ibadan (Nigeria)
gracedoye7@gmail.com*

Richard Damilare Akano

*The Pennsylvania State University (The USA)
rda5358@psu.edu*

Johnson Adewale Akano

*Syracuse University (The USA)
jaakano@syr.edu*

Abstract: Nigeria’s university system has been plagued by recurring industrial actions arising from conflicts of interest between the Academic Staff Union of Universities (ASUU) and the Federal Government of Nigeria (FGN), with the 2022 strike constituting the longest such action in the country’s history. The ASUU–FGN tussle has been explored in linguistics, but empirical work has relatively neglected a new and essential dataset—live TV interviews—in which strategic discursive frames that foreground the projected stances of spokespersons for the opposing camps are used in real-time, high-stakes, and mediated interactions. Focusing on the 2022 impasse, this study examines how key social actors construct their stances and take ideological positions within specific discursive frames. Martin and White’s appraisal framework and Van Dijk’s socio-cognitive model of critical discourse analysis constitute the study’s theoretical framework. Using a qualitative analytical approach, the authors subject data comprising transcribed interactions from four TV interviews, featuring a key social actor from each camp, to discourse analysis. The findings show that social actors project their stances within the following discursive and argumentative frames: the constitutional/legal basis of the industrial action; the exploitation of ideologies of welfarism and inclusivity; the (de)valuation of Nigerian tertiary education; and the politicisation of the industrial action. These discursive frames are supported by appraisal subsystems (attitude and engagement) and representational strategies, including authority, polarisation, categorisation, actor description, comparison, lexicalisation, and populism, which enable favourable or derogatory representations of both groups’ actions. The study observes that, during TV interviews, social

actors debate the industrial conflict primarily to legitimise and justify their actions rather than to propose effective mechanisms for conflict resolution. It also finds that discursive moves and stance expressions indicate greater confrontation and less diplomacy. The study provides insights into identity politics and the underlying complexities responsible for the persistently strained relationship between ASUU and the FGN.

Keywords: critical discourse analysis, appraisal framework, representational strategies, media discourse, Nigerian higher education, labour union discourse.

How to cite this article: Abidoye, O.G., Akano, R.D., Akano, J.A. (2026). “University Lecturers Are Not Casual Labourers”: Stance and Discursive Framing of the 2022 ASUU-FGN Industrial Conflict in TV Interviews. *Professional Discourse & Communication*, 8(1), 53–72. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-1-53-72>

1. INTRODUCTION

The fact that the recurrent labour conflict between the Academic Staff Union of Universities (ASUU, henceforth) and the Federal Government of Nigeria (FGN, henceforth) constitutes socio-political, economic, and institutional challenges that have impeded educational development and academic progression in Nigerian public universities cannot be overemphasised. Osuagwu and Chukwuemeka (2024) record that this persistent challenge has significantly resulted in the disruption of academic activities in Nigerian public universities, thereby affecting the quality of Nigeria’s education. Since the establishment of the ASUU in 1978, a national academic union that succeeded the Nigerian Association of University Teachers (NAUT) in Nigeria to fight for the welfare and interests of academic staff in Nigerian state and federal universities, there has been a recurring tussle with the FGN as a result of the government’s renegeing on agreements concerning the enhancement of Nigerian tertiary education. Adarviele (2015) confirms that ASUU’s clash with FGN started over four decades ago, precisely, 1980 to date, leading to a series of strike actions. Nein et al. (2023) record the timeline of these industrial actions over the years: six months in 1992, five months in 1999, six months in 2004, three months in 2007, five months and one week in 2011, six months in 2014 and 2017, and nine weeks in 2019. The union, since its inception, has been saddled with the responsibility of upholding the standard of Nigerian public universities and their academic staff through diligence, transparency, utmost commitment, and objectivity (Okebukola, 2010) and also charging the FGN to restructure the Nigerian university system for substantial output and improved educational system (Chigozie, 2017).

Additionally, ASUU’s unfaltering and concentrated positions, exertions, and principles towards challenging the nonchalant attitude of the Federal Government in sustaining the legacy and growth of the Nigerian university system have made the relationship between ASUU and FGN relatively antagonistic. This labour unrest/conflict is, thus, caused by many issues. Some of these issues are underfunding of universities, poor allowances/remuneration, poor service conditions, and lack of university autonomy, among others (Egwu, 2016; Adeyemo & Elegbe, 2021; Nein et al., 2023; Njoku & Igbokwe, 2024). Consequently, this has always culminated in a series of industrial actions and incessant protestations, particularly strike actions (Aidelunuoghene, 2014), as earlier affirmed. Since the ASUU-FGN face-off, ASUU has remained resolute in the pursuit of its goals.

The most recent ASUU-FGN conflict kicked off on 14 February 2022, resulting in an eight-month strike. The conflict was based on FGN’s inability to provide improved welfare packages and better working conditions for university lecturers and to implement various labour agreements

signed with the Federal Government between 2009 and 2020 (Edema & Tolu-Kolawole, 2022), which have always been the subject matter of the labour conflict over the years. As a result, the stakeholders of ASUU frequently utilised different media platforms and strategies to create awareness about their struggles and to remind the masses of the essence of their industrial moves towards the advancement of university education in Nigeria, especially because the FGN has sustained its enthusiasm towards undermining the union's age-long requests (Chigozie, 2017; Nein & Peter, 2024). The concerns of ASUU have been aired on different media platforms, sparking diverse reactions, actions, counteractions, stances, and controversial comments from the general populace.

It is worth noting that the ASUU-FGN discourse is not a new subject matter in academic conflict discourse (Nwanyanwu et al., 2023). The investigation of the industrial conflict has been done through the lens of media ideologies and language construction (Akinwotu, 2019; Nwanyanwu et al., 2023). These studies, especially linguistics-oriented ones, play significant roles in enriching readers' perspectives on discursive representation of the ASUU-FGN conflict through their investigation of relevant social issues and themes around the discourse in relation to this study. They also provide specific information and ideas used to reinforce the arguments in this present research, as far as the ASUU-FGN crisis is concerned. However, a linguistic investigation of both stance and discursive framing of the ASUU-FGN conflict provides a fuller understanding of the conflict's complexity beyond reported disagreements in print media. It also helps identify how language is used to mobilise support, assign blame, and sustain or challenge existing narratives in the ASUU-FGN relationship/conflict. In addition, this dual approach helps uncover deeper power dynamics and communication strategies influencing the conflict.

Following the notion that language serves as a veritable tool for constructing realities and articulating ideologies (Ganiyu, Adefemi & Afolabi, 2021; Awoniyi et al., 2024), and the insufficient linguistic research on strategic discursive frames that accentuates the projected stances of specific social actors of the ASUU-FGN disagreement on national TV, this study focuses on the 2022 version of the ASUU-FGN labour conflict by investigating the ideological stance and discursive framing of the conflict during TV interviews, thus advancing research and deepening readers' understanding of the social concern. To realise the research goals, the study revolves around three fundamental research questions: 1) What are the discursive constructs and argumentative frames that inform the projected stances of selected social actors on the labour conflict? 2) How are the social actors' stances projected through appraisal choices and discursive moves? and 3) What are the implications of the discursive framings and the ideological stances projected through them?

2. THE ASUU-FGN LABOUR CONFLICT DISCOURSE

The ASUU-FGN conflict is a well-established subject of public and academic discourse in Nigeria. In other words, Nigerians have become used to the ebbs and flows of the conflict, leading to multifarious publications and a myriad of intellectual insights across disciplines globally. Scholars have delved into the consequences of the longstanding ASUU-FGN conflict. Popular among the noticeable challenges related to the conflict is the ASUU strike, which has often led to the disruption of academic activities, poor academic performances of students, an increase in students' anti-social behaviour, and mental health issues (Akah, 2018; Oladejo & Ijimmyowa, 2022; Nwanyanwu et al., 2023). Although the limitations attached to this industrial impasse have instigated some Nigerian academics to initiate positive methods like dialogue to manage the labour conflict, its success is still largely dependent on the desire and readiness of the parties involved in the disagreement to reach a compromise (Agbam, Okocha & Tartsea-Anshase, 2022). Unfortunately, both parties have

refused to budge, consequently exacerbating the effects of the labour unrest. These consequences, in addition to other fallouts, have stirred the reactions of the Nigerian print and electronic media towards the representation of the conflict's narrative, thereby influencing and shaping the perspectives of the masses. Dwelling on the 2013 ASUU-FGN dispute, Aragbuwa (2014) describes how language functions in selected Nigerian newspapers in examining the dispute from the point of view of pragmatics. The study confirms that power, dominance, and resistance are perceived in the presentation of the diverse ideologies of the social actors involved in the labour clash. Similarly, Akinwotu (2019) and Ugwona (2016) investigate the role of discourse constructions in Nigeria's ASUU-FGN labour conflict of 2013, establishing that the labour disagreement was discursively constructed in militant styles and tones as reflected in their degrading choice of words, leading to verbal attacks. From the above studies, it can be inferred that the ASUU-FGN conflict is characterised by social actors' unyieldingness, firmness, and fierceness, which perhaps could have influenced the perception and feedback of the populace.

While the 2013 ASUU-FGN conflict has received comparatively limited scholarly attention, the 2022 ASUU-FGN labour conflict has also piqued our curiosity, offering nuanced insights on its complexities through the way it is discursively illustrated by the media. Evidently, ASUU occupies a chief position in the labour conflict, including the 2022 version of the industrial dispute. Thus, in the linguistic and discursive representations of the dispute, Ezirim (2023) discovers that ASUU deploy positive proximation to justify their claims and negative proximation to describe their unpleasant experiences with the Nigerian government. This is partly related to Nsungo and Orabueze (2022), whose findings demonstrate that ASUU, in a bid to solidify its contention, employs strategic discourse techniques to detach itself from the government's negative representation. Apart from these, the intensity of the ASUU-FGN impasse is buttressed through its representation in selected Nigerian newspapers with certain discursive strategies (Ogundeji & Uduk, 2024), providing a slightly different, yet detailed perspective on the dynamics of the labour conflict. Although, Julius (2021) is analogous to this current research in that it underscores the ASUU-FGN crises, detailing the underlying ideologies and discourse strategies that inform the framing patterns of the crises, Julius' emphasis is placed on selected Nigerian newspapers as understudied in previous literature, sidelining other platforms, such as live TV interview sessions that the current study's data derives from, that often spotlight the ASUU-FGN discourse.

Despite these scholarly efforts, the current study's emphasis is a departure from the focus of extant research (even though the foregoing studies have offered valuable insights and reviews on the ASUU-FGN clash) in that it pays attention to a new dataset, TV interviews, where the discursive engagement of the labour conflict is done spontaneously and in real-time. The study also highlights the unpacked underlying discursive and argumentative frames through which the selected key social actors project their stances and ideological positions on the 2022 ASUU-FGN labour conflict, and how these discursive frames are considered instrumental in justifying their actions, activities, and efforts in the impasse. Unlike extant studies, this new linguistic enquiry builds on the fact that the ASUU-FGN labour conflict is a public discourse that not only attracts the attention of Nigerian newspapers; selected national TV channels have also contributed in no little measure to spontaneously airing the debate around the discourse in real-time, exposing their audience to the social and economic dynamics of the conflict. Furthermore, while this subject matter is well-situated within conflict and institutional discourse, it offers insights into identity politics and the underlying complexities responsible for the incessantly strained relationship between ASUU and FGN from the standpoint of critical linguistics and discourse analysis. By investigating the stance and discursive framing of the conflict together, the research helps uncover how ASUU

and the Federal Government use language to construct narratives, influence stakeholders (such as lecturers, students, and the entire public), justify their assertions, perspectives, demands, or rejections, and maintain power.

3. THEORETICAL FRAMEWORK

This study adopts Martin and White's (2005) Appraisal Framework (AF) and Van Dijk's (2006) representation strategies, an aspect of the socio-cognitive model of critical discourse analysis. The appraisal framework draws on Halliday's Systemic Functional Linguistics (Halliday, 1994). It is an analytical paradigm for exploring language evaluative functions within the ambit of lexical grammar and discourse semantics (Martin, 2000). AF is a systemic framework that explains how language users mark and express emotions, valuations, judgements, and the various ways of intensifying and mitigating such evaluative expressions (White, 2000). It marks a personal assessment of phenomena or propositions about the phenomena, either in a positive or negative sense (Martin, 2000). AF is a model of stance-taking in discourse analysis and generally shows how speakers/writers express opinions and show attitude and value judgment towards a proposition, and how such attitude signals their stance and orientation (Oteiza, 2017).

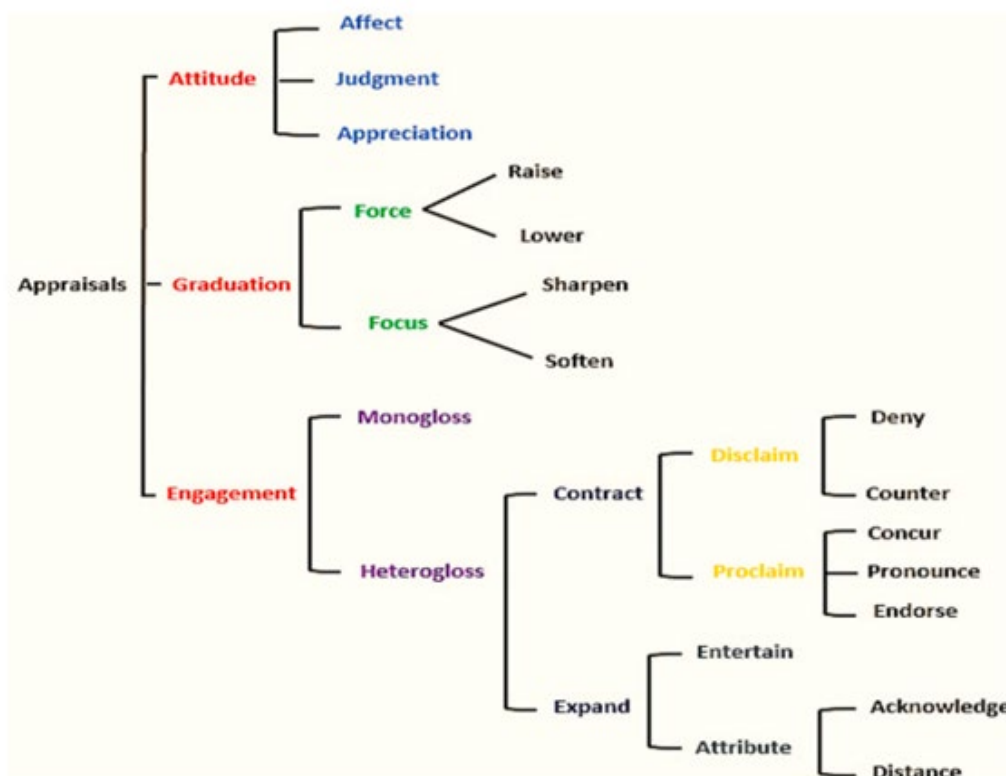

Fig.1. *The system and subsystems of the appraisal framework*

The appraisal framework has systems and subsystems that combine to show the lexico-grammatical indexation of speakers/writers' standpoint, opinion, and attitude in interpersonal and interactional contexts (Oteiza, 2017). Attitude, the first system of AF, consists of three subsystems: affect, judgement, and appreciation. The subsystems instantiate the various realisations of a speaker's attitude towards a proposition. The second system of AF, Engagement, consists

of some linguistic resources for dialogic positioning. Speakers can contract or expand the dialogic space. While proclaiming and disclaiming can be done to contract a dialogic space, attributing and entertaining mark a dialogic expansion. Graduation, the third system of AF, relates to the degree to which speakers assess and align with a proposition. Speakers can intensify or mitigate their stance through force and can sharpen or soften their evaluative proposition through focus (Martin & White, 2005). AF is relevant to this study because it, through discourse-semantic choices, shows the communication situation and the degree of speaker or writer engagement in an interactive event. In TV interview sessions, speakers are more concerned about upholding their stance and several other stances in such an interactive context (Haddington, 2004), and this can result in the generation of counter-stances (Ajiboye, 2017).

Van Dijk's socio-cognitive approach to Critical Discourse Analysis (CDA) is employed in this study. CDA focuses on how linguistic forms project the transparent and vague structural relationships of discrimination, power, dominance, and control (Reisigl and Wodak, 2009). CDA concentrates on the analysis of text, discourse features, and socio-cultural practices that underlie the functional and critical use of language (Blommaert & Bulcaen, 2000). Essentially, CDA examines social structures and constructs and how language perpetuates and reproduces social beliefs to sustain certain social norms. Such linguistic expressions are ideology-driven. CDA digs into institutional, political, and religious discourses, among others, to unpack the linguistic structures that shape the ideological orientations of social actors. In this study, attention is given to the use of Van Dijk's (2006) representational strategies and discursive moves which include authority, actor description, burden (topos), comparison, counterfactuals, categorisation, consensus, disclaimer, euphemism, example/illustration, evidentiality, generalization, hyperbole, implication, irony, lexicalisation, metaphor, self-glorification, norm expression, number game, polarisation, populism, presupposition, vagueness, and victimisation. These discursive moves are, through linguistic choices, deployed for positive self-representation (in-group favouritism) and negative other-representation (out-group derogation) in every discourse event. These analytical paradigms are combined to tease out the lexico-grammatical indexation and semantic realisations of the discursive frames through which the social actors project their stance and ideological positioning.

4. MATERIALS AND METHOD

This study adopts a qualitative design, which emphasises the importance of participants' perspectives and how these inform personal meanings (Creswell, 2009). A hybrid of inductive data and top-down analytical approaches was also used. The discursive frames emerged through inductive analysis of data, and the purposively selected excerpts that reflect each of the identified discursive frames were subjected to the top-down analysis using the theoretical tools of the appraisal framework and Van Dijk's representational strategies. The data consist of live TV interaction between key representatives of ASUU and FGN during the 2022 industrial conflict. Data were sourced from four recorded TV interview sessions with the selected social actors: two interviews were granted by the Former Minister of Labour, Senator Chris Ngige (SCN) – a representative of FGN, and two interviews were also granted by the National Chairman of ASUU, Professor Emmanuel Osodeke (PEO). The selected videos were downloaded from the YouTube channels of Arise TV and Channels TV. Three of the TV interviews were conducted during the protracted industrial strike, and one of the interviews was conducted shortly after the industrial action ended. It is noteworthy that several other political actors and institutional figures aired their opinions in several other interviews during the protracted strike. However, this study selected Professor Emmanuel Osodeke (PEO)

and Senator Chris Ngige (SCN) because they are considered the accurate representation of the two conflicting camps, given their significant positions in their respective institutions. Notably, the four selected interviews were the only instances where these actors appeared on live TV to discuss the industrial tussle specifically and exclusively.

We employed thematic coding, which allows conceptually similar incidents to be given the same conceptual label until each theme is fully elaborated (Corbin & Strauss, 2008). The four discursive and argumentative frames emerged after the authors engaged in iterative close readings of the video text transcripts and alignment of the coded themes. After the transcript of each interview (INTV) was generated, attention was given to the conversational turns of each actor that reflect their position on the industrial actions. Following the extraction of this large volume of turns and coded themes, the authors purposively selected excerpts that resonated with each of the discursive frames and then compared their results. Out of the sixty-five coded interactional turns extracted from the full transcript, which are considered relevant to the subject matter, twelve excerpts were purposively selected for the analysis. In congruence with qualitative research standards, the selection of 12 analytical excerpts from the large pool of data was guided by a combination of purposeful sampling, analytical depth, and theoretical saturation rather than random inclusion (Patton, 2015). The goal is not to provide exhaustive coverage but to present analytically rich extracts that best exemplify the recurring discursive patterns, tensions, and ideologies central to the ASUU-FGN industrial conflict as captured in televised interviews.

A systematic coding process was first conducted across all 65 excerpts, during which patterns and thematic concerns on the ASUU-FGN impasse were identified. From this broader set, the final twelve excerpts were selected because they represented key themes across both ASUU and FGN narratives, demonstrated the most illustrative use of language, framing, and ideological positioning, and offered the highest potential for interpretive depth in relation to the study's research questions. This approach is consistent with qualitative discourse analysis methodology, which prioritises depth over breadth and emphasises strategic selection over wider representativeness (Fairclough, 2003). Crucially, excerpts were not chosen to support a pre-existing argument but to provide a balanced and critical analysis of how the conflict was discursively constructed in the media space. While the excerpts do not represent the entire content of each turn, some preceding and succeeding parts of the turns were elided to allow for the clipping of the excerpts. Contexts for each of the clipped excerpts were provided in the interpretation and discussion of the excerpts.

While extant studies have subjected the past versions of the industrial conflict to various qualitative analytical approaches, the resurged 2022 version piqued our curiosity because it tops the chart as the most prolonged spell of the tussle in the history of Nigeria's university education. Also, unlike other linguistics-based studies, attention is paid to the opinions aired live and spontaneously on national television by the key representatives of the conflicting camps. The data (selected excerpts) were subjected to discursive analysis with theoretical orientations from Martin and White's (2005) appraisal framework and Van Dijk's (2006) ideological categorisation model of critical discourse analysis. The appraisal theory functions as the micro-level tool for the macro-level explanation of argumentative frames that Van Dijk's representational strategies triggered. While this study is a good reflection of how the key social actors frame and project their stances, the small dataset used for analysis is not broad enough for the generalization of its findings to the entire discourse of the ASUU-FGN conflict. Future research could examine a wider range of media sources and other key political and institutional stakeholders in the industrial conflict.

5. ANALYSIS

The study observes four discursive and argumentative frames deployed by the social actors in projecting their stances on the industrial conflict and legitimising their actions. These discursive frames are the constitutional/legal inclination of the industrial action, exploiting the ideologies of welfarism and inclusivity, the (de)valuation of the Nigerian tertiary education, and the politicisation of the industrial action. This section explicates how the linguistic resources of appraisal and representational strategies combine to index and foreground the stances projected along the lines of these discursive and argumentative frames.

5.1. The constitutional/legal inclination of the industrial conflict

The discursive framing of the industrial conflict along the lines of constitutional/legal inclination was observed in the dialogic interactions involving the spokespersons of ASUU and the Federal Government. This raises the question of whether the position of both parties on the industrial action is within the ambit of the law. A group makes attempts towards a negative other-representation of the counterpart group's actions, projecting them as constitutionally disinclined, thereby inviting their audience to align with their stance on the industrial conflict. In essence, actors from both camps project their stances based on legal premises. These stances show whether or not their actions/efforts, which inform the industrial conflict, are constitution-inclined or law-guided.

Excerpt 1:

I have been discussing with them since January, and suddenly, without any notice as required by the labour laws, they declared a strike. No 21 days' notice, not even 15 days' notice to essential duties workers. They went on strike on February 14. (SCN; INTV 1)

Excerpt 2:

At the end of October, we were surprised that for the first time in the history of academics, we were hearing about pro-rata payment. It is against all the rules of all universities, against the conditions of service of universities. (PEO; INTV 4)

Excerpt 3:

Pro-rated payment is when you are paying people per day, per working hour, which is against the rule, against the terms of payment. (PEO; INTV 2)

In the texts above, SCN harnesses the discursive move of "authority" to ground the stance that the industrial action is an effort that contradicts the legal prescriptions. One of the ways of showing authority is by making reference to credible sources and established institutions in order to legitimise a particular action and shape the perspective of an audience along such orientation. Authority helps to build credibility and trust in a speaker and is, therefore, employed for taking a stance in interaction (Van Dijk, 2006). A reference to the constitution or legal extracts is a manifestation of the engagement system of AF and an indexation of dialogic contraction, which is weaponised to strengthen the authorial stance. Notably, the use of authority is strengthened in SCN's stance, especially because he was the Minister of Labour at that time, and such a portfolio presents him as one who understands the working mechanisms of the Nigerian labour laws. The expression "as required by the labour laws", a demonstration of a law-informed approach, indexes a deliberate delegitimisation of the industrial action. SCN attempts to educate the public that before an industrial

action can be regarded as constitutionally relevant, the aggrieved party must give “twenty-one days’ notice and fifteen days’ notice to essential workers”. Such an effort towards enlightening the public paints a good image of SCN as one whose actions in the face of the impasse are justified. In this light, SCN criticises the sudden declaration of a temporary halt in educational activities in all member institutions of ASUU and frames it as a deviation from the constitution.

Excerpt 2 explains the law-insensitive terms of payment of public university lecturers’ salaries shortly after the industrial action ended. PEO, the representative of the opposing group, harps on the dialogic contraction of *proclaiming to pronounce* that the payment modalities that Nigerian lecturers are subjected to are “against the rule, against the terms of payment,” as seen in Excerpt 3. It also indexes *judgment of propriety (social sanction)*, explicating that the FGN’s resort to such terms of payment is unethical. PEO further gleans on the discourse strategy of authority, by referring to the “condition of service” of the Nigerian university, a legal document that spells out the terms, rules, and regulations governing the employment relationship between Nigerian university lecturers and their employers – FGN. While the actors express and project their stances on the industrial conflict, pronouns strategically signal polarisation. The pronoun “they” is a polarising and out-grouping expression (Excerpt 1), and “we” is an associative and collectivist label (Excerpt 2).

As both factions attempt to legitimise their decisions, actions, activities, and involvement in the industrial conflict, they draw on the appraisal and discourse strategies highlighted in the foregoing for positive self-presentation and negative other-presentation. On the one hand, for a positive portrayal of its group, SCN, the representative of the FGN blames their counterpart for declaring and embarking on industrial action without consulting the constitutional provisions for such an action appropriately and intelligently. On the other hand, PEO points an accusing finger at the FGN for coordinating and executing its dealings with ASUU in a manner that is outside of the provisions of the constitution. Again, this relates to the blame-game tactics, as both parties make cases for blame avoidance and shift the blame to their counterpart for a temporary halt of educational activities in some Nigerian universities.

5.2. Exploiting the ideologies of welfarism and inclusivity

The social actors frame their stances on the industrial conflict in relation to the policies of welfarism and inclusivity. The ultimate goal of both groups’ actions is to prove that they are defending the interests of their members and the general public. Welfarism and inclusivity prioritise the common good, the prioritisation of the well-being of individuals and communities, while advocating for policies that address social inequalities and improve living conditions (Haaga & Sasa, 2019). In essence, the more actors can present their actions/efforts as a welfare venture and a plan for the collective good, the greater their likelihood of persuading their audience and presenting their response in a positive light. This discursive framing aligns more with the attitudinal system and strategy of stance-taking, specifically affect, because it tends to play on the emotional sentiments of the audience.

Excerpt 4:

I am not happy that a professor is earning N500,000. No! I don’t support that. Like I said, I have my relatives and cousins. I want a professor: if he is going home, let him go home with at least something that borders on N1million. If he goes home on something that borders on 1 million, I will be happy. (SCN; INTV 1)

Excerpt 5:

What has angered my office is that children are at home for seven months. Seun, if you are not angered, I am angered. (SCN; INTV 2).

Excerpts 4 and 5 are an evaluative realization of the *affect of displeasure* through the contextual labels “angered” and “happy”. In both excerpts, SCN appears to be displeased at the protracted strike. Such emotional outpouring is reinforced by the expression “I don’t support that”, which again is an instance of dialogic disclaiming to shut up the dialogic space (contraction) and maintain an authorial stance. This statement is made within the shared knowledge of the poor remuneration and salary packages that Nigerian university lecturers have always protested. In an actual sense, revisiting the salary scale of Nigerian lecturers to extirpate poor remuneration in the university system constitutes one of the core agendas for industrial strike because “the salary of lecturers is not anything to write home when compared with other sectors of the Nigerian economy” (Aidelun-uoghene, 2014: 15). It is within the context of such an appalling situation that SCN utilises *dialogic contraction to proclaim*, “I am not happy that a professor is earning #500,000” (Excerpt 4), which also is an indexation of *affect of unhappiness*. The public mention of “#500,000”, “#1million”, and “seven months” signals *quantification*, an instance of *force* within the graduation system. The quantified salary of an average Nigerian professor tends to evoke pity in the minds of the audience, especially because the poor remuneration of professors (and by extension, the Nigerian academics) is not commensurate with their investments in the Nigerian tertiary education. As such, Ngige’s publicly specified #1 million as a desired salary benchmark for professors portrays him as a worker-centric and generous leader who prioritises the value of employees. In addition, the quantified “seven months” adds force to Ngige’s rage at the ASUU prolonged strike, especially because it had become the longest spell in history.

While clinging to the notion of welfarism to ideologically project oneself as a true welfarist who feels the pains of the underpaid Nigerian lecturers and ASUU members, SCN weaponises the *affect of displeasure* and condemns ASUU for shutting the gates of some Nigerian universities, disrupting the academic activities, and making Nigerian students idle for seven months (Excerpt 5). It indirectly projects the opposing camp as insensitive and a disruptor of academic progress in Nigerian universities for a somewhat selfish interest.

Excerpt 6:

The same in the university system, we have librarians, we have engineers, and we have technologists who prepare the labs. All these people have their own demands for the enhancement of their salaries. You cannot just single out ASUU and do it. No! Once you do it, you’ll collapse the system. If you are doing something for education, you will do it for the university system, polytechnics, and colleges of education. That is tertiary education you’re talking about (SCN; INTV 2).

Excerpt 7:

If you recall, it is this Minister of Labour who created this problem that we have. Initially, he took up the process, and instead of renegotiating and solving the problem, he believed the best thing was a “hunger weapon” – stop their salaries. He said “stop their salaries”. He wrote as a minister. Instead of solving the problem, you are looking for how to use a hunger weapon, in this country at this present age (PEO; INTV 3).

Furthermore, SCN, in excerpt 6, leans on the discursive move of “categorization”, bringing in some other groups within the Nigerian tertiary institutions into the discourse. Groups such as “librarians”, “engineers”, and “technologists” are part of the university system and also have their agitations on the improvement of remuneration rates. SCN, therefore, projects ASUU as being self-centred and not having a mind of inclusiveness for the collective good, including other key stakeholders within the university system. SCN argues that salary enhancement and other forms of development should not flow only to universities, but also to polytechnics and colleges of education. SCN signals this stance through dialogic pronouncing “You cannot just single out ASUU and do it”. In essence, ASUU’s actions betray the ideology of collectivism because they dissociate from the collective interest it shares with other social groups within the university.

As a form of counter-stance, PEO, in excerpt 7, conceives the actions of the FGN as an attack on the welfare of the university lecturers. This stance rides on the *judgment of propriety* (how ethical) while also indexing the *affect of displeasure* through expressions such as “hunger weapon” and “stop their salaries”. PEO believes that true welfarists do not weaponise the hunger and lack they have observed in their people for selfish goals. To project the non-welfarist picture of the FGN and its allied groups, PEO deploys dialogic expansion and attributes the expression “stop their salaries” as a quoted decree of SCN – the mouthpiece of the FGN on such matter, which showcases them as a group that finds joy in depriving the Nigerian university lecturers of their reward system instead of listening to their agitations and troubleshooting the problems advanced by ASUU. This appraisal strategy invites the audience into the dialogic space to make their judgement, and by implication, take a negative stance that delineates SCN and FGN as inhumane, afflictors and problem compounders. From the foregoing, SCN presents the FGN’s response as one that seeks to secure the welfare and collective good of the Nigerian academics across the tertiary institutions. It subtly presents the stance of ASUU as a self-seeking agenda. In contrast, ASUU projects its group as a welfare-seeking group and an advocate of the collective good while also portraying the FGN as anti-welfarist.

5.3. (De)valuation of the Nigerian tertiary education

Behind every thriving society is a solid educational system. Nigeria’s educational system has, over time, been plagued with a myriad of socio-political malaises that have raised the question of whether or not the educational system produces value. Rampant industrial action caused by unresolved differences between ASUU and FGN on funding, salaries, and working conditions is one of the factors that have brought several operational setbacks to the Nigerian educational system (Chukwudi & Idowu, 2021). Within the context of the ASUU-FGN industrial conflict, the key social actors of both camps attempt to frame their stances in line with the orientation of promoting valuable education in Nigeria. An in-group attempts to negatively brand its out-group counterpart as one whose actions and decisions contribute to the devaluation of Nigeria’s tertiary education.

Excerpt 8:

...But this one, that you closed the university, you said you are not being paid well, that the Ghanaian university teachers association (GUTA) are paid the equivalent of dollars. Yes! Those people are attracting dollars and pounds into Ghana, and their universities are open. Nigerian students are paying dollars. So, they use the money they earn there, and they give them their certificate... You don’t demarket your universities and demarket your certificates (SCN; INTV 1).

Excerpt 9:

If the government had intervened before the strike or if they had intervened when we started the strike... If they had come to discuss with us and reach an agreement within one or two weeks, there wouldn't be strike. As I speak to you, the University of California is on strike. I can assure you it will not last three days because they value education... (PEO; INTV 4).

The ideological structure of “comparison” is triggered in the interactions through the mention of the Ghanaian University Teachers Association (GUTA) in excerpt 8 and the University of California in excerpt 9. These mentions are to strategically ground divergent stances. SCN places ASUU and GUTA side by side, which is an argumentative strategy to trigger the audience's judgment and alignment with the authorial stance. Similarly, reference to an external agency in excerpt 9 is an indexation of *engagement* strategy for *dialogic expansion*, *acknowledging* GUTA and the University of California as agencies that promote valuable education in their climes. This is meant to bolster the authorial stance that ASUU has not been on par with its foreign equivalent. Through the actor description, SCN subtly brands the Nigerian lecturers as unproductive compared to GUTA. With the valence “demarket” in Excerpt 8, SCN submits that ASUU's incessant strike does not add any value to the Nigerian education system, but rather depreciates the market value of Nigeria's tertiary education within the global milieu. This is an instance of attitudinal evaluation of *affect of dissatisfaction*.

Through an ideological structure of implication, SCN presupposes that the scholarship of most Nigerian university lecturers, evidenced by receipt of international grants, awards, fellowships, etc., compared to GUTA, has not positioned them to earn in foreign currency. While this assertion remains subjective, unverified, and polemical, SCN leverages it to aim a jibe at ASUU for concentrating and channeling their efforts on industrial actions rather than getting immersed in scholarly activities that can give them global visibility and enhance the value of Nigeria's university system.

Excerpt 10:

University lecturers are not casual labourers. The civil service works from 8 to 4. That's the working hour, you are aware of that. Academics can work from 6 to 8 at night. So, we are not casual labourers, we are not paid on a daily basis. If you try to casualise the university lecturer, you have killed the system. You can ask anywhere in the world (PEO; INTV 4).

Projecting a divergent stance, PEO castigates FGN and justifies the strike action in excerpts 9 and 10. PEO opens the dialogic space by alluding to a strike action that reportedly took place at the University of California. PEO opines that the United States government would never allow a protracted industrial strike, proclaiming that “they value education”, unlike FGN. Similarly, PEO believes that, in terms of the modalities and conditions of salary payment to Nigerian university lecturers, ASUU has been stripped of its professional dignity and has been reduced to that of casual labourers. In an attempt to re-dignify Nigerian lecturers who, supposedly, have been treated like casual labourers, PEO leans on the appraisal choice of dialogic contracting (disclaiming) indexed by the expression, “university lecturers are not casual labourers”. This proclamation aims to reconfigure the battered identity given to ASUU and its member institutions in the midst of the impasse. In lieu of the foregoing, the varying stances of the two conflicting camps are projected within the discourse of the valuation of the university system in Nigeria.

5.4. Politicisation of the industrial conflict

The ASUU-FGN conflict is a form of political/institutional conflict that involves political and institutional actors such as the President of the Federal Republic of Nigeria, the Minister of Education, the Commissioners of Education at the State level, the Chairman of ASUU, the Committee of Vice-Chancellors of Nigerian Universities, and several other key stakeholders, unions and policy makers in Nigeria's education system. With these groups of stakeholders deliberating to make critical decisions, the possible cases of conflicting interests are bound to ensue. It has been observed that the nature of the ASUU-FGN conflict over the years is not devoid of political underpinnings (Nsungo & Orabueze, 2022; Toryuha, 2024), and as such, the conflict has been constructed to have been intertwined with political interests beyond the labour and academic-related issues. Against this backdrop, the key social actors considered in this study frame their stances along the line of the political interests that characterise the industrial conflict. The in-group actors accuse their opposing group of politicising the industrial action and wielding power to peddle various propaganda and achieve an in-group interest. This suggests that the industrial conflict is used as political propaganda against each other.

Excerpt 11:

...It is ASUU that is not sincere. They fill their members with lies and at a point, they politicised the entire thing.... Their president, on national television of Arise, AIT, asked them to vote out this government that has kept their children at home for seven months, the APC government, with their children overseas, this government is maltreating you. (SCN; INTV 2).

The stances of the opposing camps are projected through lexicalisation, foregrounded through the use of the lexical items "politicise", "play politics", "vote out". In excerpt 11 above, SCN evaluates the industrial action as a manipulative political ploy and an election campaign strategy against the incumbent political party, the All Progressive Congress (APC). SCN asserts that ASUU simply embarked on the industrial strike for political gains and was, therefore, being manipulated and weaponised by some political cabals. This assertion is made within the context of the 2023 general elections in Nigeria, and at the time the ASUU strike reached its peak in 2022, a change of government was imminent. SCN harps on *judgment of veracity*, "It is ASUU that is not sincere..." and negatively evaluates the actions and activities of ASUU, construing the industrial strike as an insincere campaign tainted with political propaganda. In other words, SCN accuses ASUU of ignoring its primary essence of staging the industrial action and drifting into a political campaign against the APC government. SCN foregrounds this accusation through *dialogic contracting* by *entertaining* the quoted statement of the ASUU president, "vote out this government", and invites the audience to share his orientation. Arising from the above, SCN adopts the negative other-representation strategy in accusing the out-group of serving as political stooges, kowtowing to political manoeuvring, extending the period of the strike action to defame the image of the APC government, and thereby manipulating the sentiments of both Nigerian students and the general public. The "seven months" resurfaces again as a form of quantification to intensify SCN's tone of displeasure over the industrial action, especially because no compromise had been reached between the conflicting groups at that time.

In the usual defensive posture, PEO attempts to solidify ASUU's positive stance on the industrial action and negative portrayal of FGN by harping on "populism", as stated by SCN in excerpt 11 above. Populism as an ideological strategy appeals to the popular view about a personality,

action, or phenomenon. Populism is exploited within the context of the popular view held by Nigerians who belong to the middle and poor classes about the attitude of Nigerian politicians towards the formal education of their family members. This belief holds that most Nigerian politicians are blind to the sufferings and plights of the electorate as long as their children are sponsored overseas and exposed to quality education (Agomuo, 2022; Nwabughio, 2022). To substantiate this, the expression marks *affect of dissatisfaction*, expressing the pain of the neglect that Nigerian politicians inflict on the children of the masses who are enrolled in government-owned universities. Such an evaluative attitudinal marker is deployed to arouse the sentiments of many Nigerian parents or students affected by the protracted strike.

Excerpt 12:

Well, the process is ongoing. We hope this time that they will not play politics as they did in the last test. In the last test, the program scored 99.3% and they said the program failed, which means it is politics. I hope they will not also play politics this time. (PEO; INTV 3).

Similarly, PEO expresses concern over the usual practice of FGN regarding terms of agreement on the resolution of the industrial conflict. PEO implies that FGN has always reneged on its promises and commitments in improving the general welfare of Nigerian university lecturers, specifically ASUU member institutions. In excerpt 12, PEO accuses FGN of playing politics on some key agreements reached by both conflicting camps during and shortly after the industrial conflict. The statement in excerpt 12 above is a response to the interviewer's question on the payment system, one of the rationales for the industrial action. For proper context, the ASUU-FGN tussle is fraught with disputation over the payment platforms – IPPIS and UTAS – for salary and remuneration payments of Nigerian public university lecturers. Integrated Payroll and Personnel Information Management (IPPIS) is a centralised payroll system created by the FGN in 2006 for a fraud-free, accountable, and transparent monitoring of salary payment, and to track non-existent personnel referred to as “ghost workers” (Abada, Odey & Odey, 2023). However, ASUU heavily criticised this payment system, maintaining that the system undermines the operational structure and autonomy of universities (Hassan, Manu & Ahmed, 2023). Arising from this, ASUU designed another payment platform – University Transparency and Accountability Solution (UTAS), claiming that the peculiarities of universities are not taken cognisance of in IPPIS (Abada, Odey & Odey, 2023).

To maintain a negative stance towards FGN's activities towards the payment platforms, PEO deploys the engagement strategy to *contract* the dialogic space and *pronounces* that “the programme scored 99.3%” after it went through considerable testing by FGN. However, PEO claims that FGN's faulting of the payment platform despite the positive result generated from the conducted test is an act of playing politics – “which means it is politics”. In light of this, PEO projects the stance that FGN is negligent in keeping its commitments towards ASUU, and instead of addressing the issue, it would always politicise its decisions and actions for self-aggrandisement. On the strength of the above explications, both conflicting camps project their stances in accusative frames of politicking, as one party accuses the other of playing politics to the detriment of the victims of the industrial action.

6. DISCUSSION

The discursive and argumentative frames highlighted in spokespersons' interactions show no orientation to practical solutions; they rather touch on the need to justify positions and cement already taken stances. These can be matched and compared to the current studies in the ASUU-FGN industrial conflict and the media reporting of the impasse. This view makes it easier to understand the underlying dynamics of the conflict.

As Ellah (2014) points out, discourses of dominance and authority are commonplace with government actors, whereas repertoires of protest and resistance are common with ASUU actors; accusation and counter-accusation are prevalent rhetorical tactics on both sides. The same ideological hostility is reflected in the current study in its recognition of welfare appeals and constitutional claims, which are extrapolations of the broader ideological repertoires outlined by Ellah (2014). However, where Ellah stresses the dichotomy of domination and resistance, the current study provides an additional twist to the argument by demonstrating how constitutional/legal framing has turned into a primary source of argument. Moreover, the context of live broadcasts brings out the orientation of these ideological frames towards external audiences (students, parents, and the general population), thus preempting legitimization instead of negotiated resolution.

Like other literature on the ASUU-FGN industrial conflict, Julius (2021) tends to be more impact-oriented, focusing on the material and educational impacts of strikes: disruptions to academic calendars, graduate stalling, and institutional instability. This is contrary to the current study, which attends to the discursive practices that inform popular understanding of the industrial conflict. Yet, the current study is complementary to Julius (2021). Whereas impact-oriented research reveals the human and institutional cost of a prolonged industrial action, the discourse analytical orientation of the current study provides an understanding of why the conflict does not end. Our findings demonstrate that the process of the public debate is organized not into a deliberative negotiation but into a performance of legitimization. In prioritising constitutional legality, welfare appeals, and politicisation of the conflict over solution-based frames, actors contribute to the cycles of industrial strife that the impact-based literature proposes are harmful to the education sector.

Another pertinent point of comparison is provided by Nsungo and Orabueze (2022), who demonstrate the discursive construction of asymmetries of power within ASUU strike coverage by the Nigerian media. Their discussion highlights the importance of journalistic sourcing and framing in intensifying or delegitimising certain voices. This is supplemented by the current study, which shifts its focus to the performative strategies of the actors themselves rather than journalistic production. Although Nsungo and Orabueze focus on the gatekeeping and framing of media houses, the current study emphasises how spokespersons engage in the active politicisation of the discourse during televised interviews, thus jointly creating the power disparities that media reports would later reproduce. Altogether, the two studies seem to provide reason to believe that media institutionalization with the performance of actors creates a communicative loop that rewards political point-scoring over the ability to solve the problem constructively.

Ogundeji and Uduk (2024) demonstrate that newspapers selectively assign positive and negative values to both parties and form competing discourse representations, which repeat an ideological conflict. Although the current study also concludes that ASUU and FGN spokespersons use legitimization frames, it goes further to show how such mechanisms play out in live televised communications. In contrast to the comparatively stable and editorially mediated semantic framing

of the print media, the interviews broadcast allow instant justifications, emotional appeals, and confrontational interactions, thus highlighting the performative role of legitimization and politicisation.

The synthesis of these findings has some implications. Legitimization and delegitimization appear to be the most prevalent discursive aims across all modalities, including accusations (Ellah, 2014), semantic framing (Uduk & Ogundeji, 2024), and interview performances. Actors tend to focus more on their legitimacy in the presence of an audience. Third, the preeminence of the legitimization rhetoric over the resolution-focused discourse has tangible effects, with the ongoing educational unrest, highlighted in Julius (2021) and similar works, being one of the consequences.

7. CONCLUSION

The findings indicate that the representatives of the conflicting camps project and entrench their ideological stances around these discursive frames: the constitutional/legal inclination of the industrial action, exploiting the ideologies of welfarism and inclusivity, the (de)valuation of the Nigerian tertiary education, and the politicisation of the industrial action. These discursive framings are ideologically projected through representational strategies such as authority, polarization, categorisation, actor description, comparison, lexicalisation, and populism for a positive or negative representation of activities and efforts of both camps concerning the industrial conflict. The attitude and engagement systems of the appraisal framework, as well as their sub-systems, are well projected in the expressions and responses of the interviewed social actors and are instrumental in indexing their projected stances on the industrial conflict. As both parties seek to protect their divergent interests, their articulated stances on the industrial conflict were unveiled through discursive strategies and lexico-grammatical elements that constitute the macro-structure of an ideology-laden interaction. The study further observes that the stances expressed through linguistic choices by both camps are an indication of their undauntedly held positions about the labour conflict in the face of pressure.

In consonance with Chigozie's (2017) position, the discursive frames constitute a web of legitimization strategies deployed by the social actors for mobilising public sympathy and justifying their positions on the industrial conflict. Each of the discursive frames is a reflection of the communicative intents of the concerned social actors. The social actors make reference to the constitution, labour laws, and the conditions of service as an authoritative source for delegitimizing their actions concerning the industrial conflict. This discursive frame connects with Van Dijk's (1998) notion of argumentation from authority, which permits speakers to make reference to legal or institutional sources to buttress their argument. Notably, both camps maintain that their counterparts' actions devalue the Nigerian academic system. This mirrors the opinion of Julius (2021) that ASUU frames itself as a watchdog guarding academic integrity and confronting FGN's neglect. Such emotional appeal aims to enlist the victims of the protracted strike, especially Nigerian students, and the public in a shared sense of victimhood. In alignment with the thoughts of Ogundeji and Uduk (2024), the welfarist orientation presents ASUU as a defender of labour rights for the benefit of the people, and FGN as an advocate of fair compensation and equal opportunities.

As Haddington (2004) and Ajiboye (2017) observe, interviewees (in this case, the representatives of the conflicting camps) often desire to shut the dialogic space against counterstances, thereby entrenching and propagating their authorial stance (Akano, 2023), and through this, the ideological orientations of their audience are influenced. The study observes that the key social actors who are representatives of ASUU and FGN debate the industrial conflict during TV interviews

with the primary intention of legitimising and justifying their actions, rather than proposing effective mechanisms for conflict resolution. Although ideological positionings are woven around the efforts of both camps, discursive moves and stance expressions are indications of more confrontation and less diplomacy. Arising from this, this study submits that quick and effective conflict resolution mechanisms should be prioritised.

Acknowledgements

We appreciate the peer reviewers for the critical insights they provided to enhance the quality of our manuscripts.

Conflict of Interest

The authors state that there is no conflict of interest.

REFERENCES

1. Abada, I. M., Odey, C. O., & Odey, M. O. (2023). Federal government–ASUU dispute over university autonomy and industrial disharmony in federal universities in Nigeria, 2009–2023. *Qeios*, 1(7). <https://doi.org/10.32388/OB0CYM>
2. Adarviele, J. A. (2015). Implication of incessant strike actions on technical education programmes in Nigeria. *Journal of Education and Practice*, 6(8), 23–40.
3. Adeyemo, J. A., & Elegbe, O. (2021). Newspaper framing of industrial crises between the Academic Staff Union of Universities and the Federal Government of Nigeria. *Media and Communication Review*, 6(1), 1–19.
4. Agbam, W. E., Okocha, D. O., & Tartsea-Anshase, M. (2022). Perception of University of Abuja academics on the use of dialogue in managing ASUU-Federal Government impasse. *African Journal of Culture, Communication and Media*, 2(1), 258–273.
5. Agomuo, Z. (2022, August 27). From education, medical to political tourism—sad story of Nigerian politicians. *Business Day*. <https://businessday.ng/politics/article/from-education-medical-to-political-tourism-sad-story-of-nigerian-politicians/>
6. Aidelunuoghene, O. S. (2014). ASUU industrial actions: Between ASUU and government—is it an issue of rightness? *Journal of Education and Practice*, 5(6), 7–17.
7. Ajiboye, E. (2017). *Stance-taking in Nigerian digital communities: A critical discourse analysis of citizens' engagements on Biafra agitations* [Doctoral dissertation, Covenant University].
8. Akah, A. U. (2018). ASUU strike: The Federal Government and Nigerian educational system. *International Journal of Educational Research*, 6(5), 19–32.
9. Akano, R. (2023). *Stancetaking and discourse representation of the Yoruba nation agitation in Nigerian digital communities* [Master's thesis, University of Ibadan].
10. Akinwotu, S. A. (2019). The role of discursive constructions in Nigeria's ASUU-FGN labour conflict of 2013. *The African Journal of Information and Communication*, 23, 1–18.
11. Aragbuwa, A. (2014). The pragmatics of language use in industrial dispute: A study of the 2013 ASUU/FGN face-off. In R. O. Atoye (Ed.), *Papers in linguistics* (Vol. 15, pp. 1–21). Taylor and Francis.
12. Awoniyi, F., Afolabi, I., & Akano, R. (2024). Rhetorical and ideological strategies in campaign jingles on Osun 2022 gubernatorial election. *ALTRALANG Journal*, 6(1), 361–374.

13. Blommaert, J., & Bulcaen, C. (2000). Critical discourse analysis. *Annual Review of Anthropology*, 29(1), 447–466.
14. Chigozie, U. B. (2017). An assessment of the impact of Academic Staff Union of Universities (ASUU) on human resource development in Nigerian universities. *International Journal of Academic Research in Business and Social Services*, 7(4), 740–747.
15. Chukwudi, E. C., & Idowu, S. S. (2021). ASUU strike and the Nigerian governments: Implications on students and society in a changing world. *South Asian Journal of Social Studies and Economics*, 294–304.
16. Corbin, J., & Strauss, A. L. (2008). *Basics of qualitative research: Techniques and procedures for developing grounded theory* (3rd ed.). Sage Publications.
17. Creswell, J. (2009). *Research design: Qualitative, quantitative, and mixed methods approaches* (3rd ed.). Sage.
18. Edema, G., & Tolu-Kolawole, D. (2022, May 16). No agreement with FG, strike not ending soon – ASUU, SSANU, NASU. *Punch*. <https://punchng.com/no-agreement-with-fg-strike-not-ending-soon-asuu-ssanu-nasu/>
19. Egwu, S. (2016). Why workers do not perform. *African Journal of Management Sciences*, 2(2), 40–48.
20. Ellah, S. M. (2014). The language of industrial actions in Nigeria. *Research on Humanities and Social Sciences*, 4(7), 176–184.
21. Ezirim, C. (2023). Legitimation of language in 2022 ASUU vs FGN impasse. *Scholars International Journal of Linguistics and Literature*, 6(7), 266–271.
22. Fairclough, N. (2003). *Analysing discourse: Textual analysis of social research* (Rev. ed.). Routledge.
23. Ganiyu, M. A., Adefemi, V. O., & Ismail, O. A. (2021). Social media deployment for public relations campaign: A study of Nigerian public relations professionals. *Social & Digital Media Discourse*, 2(1), 81–90.
24. Haaga, P. T., & Sasa, M. S. (2019). A philosophical reflection on the nature and relevance of Azikiwe’s political ideology of neo welfarism. *International Journal of Humanities and Innovation (IJHI)*, 2(4), 152–157.
25. Haddington, P. (2004). Stance taking in news interviews. *Finnish Journal of Linguistics*, 17, 101–142.
26. Halliday, M. A. K. (1994). *An introduction to functional grammar* (2nd ed.). Edward Arnold.
27. Hassan, N. A., Manu, H., & Ahmed, M. (2023). The impact of IPPIS policy on the university system: A critical assessment. *Kashere Journal of Politics and International Relations*, 1(1), 1–6.
28. Julius, A. (2021). Labour and agitation discourse: Media text analysis of industrial crisis in public universities in Nigeria. *International Journal of Current Research in the Humanities*, 25(1), 241–258.
29. Martin, J. R. (2000). Beyond exchange: Appraisal systems in English. In S. Hunston & G. Thompson (Eds.), *Evaluation in text* (pp. 142–175). Oxford University Press.
30. Martin, J. R., & White, P. R. R. (2005). *The language of evaluation: Appraisal in English*. Palgrave Macmillan.
31. Nein, G., & Peter, T. O. (2024). ASUU-Federal Government (FG) disputes and its impact on university education in Nigeria. *International Journal of Economics Commerce and Management*, 12(1), 210–221.

32. Nein, G., et al. (2023). Academic Staff Union of Universities (ASUU) and Federal Government (FGN) industrial disputes and its effects on university education in Nigeria. *Port Harcourt Journal of Educational Studies (PHAJOES)*, 8(1), 54–61.
33. Njoku, M. E., & Igbokwe, C. N. (2024). Ongoing conflict between Federal Government of Nigeria and Academic Union of Universities: Implication for global educational competitiveness and relevance. *Nigerian Journal of Educational Philosophy*, 32(1), 1–9.
34. Nsungo, D. P., & Orabueze, F. O. (2022). Discursive constructions of power in selected Nigerian media reports of Academic Staff Union of Universities (ASUU) strikes. *International Journal of Innovative Research and Development*, 11(9), 34–47.
35. Nwabughio, L. (2022, March 3). Reps reject bills seeking to stop children of public officers from schooling abroad. *Vanguard*. <https://www.vanguardngr.com/2022/03/reps-reject-bills-seeking-to-stop-children-of-public-officers-from-schooling-abroad/>
36. Nwanyanwu, D. H., et al. (2023). The impact of Academic Staff Union of Universities' strikes on Nigerian students. *International Journal of Innovative Research in Education*, 10(1), 110–122.
37. Ogundeji, A. O., & Uduk, H. (2024). Discourse strategies for discourse representations of ASUU-FGN impasse in Nigerian newspapers. *Scholars International Journal of Linguistics and Literature*, 7(10), 279–287.
38. Okebukola, F. O. (2010). *Staff unions, conflicts and conflict resolution in tertiary institutions in Nigeria* [Paper presentation]. 1st National Conference of the Colleges of Education Academic Staff Union (COEASU), Tai Solarin College of Education, Omu-Ijebu, Ogun State.
39. Oladejo, S., & Ijimayowa, T. C. (2022). ASUU strike in Nigerian universities. *Journal of Education Society and Multiculturalism*, 6, 87–103.
40. Osuagwu, S., & Chukwuemeka, E. (2024). Labour conflict and management of federal universities in Nigeria: A study of the Academic Staff Union of Universities (ASUU). *Journal of Policy and Development Studies*, 16(1), 309–328.
41. Oteíza, T. (2017). The appraisal framework and discourse analysis. In T. Bartlett & G. O'Grady (Eds.), *The Routledge handbook of systemic functional linguistics* (pp. 481–496). Routledge.
42. Patton, M. Q. (2015). *Qualitative research & evaluation methods* (4th ed.). Sage Publications.
43. Reisigl, M., & Wodak, R. (2009). The discourse-historical approach. In R. Wodak & M. Meyer (Eds.), *Methods of critical discourse analysis* (2nd ed., pp. 87–121). Sage.
44. Toryuha, A. T. (2024). Stakeholders' perception of causes and consequences of ASUU strike among public universities in Nigeria: 1999–2022. *Polish Political Science Yearbook*, 53(3), 193–205.
45. Uduk, H. E., & Ogundeji, A. (2024). A semantic analysis of discourse representations of ASUU-FGN impasses in Nigerian newspapers. *International Journal of Arts and Humanities*, 2(2), 24–38.
46. Ugwona, C. N. (2016). 2013 ASUU strike discourses in Nigeria: A critical discourse analysis. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 7(2), 435–444.
47. Van Dijk, T. A. (1998). *Ideology: A multidisciplinary approach*.
48. Van Dijk, T. A. (2006). *Politics, ideology and discourse*. <https://discourses.org/wp-content/uploads/2022/07/Teun-A.-van-Dijk-2006-Politics-ideology-discourse.pdf>
49. White, P. R. (2000). Dialogue and inter-subjectivity: Reinterpreting the semantics of modality and hedging. In M. Coulthard, J. Cotterill, & F. Rock (Eds.), *Dialogue analysis VII* (pp. 67–80). Niemeyer.

About the authors:

Oluwatosin Grace Abidoye holds a PhD in English Language from the Department of English, University of Ibadan, Oyo State, Nigeria, where she currently works. Her research interests include critical discourse analysis, pragmatics, gender-based studies, and digital humanities.

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-2536-6520>

Richard Damilare Akano is a PhD student in the Department of Applied Linguistics at The Pennsylvania State University, State College, United States. His research interests include multi-lingual and transnational identities, migration studies, and critical discourse analysis.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2577-0613>

Johnson Adewale Akano is an MA student in Linguistics in the Department of Literature, Linguistics, and Languages at Syracuse University, New York, United States. His research focuses on language assessment, phonology, and sociolinguistics.

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3858-9713>

Received: July 7, 2025.

Accepted: October 10, 2025.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-1-4-73-91>

COMMUNICATION PRACTICES AMONG ADMINISTRATORS IN COLLEGES OF EDUCATION IN GHANA

Sulemana Iddrisu

*Tamale College of Education
(Tamale, Ghana)
sulesakabu@yahoo.com*

Abdul-Kadir Salifu

*Tamale College of Education
(Tamale, Ghana)
abdulkadir.salifu@yahoo.com*

Kadir Fuseini

*Savelugu Senior High School
(Savelugu, Ghana)
fuseinikadir2022@gmail.com*

Abstract: Colleges of Education in Ghana occupy an important position in the country's educational system as the primary institutions responsible for training professional teachers. However, the ongoing national educational reforms (elevating the college status to the university level) require effective administration and communication, which are essential for their success. Administrators in these institutions serve as the backbone of policy implementation, coordination, and institutional governance, yet empirical evidence on how they communicate and how effective these practices are remains limited. The primary goal of this paper is to examine the communication practices of administrators in selected Colleges of Education in Ghana, with a particular focus on their effectiveness and the challenges that hinder their sustainability. Using a mixed-methods sequential explanatory design, data were collected from 31 administrators in Tamale College of Education, Bagabaga College of Education, and St. Vincent College of Education in the Northern Region of Ghana through structured questionnaires and semi-structured interviews. The quantitative aspects of the data were analysed using descriptive statistics in SPSS, whereas qualitative data were analysed through thematic analysis following Braun and Clarke's framework. The findings reveal that administrators employ a combination of formal channels, such as memos and meetings, informal interactions, including face-to-face discussions and digital platforms, such as email and WhatsApp, to perform their duties. The findings further indicated that communication practices were generally perceived as enhancing coordination, collaboration,

and decision-making within the colleges. On the other hand, bureaucratic delays, limited Information and Communication Technology (ICT) infrastructure, resource constraints, heavy workloads, and cultural resistance to change emerged as significant barriers. Drawing on organizational communication theory, participatory decision-making models, and ICT adoption frameworks, the study concludes that strengthening communication effectiveness requires systemic reforms, including clearer institutional policies, improved ICT investment, targeted capacity-building, and workload redistribution.

Keywords: administrative communication, colleges of education, ICT adoption, participatory decision-making, Ghana, institutional governance.

How to cite this article: Iddrisu, S., Salifu, A.-K., Fuseini, K. (2026). Communication Practices Among Administrators in Colleges of Education in Ghana. *Professional Discourse & Communication*, 8(1), 73–91. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-1-73-91>

1. INTRODUCTION

Communication has long been acknowledged as the lifeblood of organisational effectiveness, yet in educational institutions, especially Colleges of Education in Ghana, it assumes even greater significance because it underpins governance, coordination, and the pursuit of institutional goals. Effective administrative communication is not only about the exchange of information but also about fostering collaboration, sustaining morale, and guiding collective action toward academic excellence. When communication flourishes, institutional harmony and decision-making are enhanced; conversely, its breakdown breeds misunderstanding, conflict, or even inefficiency. This study is motivated by the recognition that communication practices within higher education institutions directly affect the ability of administrators to lead, inspire, as well as respond to the diverse needs of staff and students. In Ghana's Colleges of Education, where resources are often limited and expectations high, administrators' communication styles can determine whether reforms and policies succeed or fail (Akafia, 2018; Agyeman-Dua, 2007).

The relevance of this study becomes clearer when one considers that the quality of administrative communication can either help or harm institutional actors. Where communication is transparent, timely, and inclusive, both faculty and non-academic staff feel engaged in decision-making, boosting commitment and performance. However, where communication is ineffective—whether due to bureaucratic bottlenecks, hierarchical silos, or poor interpersonal skills—staff morale declines, and institutional goals are undermined (Poku, 2022). The matter is puzzling because, despite decades of scholarship stressing the importance of communication in education (Schulze, 1958), persistent communication gaps remain a common challenge in Ghanaian tertiary institutions. Some scholars attribute these to structural factors such as rigid hierarchies and unclear channels (Habaci *et.al.*, 2013), whereas others argue they stem from administrators' lack of competence, that is, their attempt to adapt communication to evolving organisational and technological demands (Rungruang & Boonphadung, 2025). Still, others maintain that the problem lies in insufficient appreciation of communication as a strategic management tool, which is observed to drive institutional change (Stevens, 2025). These debates underscore the controversial nature of administrative communication: whereas some celebrate its capacity to unify and mobilise, others point to its failures as sources of institutional dysfunction.

This paper addresses the central research question: What are the communication practices among administrators in Colleges of Education in Ghana? How effective are these practices in

promoting coordination and decision-making, and what challenges do administrators face in sustaining them? The paper focuses on three selected institutions, namely Tamale College of Education, Bagabaga College of Education, and St. Vincent College of Education, providing an in-depth exploration of communication dynamics in contexts where institutional histories, resource limitations, as well as policy reforms intersect. Whereas earlier research in Ghana examined communication in universities (Akafia, 2018; Agyeman-Dua, 2007) and secondary schools (Khasawneh et al., 2024), little attention has been paid to Colleges of Education, which now serve as pivotal training grounds for teachers under Ghana's educational reforms. This constitutes an important empirical gap that this study seeks to fill.

Prior studies show that administrators' communication practices strongly influence decision-making effectiveness, teachers' motivation, and overall institutional performance. For instance, Adu and Duku (2023) demonstrated in their study that effective administrative communication tends to enhance teaching outcomes in South African schools, whereas Faloyin and Onasanya (2023) linked administrators' communication competence to principals' effective performance in Nigeria. These confirm that communication is a determinant of institutional productivity across contexts. Yet, despite these valuable contributions, most existing studies have focused either on universities or on secondary education leaving Colleges of Education relatively underexplored. Moreover, the unique status of Colleges of Education in Ghana, recently integrated into a full tertiary system, tends to face resource pressures as well as be tasked with delivering teacher education in the country, making them particularly worthy of investigation.

The contribution of this study lies in its effort to advance knowledge on communication practices in Ghanaian Colleges of Education, which integrates perspectives from administrators' lived experiences. Unlike earlier works, which concentrated predominantly on the perceptions of staff (Agyeman-Dua, 2007) as well as broad institutional structures (Poku, 2022), this paper delves into how communication is practised daily by college administrators, how the practices facilitate or hinder decision-making, and what challenges persist. It highlights the contextual nuances of Tamale, Bagabaga, and St. Vincent Colleges of Education. The paper adds value to comparative research on administrative communication in African higher education. Furthermore, it illuminates how administrators balance formal and informal communication channels, leverage technology, and navigate cultural factors such as respect for hierarchy and communalism, which shape communication in Ghanaian institutions.

The findings are expected to enrich both theory and practice. Theoretically, the paper provides empirical insights into how classical notions of communication, such as Schultze's (1958) emphasis on administrator-teacher communication or Habaci et al.'s (2013) frameworks on effective educational communication, are applied in contemporary Ghanaian Colleges of Education. In practice, the results may guide administrators, policymakers, and educational stakeholders in strengthening communication systems to improve coordination, staff relations, and policy implementation. In doing so, the study responds to Stevens' (2025) call for renewed focus on the communicative dimensions of tertiary administration in Africa.

2. LITERATURE REVIEW

2.1. Communication

Communication is frequently portrayed as the heartbeat of organisational life and the bedrock upon which effective administration rests, and nowhere is this more evident than in educational institutions where policies must be clearly articulated, activities carefully coordinated,

and relationships among administrators, staff, and students continuously nurtured to ensure institutional stability and growth. As far back as Schultze (1958), scholars have drawn attention to the central role of administrator–teacher communication, demonstrating that the quality of interaction within schools is not a peripheral concern but one that directly shapes how well institutions function on a daily basis. This early insight has since been reinforced by later studies, including those of Akafia (2018) and Agyeman-Dua (2007), who showed that staff in Ghanaian universities tend to judge their administrators largely on the basis of how clearly they communicate, how transparent they are in their dealings, and how consistently they provide feedback—qualities that, taken together, strongly influence levels of trust, cooperation, and overall organizational harmony.

However, communication in administration extends far beyond the simple transmission of information, as it also creates the space for participation and shared decision-making, a position strongly supported by Habaci et al. (2013), who identified effective communication as a major driver of success in educational administration. More recent research continues to affirm that when communication is open and participative, it not only strengthens coordination but also promotes inclusiveness and institutional cohesion (Kaya et al., 2025; Khasawneh et al., 2024). At the same time, communication has become increasingly intertwined with technology, as studies such as those by Hashim et al. (2010) illustrate how ICT can enhance participatory decision-making in higher education, while research by Kipsoi et al. (2012) and Abodohoui et al. (2014) draws attention to both the significant opportunities and persistent challenges associated with the adoption of electronic communication in African contexts.

2.2. Communication practices among administrators

The role of communication in educational administration has long been recognised as foundational to institutional functioning and leadership effectiveness. In higher education and school administration, communication is not only about information exchange but also about establishing relationships, which clarifies institutional goals, motivates staff, and sustains morale. Early works such as Schultze (1958) highlighted that communication between administrators and teachers is central to aligning institutional objectives with instructional practices, noting that without effective communication, administrative directives remain abstract and disconnected from the realities of classrooms. Subsequent studies in Ghana further reinforced this argument, highlighting that administrators' communication practices shape the perceptions and attitudes of staff toward management. Akafia (2018) found that communication practices among university administrators at Central University directly influenced staff trust and willingness to cooperate, whereas Agyeman-Dua (2007) reported that senior staff at the University of Cape Coast evaluated administrators primarily through the transparency and clarity of their communication. The findings, however, emphasise that communication is not merely technical but a relational and cultural process that defines the organisational climate.

Current scholarship bridges the gap between these studies by connecting administrators' communication practices to institutional performance and the achievement of educational reforms. Poku (2022) studied communication channels in Ghanaian universities and argued that effective communication enhances administrative efficiency and policy implementation, whereas poor communication can lead to policy misalignment and poor outcomes. In addition, Habaci et al. (2013) contend that effective communication in educational management entails formal and also informal practices in addition to consideration of cultural and organisational factors. Communication practices, in this view, extend beyond merely sending messages to include participatory mechanisms, active listening, and feedback loops, all of which enable administrators to remain responsive to the

needs of staff and students. The viewpoint of Elegbe and Ibikunle (2015) supports this, for in their study of organisations in Ibadan, Nigeria, they showed that participative communication fosters trust and inclusiveness and so enhances organisational cohesion. The focus of communication in Ghanaian Colleges of Education becomes even more critical within the contemporary paradigm of these institutions, transforming from teacher training colleges to tertiary institutions. In tertiary administrative practice, effective communication is a buffer against resistance to change (Stevens, 2025), thus allowing administrators to build consensus for the implementation of reform efforts. This viewpoint is consistent with the report by Rungruang and Boonphadung (2025), which noted that effective administrators have strong communication skills that help ensure the engagement of other stakeholders and the preservation of institutional harmony. These findings indicate that administrators in Ghanaian Colleges of Education need to consider effective communication strategies, such as achieving a proper balance between providing formal edicts to staff members at the top levels and engaging them in decisions as a participatory element, especially in resource-constrained environments where mistrust can easily emerge.

Comparative knowledge of secondary school practice in the administration of communication is enlightening. In secondary schools, Khasawneh et. al. (2024) demonstrated that administrative communication has a positive effect on the effective decision-making of secondary school principals, and that transparent and participatory practices have a positive influence on trust and decisiveness in making decisions. Kaya et al. (2025) also examined decision-making systems among school administrators, and the authors conclude that through participatory communication, they achieve greater decision acceptability and improved institutional performance. Communication practices are universally important factors in effective administration at all levels of education. The literature indicates administrators' communication practices involve a mixture of formal directives, participatory dialogues, interpersonal interactions, and the integration of digital channels. However, there is a lack of literature on the practical implementation of these practices in Ghana's Colleges of Education, working within the specific backdrop of resource scarcity, reform imperatives, and societal expectations of authority and reverence. Whereas previous research has highlighted communication practices in universities (Akafia, 2018; Poku, 2022) and schools in other African contexts (Adu & Duku, 2023; Elegbe & Ibikunle, 2015), there seems to be little empirical exploration of how administrators of Ghanaian Colleges of Education engage with staff, faculty, and external elements of the institutions. This study aims to bridge this gap by targeting the lived experiences and practices of leaders in Tamale College of Education, Bagabaga College of Education, and St. Vincent College of Education.

2.3. Effective communication practices used by administrators in promoting coordination and decision-making

Effective communication is a significant factor in both coordination and decision-making in educational administration and has been extensively explored in the literature. That is, when administrators can relate organisational resources appropriately, incentivise staff, and act on policy, then they can ensure effective communication; in turn, they facilitate successful implementation. Adu and Duku (2023), for example, found that educators perceived administrative communication as central to effective teaching, with clear directives and feedback enhancing teacher motivation and classroom coordination. In a comparable vein, Faloyin and Onasanya (2023) claim that communication competence among administrators is closely related to their capacity for effective decision-making, as communication enables information sharing, builds consensus, and facilitates the prompt implementation of policies. In conclusion, it is argued that communication

is not merely a means of management; rather, it is a strategic weapon of empowerment in successful decision-making. Kaya et al. (2025) emphasise that when administrators involve staff in decision-making through transparent communication processes, they develop stronger stakeholder ownership of decisions, which is achieved by cutting resistance and making implementation more effective. Elegbe and Ibikunle (2015), for instance, demonstrated that participative decision-making in Ibadan organisations was related to communication strategies that were effective for ensuring all stakeholders were informed and engaged. In educational contexts, this means administrators must foster communication practices that are inclusive, dialogic, and transparent to coordinate the complex functions of institutions.

The importance of technology and digital communication tools as tools for increasing administrative decision-making is also emphasised by scholars. According to Hashim et al. (2010), ICT-based communication supports collaborative decision-making through faster information flow, greater stakeholder participation, and better accountability. In a similar vein, Abodohoui et al. (2014) also state that adopting electronic communication in public administration improves efficiency, but also point out that e-communication adoption and implementation in public administration can be complex, posing a major challenge to overcome resistance and lack of infrastructure, which is crucial for management. ICT tools enhance coordination by facilitating administrative processes in educational management (Kipsoi et al., 2012), despite access and capacity issues that still prevail in African contexts. The findings indicate that ICT tools may enable better communication and improved decision-making among Ghanaian Colleges of Education administrators, but this has to be weighed against infrastructural limitations. The clarity and timeliness with which communication is performed are also significant contributors to decision-making efficacy. Khasawneh et al. (2024) found that the effectiveness of managerial decisions made by secondary school principals was positively related to administrative communication, such that clear and timely, participatory communication resulted in better outcomes. On the other hand, Okeowhor et al. (2024) also linked principals' communication skills to their decision effectiveness in Nigerian secondary schools, noting that administrators who demonstrate clear communication skills can better coordinate staff, resolve problems, and implement policies effectively. The findings of these studies further buttress the contention that effective communication is at the heart of effective decision-making and is likely to hold in effect at the Ghanaian College of Education.

Furthermore, open, feedback-based communication, grounded in mutual respect and feedback loops, is essential for sustainable coordination. Habaci et al. (2013) observe that communication should involve conveying information and active listening to consider the needs of the different stakeholders, as well as listening, then responding to and tailoring the message to them. Garan (2022) also claims that administrators effectively communicate empathetically with both staff and students in disadvantaged schools, thereby improving institutional performance, suggesting that communication is an administrative and relational discipline. Such findings remind organisations that decision-making by communication means that the administrator needs to have interpersonal skills and emotional intelligence, as well as formal means of communication. These diverse sources of literature indicate that effective communication practices, whether participative, ICT-enabled, or feedback-focused, are crucial to institutional coordination and decision-making. But, there is also evidence from the literature that although university and secondary schools have been studied, little is known about their practices in Colleges of Education in Ghana, where resources, hierarchical customs and reform pressures can lead to specialised communication problems. This lack calls for the analysis of how communication practices of administrators in these organisations are practised as a mechanism for shaping their coordination and decision-making in the latter context.

2.4. Challenges administrators face in adopting and sustaining effective communication practices

Effective communication management strategies and practices of communication in administration are well established and can be beneficial, but there are also studies that point out issues that are faced when it comes to administrators implementing and maintaining these practices. These problems are frequently structural, cultural, as well as technological in nature that illustrate the complex realities of educational management in African and global contexts. Another general theme is the continued existence of hierarchical and bureaucratic structures, which prevent open communication. Agyeman-Dua (2007) noted that senior staff members at the University of Cape Coast generally believed that communication is top-down, leading to a lack of input in decision-making, tensions between administrators and staff, and other issues. Akafia (2018) similarly noted that administrators at Central University faced challenges with transparency, with institutional hierarchies favouring authority over dialogue. This suggests that hierarchies remain a significant impediment to effective communication in Ghanaian higher education.

Resource constraints are also a major challenge. Kipsoi et al. (2012) outlined that the lack of ICT infrastructure and capacity in Kenyan schools played a critical role in the reluctance to adopt modern communication tools, a challenge which echoed Hashim et al. (2010), who showed that technology deficits hampered participatory e-management as an activity in the higher education environment. Poor ICT infrastructure and limited training for administrators in Ghana and similar contexts are among the factors that stand in the way of modernising communication practices. Abodohou et al. (2014) further explain that even when e-communication systems are embraced, major problems such as resistance to change, lack of technological skill levels, and insufficient funding tend to make sustainability difficult. For Ghanaian Colleges of Education, this suggests that the lack of resources may discourage administrators from embracing and sustaining modern communication modes, thereby sustaining historical, often slower communication modes. Cultural norms and institutional expectations are also barriers. Habaci et al. (2013) point out that effective communication requires overcoming cultural obstacles, such as hierarchical deference, where staff generally do not want to question in public or to challenge administrators; Ekinçi and Kırkgöz (2023) further highlight that new administrators may experience struggles in managing the tension between authority and open communication, specifically in atmospheres that view hierarchy as a key component of cultural obligation. According to Garan (2022), administrators in low-resource schools have difficulty communicating with one another due to situational pressures, including community expectations and resource limitations, which curb their ability to encourage open communication and promote effective discourse. Based on these observations, administrators in the Ghanaian Colleges of Education must be aware of cultural challenges in terms of reconciling authority in their practices with a space for greater inclusivity.

Another important problem is that, as a strategic function, institutional support and recognition for communication are scarce. Stevens (2025) found that many tertiary institutions underestimate the importance of communication in administration. Instead, they mainly discuss administrative management in technical and financial terms. This lack of emphasis, however, leads to poor training, weak communication policies, and low returns for administrators on their investment in communication practices. Okeowhor et al. (2024) similarly argue that principals' capacity to communicate effectively is frequently compromised by institutional neglect, in which staff, as administrators, have little training in communication skills but are indispensable to decision-making and coordination. Lacking structural infrastructure, communication is a matter of personal accountability — rather than being an institutionalised practice. Lastly, administrators also experience

personal problems, such as stress, workload pressure, and inadequacy. Rungruang and Boonphadung (2025) point out that effective administrators develop their communication skills through experience and self-improvement, but not all administrators can benefit from or have the ability to develop these skills. Such is the case in resource-poor institutions like Ghanaian Colleges of Education when leaders play multiple roles with little support. Faloyin and Onasanya (2023) also contend that communication competence needs continuous professional development and that it is often not available or provided by African educational institutions. Perhaps it is precisely that the literature clearly demonstrates that challenges to promoting and maintaining effective communication practices for administrators are multilevel, with structural hierarchies, resource limitations, cultural norms, institutional neglect, and personal capacity deficits. Although the difficulties in addressing these are well documented in universities and schools across Africa and beyond, the empirical evidence on how they manifest in Ghanaian Colleges of Education varies widely. To fill this gap, the current study aims to provide insights into the key institutional barriers administrators encounter and the role of context-sensitive strategies in enhancing effective communication in these contexts.

3. THEORETICAL FRAMEWORK

This study draws on Organisational Communication Theory, the Participative Decision-Making (PDM) model, and aspects of ICT adoption frameworks. According to Organisational Communication Theory, communication lies at the heart of organisational functioning, as it mediates coordination, leadership effectiveness, and institutional performance via formal structures and informal networks (Miller & Barbour, 2009; Keyton, 2017). Administrators in Colleges of Education communicate through downward, upward, and horizontal channels to align policies, foster teamwork, and maintain institutional stability. The PDM model underlines that open and inclusive communication promotes trust, increases the quality of decision-making, and ownership over the organisational outcome, in that shared decision-making contributes to acceptance and reduces resistance to change (Lam et al., 2015; Probst et al., 2007). This model is also relevant to Ghanaian Colleges of Education, where resource constraints and systemic reforms necessitate collaborative governance. ICT adoption frameworks also point to the speed, clarity, and inclusiveness with which digital platforms facilitate administrative communication by widening the scope for information, enabling participatory engagement, and contributing to transparency in institutional decision-making (Venkatesh et al., 2003; Tarhini et al., 2017). All of these perspectives form a multidimensional analytical lens on communication as a structural and technological process, highlighting the intersections between participatory and digital tools as vehicles for enhancing coordination, decision-making, and administrative effectiveness in Colleges of Education.

The diagram provides an explanatory framework for exploring communication practices among administrators in Ghanaian Colleges of Education, grounded in three interconnected theories. From the viewpoint of Organisational Communication Theory, communication is viewed as a core component of organisational life, shaping coordination and direction, leadership, and performance. This view underscores that both formal and informal pathways serve important roles in promoting coherence and effectiveness. The central and highest point in the Participative Decision-Making (PDM) Model recognises that inclusive and participatory communication contributes to ownership, trust, and better policy implementation. The ICT Adoption Frameworks describe how digital tools and platforms ensure speed, transparency, and inclusiveness of communication, while expanding participation and promoting contemporary administration. These three theories

align with the pivotal issue of administrators' communication practices in Ghanaian Colleges of Education. The arrows show how each theoretical standpoint both informs and strengthens the understanding of administrators' communication mechanisms. The bottom of the box shows that with proper communication, organisations ultimately realise better coordination, decision-making, and administrative effectiveness, providing a holistic foundation for analysing communication in higher education settings.

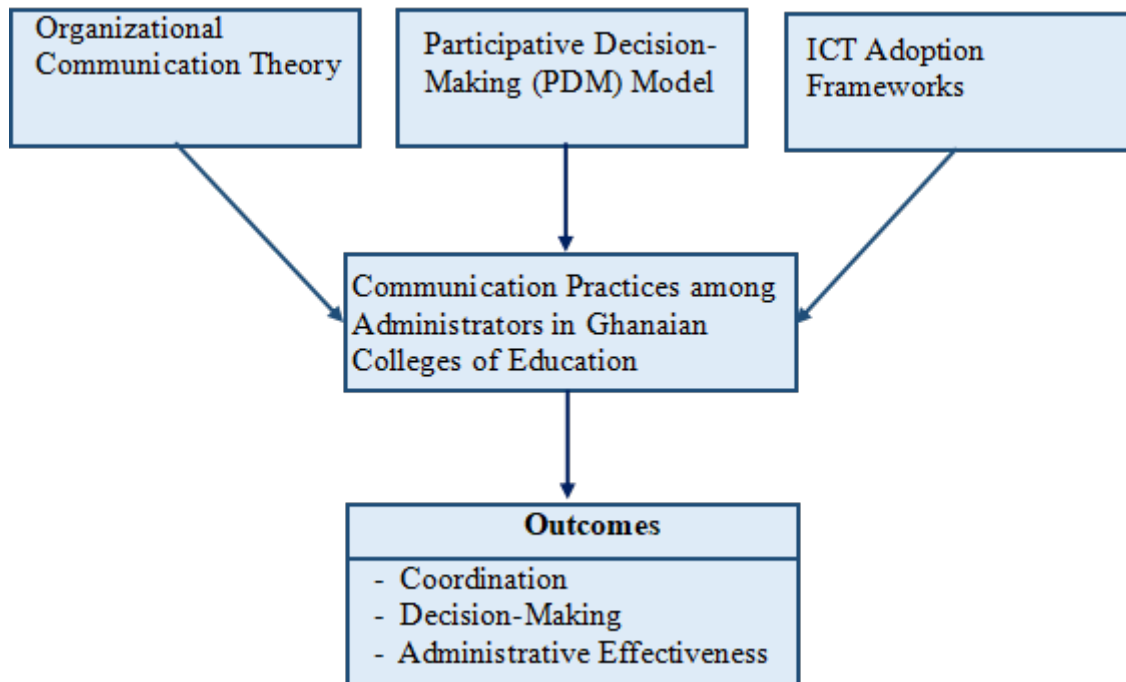

Figure 1. *Theoretical Framework Diagram*

4. METHODOLOGY

This study employed a mixed-methods paradigm featuring a sequential explanatory design, a combination of quantitative and qualitative approaches, providing an understanding of communication practices among College of Education administrators. Structured questionnaires and semi-structured interviews were used to collect data that included statistical trends and in-depth perspectives. Three Colleges of Education in the Northern Region of Ghana, namely Tamale College of Education, Bagabaga College of Education, and St. Vincent College of Education, were purposively selected for conducting the study. Convenience and purposive sampling techniques were used to guarantee relevant and accessible participants. The study population included 31 administrators across the three institutions, who were recruited for the survey, and a census technique was used (questionnaires were distributed to all 31 participants). Alongside the quantitative analysis, nine administrators (n=9), three from each institution, also shared more in-depth communication practices to flesh out our research findings. The interviews were conducted face-to-face, and informed consent was sought before audio recording. All recordings were verbatim transcribed and revised for consistency. Quantitative data were examined using descriptive statistics in SPSS version 22 to establish frequencies, percentages, and patterns, while qualitative data were thematically analysed using Braun and Clarke's (2006) six-stage methodology for coding, theme development, and interpretation. Ethical clearance was obtained from the relevant institutional body, and

participants were assured of confidentiality, anonymity, and voluntary participation. This methodological integration ensured that the study yielded findings that were statistically representative, but also deeply sensitive to administrators' lived experiences.

5. FINDINGS

In this section, the authors report the study's findings on communication practices among administrators at three Colleges of Education in the Northern Region of Ghana: Tamale College of Education, Bagabaga College of Education, and St. Vincent College of Education. Data were collected from 31 administrators through structured questionnaires and analysed using descriptive statistics. The results are presented by demographic distributions, cross-tabulations, and descriptive statistics consistent with the objectives, highlighting patterns in communication practices and their effectiveness.

Table 1a. *Cross-tabulation of Respondents' Gender and Age Group*

Age Group	Male	Female	Total	Percent (%)
Below 25 years	1	1	2	6.5%
25–34 years	4	3	7	22.6%
35–44 years	6	5	11	35.5%
45 years and above	6	5	11	35.5%
Total	17	14	31	100.0%

Table 1a reveals that 17 of the 31 administrators surveyed were men, 14 were women, indicating a fairly balanced distribution of the two sexes, though males slightly outnumbered females. The age distribution indicates that more administrators are concentrated between the ages of 35 and 44, and those aged 45 and above account for 35.5% of the sample. The least age category was under 25 years (6.5 per cent), which is consistent with the relatively older and more experienced personnel in administrative roles in Colleges of Education. This age structure suggests administrators' ability to develop maturity and institutional experience, characteristics that are likely to impact communication practices.

Table 1b. *Cross-tabulation of Respondents' Gender and Position in the Institution*

Position	Male	Female	Total	Percent (%)
Senior College Registrar	3	1	4	12.9%
Assistant College Registrar	4	3	7	22.6%
Junior Assistant College Registrar	3	2	5	16.1%
Senior Administrative Assistant	4	3	7	22.6%
Administrative Assistant	3	5	8	25.8%
Total	17	14	31	100.0%

Table 1b shows that different administrator statuses were fairly distributed throughout administrative functions. Administrative Assistants ranked first with a percentage of 25.8%, followed by Assistant College Registrars and Senior Administrative Assistants, each with a percentage of 22.6%. There were 12.9% of Senior College Registrars and 16.1% of Junior Assistant College Registrars. This spread reflects a position hierarchy where junior and middle levels are more often seen as representatives versus senior-level positions. The male administrators took charge

of higher levels of administrative roles like Senior College Registrar, whereas female staff were more numerous in lower levels, as a representation of the possible gender imbalance in how women get promoted to administrative posts.

Table 1c. *Cross-tabulation of Respondents' Gender and Institution*

Institution	Male	Female	Total	Percent (%)
Tamale College of Education	6	5	11	35.5%
Bagabaga College of Education	6	5	11	35.5%
St. Vincent College of Education	5	4	9	29.0%
Total	17	14	31	100.0%

The institutional breakdown (Table 1c) indicates an even distribution among the three Colleges of Education. Tamale College of Education and Bagabaga College of Education each contributed 35.5% of respondents, while St. Vincent College of Education accounted for 29%. To do this, an appropriate balance is maintained, ensuring that findings reflect perspectives of all three institutions while remaining as inclusive as possible. Gender distribution within institutions also remained relatively even; that is, both male and female voices were accommodated in the investigation of communication.

Table 2. *Frequency Table for Years of Experience*

Years of Experience	Frequency (N)	Percent (%)
Less than 1 year	2	6.5%
1–3 years	6	19.3%
4–6 years	8	25.8%
More than 6 years	15	48.4%
Total	31	100.0%

In Table 2, the authors demonstrate that approximately half of the administrators (48.4%) had more than six years of experience, while almost 25.8% had between four and six years. Participants (19.3%) had 1–3 years of administrative experience, and only 6.5% had less than 1 year of administrative experience. This pattern emphasises that most administrators have significant tenure and professional experience, thus positively impacting communication effectiveness, since highly experienced administrators have been able to hone formal and informal communication skills through experience.

Table 3. *Descriptive Statistics for Communication Practices among Administrators*

Indicators	N	Min	Max	Mean	Std. Deviation
Administrators use formal communication channels (memos, circulars, etc.)	31	2.00	5.00	4.35	0.72
Informal communication is frequently used	31	1.00	5.00	4.16	0.88
Email and digital platforms are commonly used	31	1.00	5.00	4.06	0.91
Feedback is encouraged and valued	31	2.00	5.00	4.19	0.81
Administrators communicate transparently and timely	31	1.00	5.00	4.10	0.89
Communication Practices (Overall)	31	2.00	5.00	4.17	0.65

Table 3 shows that administrators reported being very involved in various communication strategies. Formal channels of communication had the highest mean ($M=4.35$, $SD=0.72$), indicating that formal modes like memos and meetings were the most frequently used. Informal communication

($M=4.16$, $SD=0.88$) and digital media ($M=4.06$, $SD=0.91$) were also used in a common manner, reflecting both older and contemporary approaches. Feedback ($M=4.19$, $SD=0.81$) and transparent communication ($M=4.10$, $SD=0.89$) also scored well, indicating that administrators value clarity and openness. The overall mean ($M=4.17$, $SD=0.65$) shows that administrators view their communication practices as helpful and comprehensive.

Table 4. Descriptive Statistics for Effectiveness of Communication Practices

Indicators	N	Min	Max	Mean	Std. Deviation
Communication practices enhance coordination among departments	31	2.00	5.00	4.19	0.82
Communication practices support timely and effective decision-making	31	2.00	5.00	4.23	0.79
Communication practices promote collaboration with stakeholders	31	1.00	5.00	4.06	0.87
Effective communication reduces misunderstandings and conflicts	31	1.00	5.00	4.13	0.84
Communication strategies improve overall institutional performance	31	2.00	5.00	4.29	0.76
Effectiveness of Communication Practices (Overall)	31	2.00	5.00	4.18	0.61

Table 4 indicates administrators' impressions of the effectiveness of communication practices on organizational coordination and decision-making. Communication strategies were rated the highest in the ability to improve institutional performance ($M=4.29$, $SD=0.76$), followed by timely and effective decision-making ($M=4.23$, $SD=0.79$). Coordination among departments ($M=4.19$, $SD=0.82$) and reduction of misunderstandings ($M=4.13$, $SD=0.84$) were also rated very high. Collaboration with stakeholders showed a somewhat lower mean ($M=4.06$, $SD=0.87$), although still positive. The overall effectiveness mean ($M=4.18$, $SD=0.61$) shows that administrators perceive communication to be a powerful tool in supporting decision-making, minimising conflict, and enhancing institutional cohesion.

5.1. Challenges administrators face in adopting and sustaining effective communication practices in Colleges of Education in Ghana

This aspect presents the findings from semi-structured interviews conducted with nine administrators across three Colleges of Education. Thematic analysis revealed two main themes: (1) Challenges in Adopting Communication Practices, and (2) Challenges in Sustaining Communication Practices. Each theme is supported with representative quotations and detailed interpretations to capture the complexity of administrators' experiences.

5.2. Challenges in adopting communication practices

The administrators in the interview indicated several challenges that hinder effective communication. These primarily include organisational, cultural, and technological issues. For example, one senior administrator indicated, "*The number one barrier is bureaucracy; it takes forever for a piece of information to get through the right departments before any action can be taken.*" This indicates that the communication channels are restricted in a way, and it also suggests how this barrier hinders timely decision-making within the Ghanaian organisational environment. This barrier can undermine the goal of the organization.

Another senior administrator indicated, *“We are supposed to be using digital tools, but not all of the administrators are comfortable using technology.”* This interviewee’s response indicated that some administrators had skill-related challenges with digital tools. It also implied that, even if digital tools were available, some administrators may still have difficulty using them due to limited digital literacy. Indeed, such administrators need regular digital training in order for them to keep abreast with these digital tools. This will help to minimise the outdated way of handling administrative issues within the organisation.

However, a junior administrator indicated *“there are times when there are no explicit guidelines as to what communication means can be employed in connection to different things”*. The participant’s response indicates ambiguity and a lack of a clear channel of communication across various organisational roles; members of the organisation relied on different, inconsistent methods to share information with one another. Such a communicative act can undermine the responsiveness and organisational success.

A different junior administrator noted, *“I wish we could just talk in person, but that does not happen because we are all busy and in meetings.”* This statement by the junior administrator indicated that a face-to-face meeting would have been helpful in addressing this communication gap, but he also revealed obstacles related to their busy schedules and meeting attendance. This indicates that the management of these organisations needs to provide a holistic measure to address this gap.

Finally, a senior administrator said, *“Limited resources make it difficult to put in place the investments for effective communications systems like intercoms or reliable internet.”* This administrator’s response indicates limited devices and services that will help to promote effective communication within the organisation. In this regard, management needs to provide digital communication tools and workshops for members to stay abreast of them. Such an act can minimise the communication challenges in these organisations.

However, it can be inferred from the above that both junior and senior administrators face challenges with regard to communication within these organisations. Such challenges include the organisational structure, limited digital skills, ambiguous and a lack of clear communication channels, as well as insufficient digital resources.

5.3. Challenges in sustaining communication practices

Sustaining communication practices within the organisation can be persistently challenged in one way or another. However, without a regular measure, these may lose their effectiveness. For example, one senior administrator stated, *“Even when they put in new procedures, they do not maintain them; every couple of months they don’t work anymore.”* This further points to a sustainability issue. It also implies that actions that fail to consider sustainability can still undermine efficiency.

An administrator continued, *“Some of the staff will resist too, especially some of them who have been here for years and are used to the old way of doing things, and don’t want to change.”* This revealed that introducing new practices is a major challenge due to the attitude of some senior members, who still prefer to use old methods in discharging their duties. However, ensuring sustainability also involves changing the mindset of such administrators.

As one junior administrator said, *“I do think there are policies, which is to say, some of it is never done.”* This implies having policies and implementing them properly. Policy enforcement is a key to ensuring sustainability.

In addition, one junior administrator expressed, *“Sometimes the caseload is such that they truly do not have the time to follow through with communication as they should.”* This indicates that employees’ workload can sometimes undermine the sustainability of communication practices. In addition to ensuring the sustainability of communication practices, management should also consider their subordinates’ caseloads, as excessive caseloads may prevent some information from being communicated.

One senior administrator said, *“There is no merit or recognition for their administrators for engaging and doing good communication work.”* This shows that a lack of motivation and incentive can undermine the sustainability of communication in organisations. So, fostering motivation is key, that is, not only to support effective communication but to ensure its sustainability.

It can be observed that key ways to ensure sustainability include structural support, collaborative organisational culture, reduction of workload, clear accountability, and motivation.

6. DISCUSSION

This study demonstrates the important role of communication in educational management, consistent with the extant literature, which locates communication as the core of organisational productivity and leadership. Schultze (1958) argued that the quality of communication between managers and staff affects institutional performance, and the prevailing findings of the Ghanaian Colleges of Education corroborate his remarks decades later. Administrators were consistently found to depend significantly on formal communication systems, memos, and circulars ($M = 4.35$), while informal exchanges were also increasing and digital platforms were becoming increasingly popular, leading to an overall mean of 4.17 for communication practices. This is consistent with what has been demonstrated by Akafia (2018) and Agyeman-Dua (2007), who found that Ghanaian administrators are mainly assessed on clarity, transparency, and responsiveness. The significant role of feedback and transparency in this study ($M = 4.19$ and $M = 4.10$, respectively) supports Habaci et al.’s (2013) view that communication in education should be participatory, relational, rather than technical. It is worth noting that high communication effectiveness scores reflect administrators’ self-conceptions, which might differ from staff perceptions; therefore, they should be viewed in the context of this constraint.

Meanwhile, the findings also support that communication is not only widespread but also enhances coordination and decision-making. In support of this finding, administrators emphasised improved institutional performance ($M=4.29$) and timely decision-making ($M=4.23$), supporting the views of Adu and Duku (2023) and Faloyin and Onasanya (2023), emphasising that when communication competence is integrated into decision-making effectiveness, there is a direct correlation between communication competence and decision-making. The results also agreed with Kaya et al. (2025), who showed that participatory communication processes encourage acceptance of decisions, decrease resistance, and increase institutional cohesiveness. The study’s administrators also found that practices improved coordination among departments ($M=4.19$) and reduced misunderstandings ($M=4.13$), echoing what Khasawneh et al. (2024) described what they discovered in the secondary school setting, where clear communication led to better decision-making quality. Taken together, these results indicate that communication is not just an administrative task but also a strategic tool for maintaining collaborative trust.

Yet, in addition to the above findings, their interviews also suggest that administrators encounter significant barriers to the uptake and maintenance of efficient practices, mirroring the ‘gaps’ identified between theory and practice. Administrators said administrative bottlenecks slow

the flow of information and delay decision-making. In line with Agyeman-Dua's (2007) findings on top-down communication at the University of Cape Coast, hierarchical structures constrained staff participation. Similarly, Akafia (2018) recognised that hierarchy is a barrier to transparency at Central University, a point also noted in this paper, where administrators pointed to time lags and poor efficiency due to inflexible systems. It reflects that bureaucratic cultures where authority is given greater emphasis than dialogue persist, as emphasised by Stevens (2025), who stressed that communication is often placed at a lower level due to the undervaluing of the strategic potential of tertiary institutions. These communication practices are further complicated by resource constraints. Interviews with administrators emphasised insufficient investment in communication tools, i.e., intercom systems and reliable internet, in line with Hashim et al. (2010) and Kipsoi et al. (2012), who found that limited ICT infrastructure has hampered participatory communication in higher education and schools. Abodohou et al. (2014) similarly found that, even when e-communication is used, sustainability is undermined by weak support and inadequate funding. These findings validate the idea that the scarcity of resources in Ghanaian Colleges of Education reinforces reliance on traditional, slower processes despite administrators' openness to digital solutions.

Cultural and organisational norms were also identified as potential barriers. Administrators cited the importance of face-to-face communication, even when impractical, due to trust and cultural preferences. Habaci et al. (2013) indicated that hierarchical deference shapes communication, whereas Ekinçi and Kırkgöz (2023) found that novice administrators can be challenged by balancing authority with openness. Indeed, these patterns echo the present results, where administrators acknowledged challenges in adopting new practices. The absence of clear guidelines for communication channels further underscores the institutional vagueness highlighted by Poku (2022), who suggests that unclear communication frameworks in Ghanaian universities can lead to inappropriate policies. And the challenges of sustainability were clear — administrators complained that new systems break down due to inadequate maintenance and poor enforcement of policies. This is consistent with Abodohou et al. (2014), who highlighted the absence of follow-up as an impediment to sustainable communication, and Stevens (2025), who observed that communication is frequently undermined by institutional policies. Administrators also identified workload pressures and a lack of incentives as barriers, in line with Okeowhor et al. (2024), who observed poor communication efficacy due to institutional neglect and a lack of training. Without recognition or motivation, administrators may prioritise other things and fail to sustain communication. These results strongly concur with Organisational Communication Theory; communication is considered the foundation of institutional effectiveness, as shown by the use of both formal and informal communication channels adopted by administrators (Akafia, 2018; Agyeman-Dua, 2007). The role of inclusive communication in enhancing coordination and decision-making supports the Participative Decision-Making Model, in which increased staff involvement strengthens acceptance and cohesion with the decision-making process (Kaya et al., 2025). Moreover, administrators' ambiguous attitudes towards digital platforms align with ICT adoption frameworks; however, sustainability challenges highlight infrastructural and policy shortcomings (Hashim et al., 2010; Abodohou et al., 2014).

Consistent with the findings and literature, although Ghanaian Colleges of Education administration may exhibit strong and effective forms of communication to increase coordination and decision-making, its use is limited by hierarchical frameworks, resource constraints, cultural norms, and institutional neglect. The high ratings for communication effectiveness reflect the resilience and adaptability of administrators, who combine formal, informal, and digital approaches to keep institutions focused on unity. But the challenges highlighted suggest that a structural overhaul is

required: to ease bureaucratic bottlenecks, invest in ICT infrastructure, develop clear communication policies, and acknowledge and train administrators. By situating these findings within the broader literature, the study provides new insights into the technical and relational aspects of communication as a process, necessary for effective governance but fragile without institutional and cultural support.

7. LIMITATION

The study has several limitations, including a relatively small sample size (31 participants). Although the respondents were members of different institutional administrative strata, the small sample size limits the generalizability of the results to a wider audience of colleges of education in Ghana. A small sample may not fully capture the diversity of experiences, perceptions, and institutional practices that exist across colleges. As such, their results must be regarded with caution, since the responses might not necessarily be representative of the larger administrative or academic workforce, but of this particular group. Future research might increase the validity and generalizability of these findings by using a more representative, diverse sample drawn from several institutions.

8. CONCLUSION

This study explored the communication practices of administrators at three Colleges of Education in the Northern Region of Ghana. Key objectives were to explore the communication methods used, their perceived effectiveness, and the barriers to sustaining them. Administering formal, informal, and digital communication mechanisms was described. Written communication (such as memos, circulars, and official meetings) was widespread across all institutions. It often also included much ad hoc interpersonal communication and casual dialogue. Routine interaction was also increasingly mediated by digital methods, and administrators tended to depend on media, such as the use of e-mail and text messaging systems. Feedback mechanisms were sought from different perspectives and were widespread in the institutions. It was emphasised that clear, timely communication was at the core of enhancing organisational efficiency. Clear, effective communication among department administrators was encouraged to facilitate action coordination. Both the staff and the group considered communication a key determinant of collaboration between staff and stakeholders. Administrators noted that better communication prevented misunderstandings. Good communication also had a significant impact on institutional performance and on timely decision-making. Senior administrators' perceived experience differed, and they faced more challenges than junior administrators. Top-tier executives cited bureaucratic delays, insufficient infrastructure, and an aversion to digital tools as major roadblocks. In contrast, junior administrators said that unclear communication processes, unclear responsibilities, and heavy workloads were major challenges. Due to scheduling constraints, both groups reported very few opportunities for direct face-to-face contact. Lack of digital literacy and poor ICT infrastructure limited effective communication. Because of the resources available, reliable communication tools had to be limited. The institution's culture and its aversion to change — especially resistance from older faculty and employees — played a role in how new communication practices were maintained. Nevertheless, administrators rated their overall communication processes positively. At the system level, systemic, cultural, and ICT changes need to be introduced to improve sustainable and effective communication in Colleges of Education. To achieve sustainable communication, it is necessary to reform systems and communication systems.

9. RECOMMENDATIONS

Based on the study, a number of recommendations are suggested to enhance communication in Ghanaian Colleges of Education. First, clarity and consistency in policies are necessary so that administrators have clear guidelines on how to use communication channels and procedures in distinct areas. Second, Colleges of Education should also develop modern ICT systems that include reliable internet access, intercom systems, and digital platforms, and conduct regular training to build administrators' digital literacy and confidence in technology implementation. Third, administrators need to be inspired to implement participatory methods that promote staff involvement in decision-making, foster a sense of ownership and shared responsibility that reduces resistance to change. Fourth, workplace managers, for example, need to implement human resource reforms designed to ease this workload pressure. These reforms could include appropriate staffing levels and a balanced workload spread among staff, so that administrators have time to focus on proper communication. Fifth, the sustainability of communication practices must be further enhanced by introducing monitoring and support mechanisms for ICT tools and communication frameworks for routine evaluation and renewal. Finally, identifying and rewarding administrators who continuously practice good communication will act as incentives and motivators to engage in good practices. These recommendations, taken together, illustrate that improving communication is not only an individual pursuit but also requires structural arrangements, institutional commitment, and cultural transformation to maintain and reinforce administrative effectiveness.

Conflict of Interest

The authors state that there is no conflict of interest.

REFERENCES

1. Abodohou, A., Mohiuddin, M., & Su, Z. (2014). E-communication adoption in Benin public administration: Challenges and strategies. *International Journal of Business and Management*, 9(1), 43–57. <https://doi.org/10.5539/ijbm.v9n1p43>
2. Adu, K. O., & Duku, N. (2023). Educators' perceptions of the influence of administrative communication on effective teaching in a selected school in South Africa. *International Journal of Research in Business and Social Science*, 12(2), 493–499. <https://doi.org/10.20525/ijrbs.v12i2.2356>
3. Adusei Poku, M. B. (2022). Administration of universities and channels of communication in Ghana. *Journal of Emerging Trends in Educational Research and Policy Studies*, 13(5), 196–207.
4. Agyeman-Dua, P. A. (2007). *Senior staff's perceptions on communication practices of University of Cape Coast administrators* [Doctoral dissertation, University of Cape Coast].
5. Akafia, C. (2018). *Communication practices among university administrators at Central University, Accra, Ghana* [Doctoral dissertation, University of Cape Coast].
6. Braun, V., & Clarke, V. (2006). Using thematic analysis in psychology. *Qualitative Research in Psychology*, 3(2), 77–101. <https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa>

7. Ekinci, M., & Kırkgöz, Y. (2023). Exploring the challenges faced by a novice administrator: A case study. *Teaching English as a Foreign Language Journal*, 2(1), 36–47. <https://doi.org/10.12928/tefl.v2i1.424>
8. Elegbe, O., & Ibikunle, F. F. (2015). Effective communication and participative decision-making in selected organisations in Ibadan metropolis. *Journal of Communication and Language Arts, University of Ibadan*, 9(1), 43–60.
9. Faloyin, A. B., & Onasanya, H. I. (2023). Conceptual review of communication practices, administrative competence and effective performance of principals in Nigeria. *Journal of Capital Development in Behavioural Sciences*, 11(1), 186–202.
10. Garan, S. (2022). The difficulties faced by school administrators working in disadvantaged schools and the effects of the administrator role they exhibit on the success of teachers and students. *Independent Journal of Management & Production*, 13(1), 185–209. <https://doi.org/10.14807/ijmp.v13i1.1599>
11. Habaci, I., Çelik, E. E., Habaci, M., Adigüzelli, F., & Kurt, S. (2013). Effective communication in educational administration. *US-China Education Review*, 3(9), 690–702.
12. Hashim, F., Alam, G. M., & Siraj, S. (2010). Information and communication technology for participatory-based decision-making: E-management for administrative efficiency in higher education. *International Journal of Physical Sciences*, 5(4), 383–392.
13. Kaya, E., Atasoy, R., & Özkul, R. (2025). Examination of decision-making processes of school administrators: Participation and effectiveness. *International Journal of Studies in Education and Science*, 6(1), 66–78. <https://doi.org/10.46328/ijses.124>
14. Keyton, J. (2017). Communication in organizations. *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, 4(1), 501–526. <https://doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-032516-113341>
15. Khasawneh, Y. J. A., Alwaely, S. A., Khasawneh, M. A. S., Alkhasawneh, T., & Al-Barakat, G. A. M. (2024). Increasing the effectiveness of managerial decisions among secondary school principals. *Eurasian Journal of Educational Research*, 2024(111), 108–121.
16. Kipsoi, E. J., Chang'ach, J. K., & Sang, H. C. (2012). Challenges facing adoption of information communication technology (ICT) in educational management in schools in Kenya. *Journal of Sociological Research*, 3(1), 18–28. <https://doi.org/10.5296/jsr.v3i1.1882>
17. Lam, L. W., Huang, X., & Chan, S. C. (2015). The threshold effect of participative leadership and the role of leader information sharing. *Academy of Management Journal*, 58(3), 836–855. <https://doi.org/10.5465/amj.2013.0503>
18. Miller, K., & Barbour, J. (2009). *Organizational communication: Approaches and processes*. Wadsworth Cengage Learning.
19. Okeowhor, D. O., Orji, U. W., & Nwaelehia, P. C. (2024). Principals' communication and decision-making skills for effective administration of principals in public secondary schools in Abia State. *International Journal of Innovative Education Research*, 12(3), 244–254. <https://doi.org/10.5281/zenodo.13854149>
20. Probst, T. M., Stewart, S. M., Gruys, M. L., & Tierney, B. W. (2007). Productivity, counter-productivity, and creativity: The ups and downs of job insecurity. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 80(3), 479–497. <https://doi.org/10.1348/096317906X159103>
21. Rungruang, S., & Boonphadung, S. (2025, January). Communication skills of successful school administrators. In *Proceedings National & International Conference* (Vol. 17, No. 1, pp. 576–589).

22. Schultze, D. E. (1958). *Communication between administrators and teachers* [Doctoral dissertation, The University of Nebraska-Lincoln].
23. Stevens, J. P., Sheriff, A., & Sandy, J. S., Jr. (2025). The effect of communication on the administration of tertiary institutions: An in-depth analysis. *Journal of Emerging Technologies and Innovative Research (JETIR)*, 12(5), 101–115.
24. Tarhini, A., Hone, K., Liu, X., & Tarhini, T. (2017). Examining the moderating effect of individual-level cultural values on users' acceptance of e-learning in developing countries: A structural equation modeling of an extended technology acceptance model. *Interactive Learning Environments*, 25(3), 306–328. <https://doi.org/10.1080/10494820.2015.1127454>
25. Venkatesh, V., Morris, M. G., Davis, G. B., & Davis, F. D. (2003). User acceptance of information technology: Toward a unified view. *MIS Quarterly*, 27(3), 425–478. <https://doi.org/10.2307/30036540>

About the authors:

Sulemana Iddrisu, PhD, is the Principal of Tamale College of Education, Ghana. He previously served as a Senior Lecturer at Tamale Polytechnic (now Tamale Technical University). He has held several leadership positions, including Head of the Department of Marketing, Acting Vice-Rector, and National Vice President of the Principals of Colleges of Education. He has published extensively in local and international journals, actively participates in academic conferences and workshops, and facilitates professional workshops on change management, quality assurance, and committee systems. Associate Professor Sulemana holds a PhD in Management, specializing in Organizational Studies, from the University of Edinburgh Business School, Scotland.

Abdul-Kadir Salifu is the Acting College Librarian at Tamale College of Education, Ghana. He holds an MPhil in Information Studies from the University of Ghana, Legon, and is currently a PhD student at the University of South Africa.

Kadir Fuseini is an English language tutor at Savelugu Senior High School, Ghana. He holds an MPhil in Applied Linguistics, specializing in Teaching English as a Second Language (TESL). ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-0274-1231>.

Received: September 25, 2025.

Accepted: December 11, 2025.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-1-92-110>

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КРАТКИХ ОПИСАНИЙ ВЫПУСКОВ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПОДКАСТОВ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ

И.П. Хутыз

Кубанский государственный университет

(Краснодар, Россия)

ir_khoutyz@hotmail.com

Аннотация: В условиях цифровизации современного коммуникативного пространства подкастинг становится одним из ведущих каналов распространения академического знания. Ключевым элементом продвижения данного медиапродукта является краткое описание эпизода – текст, выполняющий двойную функцию: сжатое информирование о содержании и персуазивное воздействие на потенциального слушателя. Синтаксическая организация таких текстов играет решающую роль в реализации авторского замысла и формировании диалога с аудиторией. Цель данного исследования заключается в выявлении, систематизации и функциональном анализе синтаксических особенностей англоязычных описаний к подкастам академической тематики, а также в определении их прагматического потенциала. Эмпирическую базу исследования составили 40 текстов описаний к выпускам высокорейтинговых подкастов (20 американских и 20 британских), отобранных на основе рейтингов 2024–2025 годов. Методология работы носит комплексный характер и включает методы целенаправленной и сплошной выборки, структурно-синтагматического и функционально-прагматического анализа, а также сравнительно-сопоставительный метод и количественный подсчет данных для выявления доминантных моделей. Исследование выявило набор специфических синтаксических конструкций, обеспечивающих экспрессивность и информационную емкость текстов, кратко описывающих содержание выпуска подкаста. К ним относятся перечисление, повтор, противопоставление, а также вопросительные, восклицательные и вставные конструкции (комментирование). Количественный анализ показал, что наиболее частотными средствами в обоих вариантах английского языка являются перечисление, повтор и противопоставление, что свидетельствует об универсальности данных стратегий. Перечисление создает эффект широкого охвата темы и экспертности, тогда как повтор усиливает адресованность и акцентирует ключевые идеи. Противопоставление используется для драматизации проблематики и выделения уникальности контента. В статье автором доказывается, что синтаксис описаний подкастов не только структурирует информацию, но и выступает инструментом профессиональной маркетинговой коммуникации, имитируя спонтанную разговорную речь и создавая эффект интимизации общения. Выявленные универсальные стратегии в американском и британском дискурсах подтверждают жанровую устойчивость академического подкастинга. Теоретическая

и практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их применения для оптимизации аннотирования научных и образовательных текстов с целью повышения их воздействующего потенциала на аудиторию.

Ключевые слова: академический подкаст, дискурс подкаста, описание эпизода, синтаксические структуры, персуазивность, перечисление, повтор, противопоставление.

Для цитирования: Хутыз, И.П. (2026). Синтаксические особенности кратких описаний выпусков англоязычных подкастов академической тематики. *Дискурс профессиональной коммуникации*, 8(1), 92–110. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-1-92-110>

1. ВВЕДЕНИЕ

Цифровизация современных обществ формирует новые коммуникативные возможности, одним из ярких примеров которых является подкаст (Katzenberger et al., 2023). Исследователи лингвистических особенностей подкаста отмечают, что, появившись в середине 2000-х годов, данный жанр компьютерно-опосредованной коммуникации становится все более популярным и привлекает внимание лингвистов, отмечающих у этой дискурсивной практики две основные цели – информировать и развлекать (Nurekeshova, 2016). Дискурс подкаста обладает чертами разговорного стиля со следующими характеристиками: спонтанностью устной речи, (Babayode et al., 2023); диалогичностью формата и использованием экспрессивной лексики, направленной на удержание внимания подписчиков и имеющей «риторическую направленность» (Ануфриева, 2022, с. 3199).

Динамичный дискурс подкаста позволяет поддерживать постоянную связь между адресантом и получателем информации. Коммуникативная модель, которая выстраивается в ходе взаимодействия подкастера с получателем информации, наделяет аудиторию ведущей и центральной ролью (Jenkins, 2009), позволяя ей участвовать в выборе тем, оставлять комментарии и всячески взаимодействовать с адресантом, который сохраняет роль эксперта, обогащающего аудиторию новым актуальным знанием.

Российская ассоциация электронных коммуникаций отмечает, что ежегодный прирост слушателей подкаста среди россиян составляет 10%. На конец 2023 года в России насчитывалось от 25 до 35 тысяч подкастов (Герман, 2023), а по прогнозам 2024 года мировой показатель слушателей подкаста достиг полмиллиарда, среди которых – десять миллионов активных слушателей в России (Бегин, 2024). Очевидно, что при таком количестве подкастов привлечь аудиторию и удержать ее внимание представляется значимой задачей.

Представляется, что краткое описание содержания эпизода является важным средством привлечения внимания аудитории к подкасту, стимулирования ее интереса как к предстоящему эпизоду, так и подкасту в целом. Учитывая, что этот текст должен сжато описать проблему выпуска, заинтересовав адресата, составление текста описания представляется важной задачей, а его изучение – интересным и актуальным. Успешное описание выпуска, помимо лаконичности, должно быть ясным и персуазивным: коммуникативной целью данного текста является информирование о предстоящем выпуске и, конечно, убеждение потенциального слушателя обязательно прослушать подкаст и стать его подписчиком. Именно поэтому, на наш взгляд, интересен анализ дискурсивных средств, с помощью которых текст описания содержания эпизодов подкастов с высоким рейтингом привлекает внимание своих слушателей.

Целью данного исследования является рассмотрение синтаксических особенностей англоязычных текстов описаний к выпускам подкастов академической тематики. Результаты исследования демонстрируют, какие синтаксические средства обладают способностью емко и интересно передавать информацию, мотивируя адресата более глубоко погружаться в процесс интеракции с автором. Синтаксическая специфика кратких текстов как объект исследования была выбрана в силу значимой роли синтаксиса в передаче замысла автора текста. Современные лингвистические исследования подчеркивают, что синтаксические структуры имплицитно, но эффективно «формируют речевоздействующий потенциал текста» (Иванова, 2012). В целом, синтаксис является основой речепорождающей деятельности, способной быть воспринятой соответствующим образом (Aliti, 2024). Учитывая, что синтаксическая организация текста представляет основу для передачи ясной и краткой информации с одновременной целью привлечения внимания аудитории к информации подкаста, актуальность данного исследования заключается в определении синтаксических структур в англоязычных текстах, которые позволяют создавать информационно насыщенные и увлекательные тексты.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Данное исследование посвящено выявлению синтаксических особенностей кратких текстов, описывающих содержание выпусков англоязычных подкастов с высоким рейтингом, и охватывает несколько теоретических направлений.

Исследование выполнено в русле общей теории дискурса и опирается на научные труды представителей гуманитарных направлений, отмечающих значимость дискурса подкаста в формировании общественного мнения. Отмечается, что дискурс подкаста, выступая значимой социокультурной силой, занял одно из центральных мест среди других медийных средств, активно обогащающих знания слушателей и влияющих на их социальную позицию, вовлекая целевую аудиторию, например, в политический диалог и другие злободневные темы. Исследования, посвященные изучению нарративных особенностей дискурса подкаста с помощью методик кейс-стади, указывают на гибкий и доступный для большого количества слушателей формат подкаста. Коммуникация, осуществляемая посредством подкаста, характеризуется наличием средств, направленных на привлечение внимания адресатов и обеспечение их участия в диалоге с ведущим (Kakungulu, 2025). Исследователи медийной коммуникации характеризуют дискурс подкаста как общественный благодаря его диалогичной природе, сопутствующей активному участию адресата в информационном потоке, что позволяет адресанту выстраивать уникальные доверительные отношения со своей аудиторией (там же). Как следствие, отмечается высокая способность дискурса подкаста влиять на культурную осознанность слушателей и трансформировать их когнитивные, эмоциональные и поведенческие характеристики. Это достигается с помощью контента, активно учитывающего интересы реципиентов, у которых формируется чувство диалога с ведущим подкаста. Так, в одном из исследований, посвященном изучению природы культурной осознанности у аудитории, формируемой посредством дискурса подкаста, подчеркивается высокий интерес слушателей к данному медийному каналу, благодаря его способности совмещать специфику информирующего, образовательного и развлекательного контента. Доступность подкаста, предоставляющего богатый и разнообразный материал, также стимулирует интерес у адресата. Исследование А. Сафори показало, что в Иордании аудитория вовлечена в информацию, представляемую посредством подкастов, именно благодаря их доступности, а также дискурсу, активно ориентированному на интересы слушателей (Safari, 2025). Количественные

методы подтвердили высокую способность подкастов влиять на формирование культурных знаний аудитории, трансформировать ее эмоциональный настрой и отношение к обсуждаемым событиям (Там же).

Исследователи дискурса подкаста также единогласны в его обучающей ценности при освоении иностранных языков (например, Qahorjonova, Akhmedova, 2025). Так, выявлено, что внедрение подкастов в образовательный процесс при изучении иностранного языка способствует вовлеченности обучающихся в академический процесс и улучшает их навыки разговорной речи (Peng et al., 2025; Qahorjonova, Akhmedova, 2025). Определено, что подкаст улучшает навык аудирования у обучающихся, способствует активному освоению новой лексики и грамматических форм в реальных контекстах различной тематики, позволяющих также узнать обучающимся о культуре страны изучаемого языка.

Диалогичная природа дискурса подкаста, трансформирующего восприятие событий аудиторией, привлекает внимание лингвистов. Исследуя лексические особенности дискурса подкаста и сравнивая их с другими видами медиадискурса, а именно с блогом и микроблогом, социальными сетями, лекциями платформы TED и др., лингвисты замечают, что для дискурса подкаста характерно использование настоящего времени, местоимений и междометий, отрицаний. Данные средства типичны и для социальных сетей, а вот особенностью дискурса подкаста является активная направленность на выделение позиции подкастера, достигаемая посредством различного рода лексических усилителей (например, *very, truly, really*), позитивной направленности, что отличает дискурс подкаста от дискурса социальных сетей (Karlgrén, 2022). Российские лингвисты в своих исследованиях определяют дискурс подкаста как новую дискурсивную практику, обладающую высоким интерактивным потенциалом (Ануфриева, 2022), как феномен современной онлайн-реальности, характеризующийся многофункциональностью и креативностью (Хакимова, 2023). Дискурс подкаста отличается многогранностью, смешиванием тематических направлений, насыщенностью терминологией, средствами аргументации, спонтанностью, ясностью и обобщенностью – наличие подобных особенностей у подкаста затрудняет отнесение его к какому-либо определенному функциональному стилю в традиционном понимании (Бережанская, 2024).

Еще одним значимым направлением для нашего исследования является изучение синтаксиса и функций синтаксических конструкций. О ключевой роли синтаксиса в художественном произведении говорил еще Р. Якобсон. Великий лингвист, рассматривая грамматику поэзии, отмечал на примере анализа произведений А.С. Пушкина, что «морфологическая и синтаксическая ткань» произведения является основополагающей как для целостности художественной композиции, так и для ее семантического единства (Якобсон, 1983). Так как наше исследование посвящено кратким текстам, обобщающим содержание выпусков подкаста, на наш взгляд, рассмотрение синтаксических особенностей позволит выявить такие языковые средства, которые способствуют краткому, но эффективному информированию аудитории, одновременно мотивируя адресата на прослушивание выпуска. Действительно, лингвисты признают высокое значение синтаксиса при организации мысли адресата и выражении его чувств (Буторина, Шилаева, 2000), а также широкие экспрессивные возможности, которыми обладает синтаксис, обеспечивая коммуникантов богатством средств для выражения своих мыслей (Пелевина, 1980). Благодаря выбору синтаксических структур, наиболее успешно отражающих замысел автора, коммуникация становится логичной и связной, а получатель информации может соответствующим образом интерпретировать смысл. Одним словом, синтаксис позволяет коммуникантам выражать свои мысли и чувства посредством структур, способствующих пониманию (Буторина, Шилаева, 2000).

Таким образом, изучение всех аспектов дискурса подкаста представляется актуальной и интересной задачей в силу значимости данного медийного дискурса для различных профессиональных сфер и широкого круга потенциального адресата. Исследование синтаксических особенностей кратких текстов к выпускам подкастов, присутствующих в рейтингах лучших подкастов за 2024 и 2025 годы, позволит нам понять, какие синтаксические средства способны эффективно знакомить адресата о значимых объемах информации, одновременно привлекая внимание и активизируя интерес. Результаты исследования могут применяться в ходе аннотирования различного рода текстов, например, при составлении аннотаций к научным статьям или анонсов к открытым лекциям и другим образовательным мероприятиям.

3. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовательский корпус вошли 40 текстов кратких описаний к выпускам подкастов академической тематики. Так как целью данного исследования является определение синтаксических особенностей англоязычных текстов описаний содержания выпусков подкаста, для анализа избраны тексты британских и американских подкастов, что позволит выявить типичные для англоязычных подкастов языковые средства и одновременно отметить их вариативные особенности.

В исследовательский корпус методом целенаправленной выборки были включены тексты к эпизодам подкастов, которые вошли в рейтинги лучших подкастов академической тематики 2024 и 2025 года (Chartier, 2024; Podcasts worth a listen). Американский вариант английского языка представлен 20-ю текстами описаний: 10 – к подкасту *The Professor is in*, ведущие Карен Кальски и Кел Вайхолд (Karen Kalsky, Kel Weihold)¹ и 10 – к подкасту *Academic Writing Amplified*, ведущая Кэти Мазак (Cathy Mazak)². Британский вариант английского языка также представлен 20-ю текстами описаний: 10 – к выпуску подкаста *The Academic Imperfectionist*, подкастер Ребекка Роач (Dr. Rebecca Roache)³ и 10 – к выпуску подкаста *The Allusionist*, ведущая Хелен Зальцман (Helen Zaltzman)⁴. Ведущие выбранных для анализа подкастов в разной степени связаны с академической средой. Таким образом, обратим внимание на то, что исследовательский корпус был целенаправленно составлен из подкастов, вошедших в официальные рейтинги лучших академических подкастов за 2024-2025 годы. Это позволяет нам сосредоточить внимание на наиболее успешных представителях данного медиадискурса и отразить репрезентативный сегмент жанра. Вместе с тем данный подход предполагает осознанное ограничение исследовательского корпуса. Для того, чтобы получить наиболее полное представление о синтаксических особенностях исследуемых текстов, необходимо, на наш взгляд, значительно расширить исследовательский корпус. Представляется, что рассмотрение текстов к подкастам неодинаковой тематики на разных языках, например, на английском и русском, позволит сделать надежные выводы о роли наиболее типичных синтаксических конструкций, используемых в кратких описаниях к выпускам подкастов.

В нашем исследовании методом сплошной выборки были определены тексты описаний для последующего изучения. Типы синтаксических конструкций в материале исследования определялись с помощью структурно-синтагматического анализа. Функциональный

¹ The Professor is in: Podcast. URL: <https://theprofessorisin.com/podcast/>

² Academic Writing Amplified: Podcast. URL: <https://academicwomanamplified.libsyn.com/>

³ The Academic Imperfectionist: Podcast. URL: <https://www.academicimperfectionist.com/podcast>

⁴ The Allusionist: a podcast about language. URL: <https://www.theallusionist.org/>

и лингвопрагматический анализ позволили раскрыть коммуникативную роль этих синтаксических структур в контексте описания содержания эпизода. Выделенные синтаксические особенности были систематизированы посредством метода математического подсчета. Специфика использования этих синтаксических средств в текстах описаний представлена с помощью диаграммы, наглядно демонстрирующей количество текстов, в которых обнаружены изученные синтаксические структуры. Определение сходств и различий в синтаксических особенностях текстов описаний к выпускам американских и британских подкастов проводилось с помощью сравнительно-сопоставительного метода.

4. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

С помощью структурно-синтагматического анализа в текстах описаний были выделены синтаксические структуры с функцией изобразительно-образного средства. Это – восклицательные и вопросительные конструкции, противопоставление, комментирование, повтор и перечисление. Рассмотрим подробнее синтаксические средства, которые привлекли наше внимание в ходе анализа.

4.1. Восклицательные конструкции

Восклицательные конструкции передают эмоции ведущих подкаста – радость или удивление, когда они делятся личной информацией, выделяют важную для эпизода информацию. Эти эмоции могут быть знакомы аудитории и в таком случае усиливать чувство взаимопонимания и единения. Следующий пример показывает, как в коротком описании автор выстраивает диалог с аудиторией с помощью восклицательной фразы, имитирующей разговор хороших знакомых, которые делятся своим мнением: *...and if you're thinking, 'Wow, that's quite a mix of disciplines!', that's because Stephanie's understanding of the process and practice of writing truly transcends disciplines* (Professor Stephanie Dunson, 2025). Чувство диалога с близким знакомым усиливается разговорным восклицанием *wow* и местоимением-обращением *you*.

В начале одного из описаний к эпизоду о «выживании» в академической среде восклицание удерживает внимание аудитории, интригуя адресата эмоциональной вовлеченностью адресанта: *We did a survey recently and the message loud and clear was: please give us more advice about just... surviving in academia!* (Surviving your new academic thing, 2022). А в следующем примере восклицательная конструкция вызывает сенсацию у аудитории и таким образом привлекает внимание к теме описываемого эпизода: *Higher education is in crisis! In today's episode, I explore...* (High ed is in crisis, 2020).

Количество и функции восклицательных конструкций в американском (5 описаний) и британском (5 описаний) корпусе совпадают. С их помощью ведущие подкастов привлекают внимание аудитории к информации и подчеркивают ее значимость, выражают позитивные эмоции. Это делает информацию более понятной и доступной для адресата, усиливая взаимопонимание и диалог между подкастером и аудиторией.

4.2. Вопросительные конструкции

Вопросительные конструкции активизируют внимание аудитории на важной информации: они несут более глубокую смысловую нагрузку, чем утвердительные предложения, одновременно позволяя адресанту смоделировать диалог с получателем (Иванова, 2012). Отметим, что, как правило, вопросительные конструкции используют местоимение *you*, обращаясь

напрямую к аудитории, усиливая адресованность информации: *Are you really ready to move on to a new career?* (How to know..., 2025)

Употребляя в начале описания вопрос, адресант создает интригу и удерживает внимание аудитории: например, подкастер проводит параллель между волнением по поводу эффективности письменной деятельности в академической среде и сюжетом фильма «Осторожно, двери закрываются!» (*Sliding Doors*). Описание начинается следующим образом: *Remember that movie, Sliding Doors?* (Your writing anxiety..., 2024). В середине текста вопрос помогает воссоздать подобие диалога подкастера с аудиторией. Описав тему эпизода, подкастер спрашивает и уточняет. Эллиптическая конструкция в данном случае создаёт ощущение общения между знакомыми людьми: *But did you also know that having hobbies helps you resist and correct your perfectionist tendencies? No? Hit the download button, snuggle up...* (The perfectionism-busting power ..., 2024).

Вопросительные конструкции выделяют нужную информацию и удерживают внимание аудитории. Эти функции усиливаются с помощью направленности вопросов на адресата, ссылок на общий фонд знаний, конструкций, типичных для разговорной речи, формируя ощущение общения между хорошо знакомыми людьми. Количество текстов с вопросительными конструкциями – 8 в американском корпусе и 6 в британском.

4.3. Противопоставление (контраст)

Противопоставительные конструкции позволяют в описаниях подкаста усилить восприятие описываемых характеристик, сделать их более заметными. Данный феномен, формирующий запоминающийся контраст, также называется антитезой и имеет разные функции. Например, в юридическом дискурсе противопоставление направлено не на эстетический эффект, а выступает как элемент аргументации с персуазивной или суггестивной функцией (Пригарина, 2008), а в рекламном дискурсе противопоставление характеризуется как прием языкового манипулирования (Грибова, 2011). Как правило, формируется противопоставление с помощью синтаксической структуры, в составе которой присутствуют коннекторы (маркеры), сигнализирующие о наличии контрастирующей информации и реализующие его логико-семантическое отношение (Онькова, Кривошекова, 2018). В нашем исследовательском корпусе было обнаружено 8 американских текстов с приемом противопоставления, а в британских – 7.

Противопоставление позволяет в кратких текстах ярче выделить описываемые события, действия, свойства. Например, Кэти Мазак в описании к выпуску об эффективности писательства в уединении противопоставляет писательский ретрит писательскому запою, что позволяет ей подчеркнуть преимущества первого и недостатки второго: *Retreating and binge-writing may seem similar at first glance, but one supports your creative flow, while the other can derail it* (Writing retreats..., 2025). В данном случае противопоставление вводится союзом *while*. Далее подкастер использует еще одно противопоставление, описывая писательский ретрит как средство, а писательский запой как костыль: *...and why is one a tool while the other is a crutch?* (там же). В американских текстах противопоставление вводится союзом *but* (но), а также единичными случаями *rather than* (а не), *while* (в то время как), *not just* (не только).

В текстах описаний выпусков британских подкастов противопоставление преимущественно вводится союзом *but*, а также встречаются конструкции – *as opposed to; not only, ... but also... ; too much for too little*. Функция противопоставления подобна функции, наблюдаемой в текстах к выпускам американских подкастов: формирование более сильного фокуса

на описываемом качестве или действии. Например, в описании к эпизоду, рассказывающем о том, как можно справиться с волнением при проведении исследования, желание достичь поставленные цели усиливается за счет противопоставления «важно, но выполнимо»: *The stakes are high, but making the right choice is easier than you think*. Далее, заинтриговав подписчиков, подкастер приглашает аудиторию устроиться поудобней и прослушать выпуск: *It only takes a few minutes. Get comfortable and have a listen* (Your writing-anxiety..., 2024). Таким образом, противопоставление используется для привлечения внимания аудитории, стимулирования ее интереса и запоминания информации. Наиболее типичным для англоязычных текстов при конструировании структуры с противопоставлением является союз *but*.

4.4. Комментирование

Еще одна интересная структурная особенность текстов – включение комментирующей информации или, как ее назвал исследователь академического дискурса К. Хайланд – *personal asides* – *личные вставки* (Hyland, 2009). Речь идет о разъясняющей информации, которая часто отражает личный опыт или мнение адресанта. Структурно данная информация, как правило, оформляется либо в скобках, либо помещается между двумя знаками тире и называется «вставная конструкция». Вставная конструкция позволяет автору передать свою оценку и выразить чувства, сравнить события и, конечно, придать тексту чувство диалога между отправителем и получателем информации (Кулаковский, 2021). В связи с тем, что вставная конструкция представляет собой метатекстовый комментарий, мы считаем уместным ее определить как комментирование, которое является ее коммуникативной целью. С помощью комментирования адресант прерывает поток информации и добавляет пояснение, чтобы адресату все было максимально понятно. Это демонстрирует желание отправителя информации вступить в диалог с ее реципиентом и усиливает чувство межличностной связи между ними (Hyland, 2009).

В рассмотренных текстах комментирование выступает как подсказка, совет или разъяснение. Это, как правило, информация личного характера, очеловечивающая подкастера и способствующая интимизации и, как следствие, эмоционализации информации (Хутыз, 2024). Например, комментарий в скобках используется в функции разъяснения, с помощью которого ведущие подкаста объясняют, в чем заключается сходство исследования и гастрономического прилавка, за которым продавец нарезает сыр или колбасу: *Research as an assembly line, or as a deli counter (slicing your work into ever thinner slices to maximize number of publications) constricts scope for experimentation, and removes the possibility of failure...* (Academic labor..., 2022). Всего в американском корпусе было выделено 2 текста с приемом комментирования.

В британском корпусе 7 описаний содержат комментирование. Как и в американских текстах – это совет или подсказка, основанная на личном опыте подкастера и интимизирующая текст, делая его более личным и значимым для адресата. Например, с помощью комментария (*except for this one*) Хелен Зальцман делится личной «секретной» информацией с аудиторией о своих идеях, которые она еще не воплотила в выпусках подкаста, формируя чувство близости со своими подписчиками: *I raid the 66-page documents of ideas for episodes, that I have been keeping for nearly a decade, and present to you 199 ideas that I have not yet made into podcasts (except for this one)* (199 ideas..., 2024). Обратим внимание, что повтор местоимения *I* и местоимения *you* усиливает чувство активного взаимодействия подкастера с аудиторией.

4.5. Повтор

Повтор как инструмент выражения различных категорий дискурса, например, интимности и эмоциональности (Хутыз, 2024), интерсубъективности (Кудрявцева, Режук, 2023) выступает его смыслообразующим средством. Повтор предполагает употребление единиц различных языковых уровней более одного раза. В рассмотренных текстах повтор является одним из самых частотных средств. Повторяются различные части речи – местоимения, прилагательные, глаголы, а также фразы (параллельные структуры). В зависимости от повторяемой части речи, акцентируется либо адресованность информации (при повторе местоимения *you*), либо качество (повтор имени прилагательного) или действие (повтор глагола) и т.д. Соответственно, повтор многофункционален, способствует конструированию связного и понятного дискурса. Так, повтор может выполнять разъясняющую, акцентирующую и утверждающую функцию, выделяя ключевое слово и акцентируя основные идеи (Longknife, Sullivan, 2012).

В рассмотренных текстах повтор языковых средств способствует динамичности дискурса. Повтор присутствует в 16 американских текстах, причем каждое рассмотренное описание к выпускам подкаста *The Professor is in* содержит повтор. В британском корпусе повтор присутствует в 12 текстах.

Функции повтора в текстах британского и американского корпуса схожи. Преимущественно – это акцентирующая функция. Следующий пример демонстрирует значимость качества *competitive* (конкурентный), а также делает акцент на том, для кого предназначена эта информация, усиливая ее направленность на адресата за счет повтора местоимения *you*: *You didn't get the job this year; what to do? Kel and I talk through what makes a competitive record and competitive presentation of that record, so you can know what to prioritize this summer, if an academic job is your priority* (Prepping for New Year's job market, 2022). С помощью повтора данного прилагательного становится ясно, что эпизод будет посвящен конкуренции в академической среде.

Повтор общего вопроса, начинающего с *do you*, активизирует мыслительные функции адресата, который пытается найти ответы на вопросы, чувствуя, что автор обращается напрямую к нему, а также выделяет ту информацию, на которую слушатели найдут ответы в выпуске подкаста. Следующий пример демонстрирует описание к эпизоду об основах осуществления исследования. Это описание состоит из пяти вопросов, каждый из которых обращается к адресату: *Do you know how to turn what you're interested in thinking about into something that other people want to read about? Do you even know what you're interested in, as opposed to what you think you should be interested in? Do you recognise that boredom and feeling lost are necessary and unavoidable parts of the research process, and that you can use them to your advantage? ...* (Professors Thomas S. Mullaney and Christopher Rea ..., 2025). Описание несёт эмоциональную нагрузку как раз за счет повтора вопросительных конструкций, местоимения *you*, а также эмоционально окрашенной лексики и авторского комментария.

4.6. Перечисление

Перечисление оказалось самым распространенным синтаксическим приемом в изученных описаниях. Перечисление эффективно насыщает информацией текст, который должен быть кратким и одновременно разъяснять, о чем будет выпуск. Но у перечисления есть еще одна функция – воздействующая. Перечисление, будучи также стилистическим средством, усиливает экспрессивность дискурса, придавая информации качества продвигающего дискурса, что хорошо заметно на примере медиадискурса (Глазко, 2022). Также продвигающие

качества перечисления были обнаружены в интернет-объявлениях о магистерских программах (Khoutyz, 2025). Данный прием создает эффект множественности, что впечатляет реципиента и оказывает на него персуазивное воздействие.

В рассматриваемых текстах американских подкастов случаи перечислений отмечены в каждом описании эпизода. В описаниях к выпускам подкастов перечисление помимо информирования создает эффект широкого охвата обсуждаемой темы, а также ее значимости для слушателей. Так, следующий пример перечисления *with students, colleagues, collaborators, administrators*, иллюстрирующий множественность отношений, которые существуют в академической среде, косвенно показывает, что информация выпуска подкаста будет интересна широкому кругу профессионалов, связанных с данной сферой, а также создает эффект непростой профессиональной среды, в которой оперируют эти специалисты: *In academia, most of what we do is in relationship – with students, colleagues, collaborators, administrators – and requires our investment in a “greater good,”...* (Burnout, part 2, 2022). А в следующем примере Кэти Мазак с помощью перечисления подчеркивает, для кого будет интересен выпуск – самые разные категории потенциальных заинтересованных. В результате кажется, что выпуск приставляет интерес для широкого круга слушателей, для всех, кто как-то связан с академическим письмом: *If you’re a professor struggling to balance multiple projects, feeling stuck in your writing routine, or looking to bring more flow and consistency to your work, this episode is for you* (Pipeline..., 2025).

Предположительно, способность перечисления емко передавать информацию и оказывать воздействие на аудитории, убеждая ее в том, что выпуск подкаста обязательно стоит прослушать, объясняет высокую частотность данного средства как в британских, так и в американских текстах. В американском корпусе перечисление было обнаружено в 20 текстах (то есть в каждом тексте описания), а в британском корпусе – в 16 текстах.

Особенности употребления синтаксических средств в кратких текстах описаний к выпускам подкастов систематизированы на Рис. 1. Частота использования конкретного синтаксического средства в тексте была подсчитана в процентном соотношении от общего количества выявленных синтаксических средств, т.е. все обнаруженные в корпусе средства были суммированы и определены как 100%. Так, для американского корпуса 100% составило 59 синтаксических средств, а для британского – 53.

Рис 1. Синтаксические средства, используемые в текстах описаний к выпускам американских подкастов

На наш взгляд, подсчет синтаксических средств в рассмотренном языковом материале позволяет нам наиболее точно определить синтаксические особенности англоязычных текстов к подкастам академической тематики. Как можно видеть из Рис. 1, перечисление и повтор являются наиболее распространенными синтаксическими конструкциями как в американском, так и британском корпусе. Данные конструкции эффективно передают значительный объем информации, одновременно обращая внимание аудитории на важные аспекты и создавая ощущение обширного охвата тем. Далее по активности употребления синтаксических средств в текстах американского корпуса следуют вопросительные и противопоставительные конструкции (одинаковая частотность текстов с данными средствами), восклицательные конструкции и вставные конструкции (комментирование). В британском корпусе за наиболее частотными синтаксическими средствами перечисления и повтора следуют вставные (комментирование) и противопоставительные конструкции, вопросительные и восклицательные конструкции.

Таким образом, для англоязычного корпуса типичными являются три наиболее активно представленные синтаксические конструкции – перечисление, повтор и противопоставление. Именно данные конструкции в рассмотренных англоязычных текстах позволяют подкастерам кратко и емко передать информацию о выпуске подкаста и заинтересовать адресата в его прослушивании.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый анализ синтаксических особенностей кратких англоязычных текстов к выпускам американских и британских подкастов академической тематики демонстрирует, что перечисление, повтор и противопоставление являются наиболее активно представленными синтаксическими средствами. Данные конструкции позволяют эффективно передавать значимый объем информации, одновременно привлекая внимание адресата к сообщению. Также в исследовательском корпусе было выявлено использование вопросительных, восклицательных и вставных конструкций (комментирование).

Безусловно, в будущем было бы интересно рассмотреть употребление синтаксических средств в текстах описаний к выпускам подкастов разнообразной тематики на других языках, например, русском и немецком, чтобы определить, насколько универсальны функции данных конструкций в исследуемом типе текста. Затем данные характеристики можно рассмотреть на других жанрах, например, в аннотациях к научным статьям. Это позволит понять, сохраняют ли перечисление, повтор и противопоставительные конструкции свои свойства в других видах дискурса.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ануфриева Г. В. Подкасты как новая дискурсивная практика русскоязычных масс-медиа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15, вып. 10. — С. 3197–3201.

2. Бегин А. Статистика подкастинга в 2024 году // VC. RU от 25.05.2024. URL: <https://vc.ru/marketing/1193671-statistika-podkastinga-v-2024-godu> (дата обращения: 31.01.2026).
3. Бережанская Л.Н. Англоязычный «женский» психологический подкаст: специфика дискурса в координатах функциональной стилистики // Научная мысль Кавказа. 2024. № 1. С. 71-79. DOI: 10.18522/2072-0181-2024-117-71-75
4. Буторина Г.Г., Шиляева А.М. Синтаксические стилистические средства и их роль в интерпретации художественного текста (на примере рассказов Ф.С. Фитцджеральда) // Вестник ВятГПУ. 2000. № 3 (4). С. 68-71.
5. Герман А. Прямая речь: как в России развивается индустрия подкастов // Журнал СППИ ГИПП от 8.11.2023. URL: <https://www.gipp.ru/reviews/media-environment/pryamaya-rech-kak-v-rossii-razvivaetsya-industriya-podkastov> (дата обращения: 31.01.2026).
6. Глазко П.П. Функционально-прагматические характеристики синтаксических приемов в жанрах медийного пространства США и Беларуси // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2022. № 1. С. 136-156. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2022.136156
7. Грибова М.В. Противопоставление как один из приемов языкового манипулирования в рекламе // Социально-экономические явления и процессы. 2011. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivopostavlenie-kak-odin-iz-priemov-yazykovogo-manipulirovaniya-v-reklame> (дата обращения: 31.01.2026).
8. Иванова К.В. Коммуникативная роль синтаксических средств речевого воздействия в письменных текстах бизнес-тематики (на материале английского языка) // Russian Journal of Education and Psychology. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-rol-sintaksicheskikh-sredstv-rechevogo-vozdeystviya-v-pismennyh-tekstah-biznes-tematiki-na-materiale-angliyskogo> (дата обращения: 07.09.2025).
9. Кудрявцева М.И., Режук З.В. Прагматика интерсубъективности в художественном тексте постмодерна // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 101. № 6. С. 92-98. DOI: 10.18522/2070-1403-2023-101-6-92-98
10. Кулаковский М.Н. Вставные конструкции в поэзии и прозе А. Белого // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 87-94. DOI: 10.20323/2499-9679-2021-1-24-87-94.
11. Онькова Л.А., Кривошекова А.В. Коннекторы противопоставления и их роль в организации текста // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2018. № 14. С. 58-64.
12. Пелевина Н.Ф. Стилистический анализ художественного текста. Ленинград: Просвещение, 1980.
13. Пригарина Н.К. Структура ценностного компонента риторической аргументации судебной речи // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2008. № 10 (34). С. 130–134.
14. Хакимова Е.М. Русскоязычные подкасты как современная дискурсивная практика и предмет исследования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 84. С. 72–95. DOI: 10.17223/19986645/84/4
15. Хутыз И.П. Интимизация дискурса англоязычного вебинара: прием сконструированного диалога // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 2. С. 142-150.
16. Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматики поэзии // Семиотика. — М. : Радуга, 1983. — С. 462–482.

17. Academic labor is labor: Ep. 3:19 [Электронный ресурс] // The Professor is in. March 29, 2022. URL: <https://theprofessorisin.com/podcast/ep-319-academic-labor-is-labor/> (дата обращения: 13.09.2025).
18. Aliti A. Exploring the role of syntax in language comprehension and production // International Scientific Journal Monte (Online). 2024. V. 9. No. 2. DOI: 10.33807/monte.2024312 (дата обращения 17.05.2025).
19. Babayode A., Bosman L., Chan N., Ehret K., Fong I., Harris N., A Hewton A., Reid D., Taboada M., Wong R. Structural linguistic characteristics of podcasts as an emerging register of computer-mediated communication // Proceedings of the 10th International Conference on CMC and Social Media Corpora for the Humanities. Mannheim, Germany. 14-15 September 2023. Leibniz-Institut für Deutsche Sprache Mannheim, 2023. P. 3-6. <https://doi.org/10.14618/1z5k-pb25>
20. Burnout, part 2 – Academia has it bad: Ep. 3:25 [Электронный ресурс] // The Professor is in. June 8, 2022. URL: <https://podcasts.apple.com/us/podcast/episode-3-25-burnout-part-ii-academia-has-it-bad/id1492657190?i=1000565580140> (дата обращения: 15.09.2025).
21. Chartier M. Top 10 academic podcasts to listen to in 2024 [Электронный ресурс] // four Waves from 19.05.2024. URL: <https://fourwaves.com/blog/academic-podcasts/> (дата обращения: 31.01.2026).
22. Higher ed is in crisis - It's time to make your move [Электронный ресурс] // Academic Writing Amplified, 56, Nov. 24, 2020. URL: <https://academicwomanamplified.libsyn.com/56-higher-ed-is-in-crisis-its-time-to-make-your-move> (дата обращения 05.09.2025).
23. How to know if it's time to quit academia: episode 257 [Электронный ресурс] // Academic Writing Amplified. Febr. 18, 2025. URL: <https://academicwomanamplified.libsyn.com/257-should-i-quit-academia-series-how-to-know-if-its-time-to-quit-academia-re-release-176> (дата обращения 07.09.2025).
24. Hyland K. Academic Discourse: English in a Global Context. London: Continuum, 2009.
25. Jenkins H. The Revenge or the Origami Unicorn: Seven Principles of Transmedia Storytelling, 2009. Retrieved from http://henryjenkins.org/2009/12/the_revenge_of_the_origami_uni.html (accessed: 30.01.2025).
26. Kakungulu S. J. (2025). The Role of Podcasts in Shaping Public Discourse // Research Intervention Journal of Research in Education. No 5 (1). P. 60-66. <https://doi.org/10.59298/RI-JRE/2025/516066>
27. Karlgren J. Lexical variation in English language podcasts, editorial media, and social media // Northern European Journal of Language Technology. 2022. V. 8 (1). doi: <https://doi.org/10.3384/nejlt.2000-1533.2022.3566>
28. Katzenberger V., Schützeneder J., Grassl M., Keil J. Infotainers, Mediators, or Watchdogs? Mapping the Field of News Podcasters and Their Role Conceptions in Germany, Austria, and Switzerland // Journalism and Media. 2023. No. 4. P. 820–834. <https://doi.org/10.3390/journalmedia4030051>
29. Khoutyz I. Functions of enumerations in promotional discourse: enquiry into graduate programme announcements // Professional Discourse & Communication / Дискурс профессиональной коммуникации. 2025. V. 7. № 1. P. 34-39. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2025-7-1-34-49>
30. Longknife A., Sullivan K.D. The art of styling sentences. New York: Barron's Educational Series. 2012.

31. Nurekeshova G. R. Podcasting as a technical way of interactive communication of XXI century. *European Journal of Natural History*. 2016. № 4. P. 112–116.
32. Peng L., Shamim S., Hashemifardnia A. Podcast-integrated speaking instruction: Enhancing informal digital learning of English, academic engagement, and speaking skills // *Acta Psychologica*. 2025. V. 258. P. 105-158. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2025.105158>
33. Pipeline + Practice = Flow 256 [Электронный ресурс] // *Academic Writing Amplified*. Febr. 11, 2025. URL: <https://academicwomanamplified.libsyn.com/256-pipeline-practice-flow> (дата обращения: 15.03.2025).
34. Podcasts worth a listen: academic podcasts // *Player FM*. URL: <https://player.fm/podcasts/Academic>
35. Prepping for New Year’s job market: Ep. 3:23 [Электронный ресурс] // *The Professor is in*. May 6, 2022. URL: <https://podcasts.apple.com/us/podcast/ep-3-23-prepping-for-next-years-job-market/id1492657190?i=1000559863438> (дата обращения: 02.09.2025).
36. Professor Stephanie Dunson on levelling up your writing process: Ep. 102 [Электронный ресурс] // *The Academic Imperfectionist*. Jan. 24, 2025. URL: <https://www.academicimperfectionist.com/podcast/102> (дата обращения: 02.09.2025).
37. Professors Thomas S. Mullaney and Christopher Rea on the absolute basics of doing research: Ep. 101 [Электронный ресурс] // *The Academic Imperfectionist*. Jan. 10, 2025. URL: <https://www.academicimperfectionist.com/podcast/101> (дата обращения: 05.09.2025).
38. Qahorjonova D., Akhmedova M. The role of podcasts in learning English language // *Журнал академических исследований нового Узбекистана*. 2025. Vol. 2 (3). P. 94–97.
39. Safori A. The role of podcasts in shaping cultural awareness among the Jordanian public // *Frontiers in Communication*. 2025. No 10. P. 1-11. doi: 10.3389/fcomm.2025.1595098
40. Surviving your new academic thing // *The Professor is in*: Ep. 3:21 [Электронный ресурс], April 22, 2022. URL: <https://the-professor-is-in.castos.com/episodes/ep-321-surviving-your-new-academic-thing> (дата обращения: 04.09.2025).
41. The perfectionism-busting power of hobbies: Ep. 95 [Электронный ресурс] // *The Academic Imperfectionist*. Oct. 4, 2024. URL: <https://www.academicimperfectionist.com/podcast/95> (дата обращения: 11.08.2025).
42. Your writing-anxiety sliding doors moment: 92 [Электронный ресурс] // *The Academic Imperfectionist*. Aug. 9, 2024. URL: <https://www.academicimperfectionist.com/podcast/92> (дата обращения: 09.08.2025).
43. Writing retreats versus binge writing: Ep. 255 [Электронный ресурс] // *Academic Writing Amplified*. Febr. 4, 2025. URL: <https://academicwomanamplified.libsyn.com/255-writing-retreats-versus-binge-writing> (дата обращения: 12.09.2025).
44. 199 ideas that I hadn’t made into podcasts yet: *Allusionist* 199 [Электронный ресурс] // *Allusionist*. August 30, 2024. URL: <https://www.theallusionist.org/allusionist/199ideas> (дата обращения: 3.09.2025)

REFERENCES

1. 199 ideas that I hadn’t made into podcasts yet (Episode 199) [Audio podcast episode]. (2024, August 30). In *Allusionist*. <https://www.theallusionist.org/allusionist/199ideas>
2. Academic labor is labor (Episode 3:19) [Audio podcast episode]. (2022, March 29). In *The Professor Is In*. <https://theprofessorisin.com/podcast/ep-319-academic-labor-is-labor/>

3. Aliti, A. (2024). Exploring the role of syntax in language comprehension and production. *International Scientific Journal Monte*, 9(2). <https://doi.org/10.33807/monte.20243121>
4. Anufrieva, G. V. (2022). Podkasty kak novaya diskursivnaya praktika russkoyazychnykh mass-media [Podcasts as a new discursive practice of Russian-language mass media]. *Philologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki* [Philology. Theory & Practice], 15(10), 3197–3201.
5. Babayode, A., Bosman, L., Chan, N., Ehret, K., Fong, I., Harris, N., Hewton, A., Reid, D., Taboada, M., & Wong, R. (2023). Structural linguistic characteristics of podcasts as an emerging register of computer-mediated communication. In *Proceedings of the 10th International Conference on CMC and Social Media Corpora for the Humanities* (pp. 3–6). <https://doi.org/10.14618/1z5k-pb25>
6. Begin, A. (2024). *Statistika podkastinga v 2024 godu* [Podcasting statistics in 2024]. VC.ru. <https://vc.ru/marketing/1193671-statistika-podkastinga-v-2024-godu>
7. Berezhanskaya, L. N. (2024). Angloyazychnyi “zhenskii” psikhologicheskii podkast: spetsifika diskursa v koordinatakh funktsional’noi stilistiki [English “female” psychological podcast: Discourse features in the framework of functional stylistics]. *Nauchnaya Mysl’ Kavkaza* [Scientific Thought of the Caucasus], (1), 71–79. <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2024-117-71-75>
8. Burnout, part 2 – Academia has it bad (Episode 3:25) [Audio podcast episode]. (2022, June 8). In *The Professor Is In*. <https://podcasts.apple.com/us/podcast/episode-3-25-burnout-part-ii-academia-has-it-bad/id1492657190?i=1000565580140>
9. Butorina, G. G., & Shilyaeva, A. M. (2000). Sintaksicheskie stilisticheskie sredstva i ikh rol’ v interpretatsii khudozhestvennogo teksta [Syntactic stylistic devices and their role in interpreting literary texts]. *Vestnik VyatGU* [Vyatka State University Bulletin], (3–4), 68–71.
10. Chartier, M. (2024, May 19). *Top 10 academic podcasts to listen to in 2024*. Four Waves. <https://fourwaves.com/blog/academic-podcasts/>
11. German, A. (2023, November 8). *Pryamaya rech’: kak v Rossii razvivaetsya industriya podkastov* [Direct speech: How the podcast industry is developing in Russia]. *Zhurnal SPPI GIPP*. <https://www.gipp.ru/reviews/media-environment/pryamaya-rech-kak-v-rossii-razvivaetsya-industriya-podkastov>
12. Glazko, P. P. (2022). Funktsional’no-pragmaticheskie kharakteristiki sintaksicheskikh priemov v zhanrakh mediinogo prostranstva SShA i Belarusi [Functional and pragmatic characteristics of syntactic devices in U.S. and Belarusian media genres]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya Zhurnalistika*, (1), 136–156. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2022.136156>
13. Gribova, M. V. (2011). Protivopostavlenie kak odin iz priemov jazikovogo manipulirovaniya v reklame [Opposition as one of methods of language manipulation in advertising]. *Sotsial’no-ekonomicheskie Javleniya I Protsessi. Jazikoznanie i Literaturovedeniye* [Social-Economic Phenomena and Processes. Language and Literature], 8(030), 210–213.
14. Higher ed is in crisis – It’s time to make your move (Episode 56) [Audio podcast episode]. (2020, November 24). In *Academic Writing Amplified*. <https://academicwomanamplified.libsyn.com/56-higher-ed-is-in-crisis-its-time-to-make-your-move>
15. How to know if it’s time to quit academia (Episode 257) [Audio podcast episode]. (2025, February 18). In *Academic Writing Amplified*. <https://academicwomanamplified.libsyn.com/257-should-i-quit-academia-series-how-to-know-if-its-time-to-quit-academia-re-release-176>
16. Hyland, K. (2009). *Academic discourse: English in a global context*. Continuum.

17. Ivanova, K. V. (2012). Kommunikativnaya rol' sintaksicheskikh sredstv rechevogo vozdeistviya v pis'mennykh tekstakh biznes-tematiki [Communicative role of syntactic means of speech influence in written business texts]. *Russian Journal of Education and Psychology*, (4). <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-rol-sintaksicheskikh-sredstv-rechevogo-vozdeystviya-v-pismennykh-tekstakh-biznes-tematiki-na-materiale-angliyskogo>
18. Jakobson, R. (1983). Poeziya grammatiki i grammatika poezii [Poetry of grammar and grammar of poetry]. In *Semiotika* (pp. 462–482).
19. Jenkins, H. (2009, December). *The revenge or the origami unicorn: Seven principles of transmedia storytelling*. http://henryjenkins.org/2009/12/the_revenge_of_the_origami_uni.html
20. Kakungulu, S. J. (2025). The role of podcasts in shaping public discourse. *Research Invention Journal of Research in Education*, 5(1), 60–66. <https://doi.org/10.59298/RIJRE/2025/516066>
21. Karlgren, J. (2022). Lexical variation in English language podcasts, editorial media, and social media. *Northern European Journal of Language Technology*, 8(1). <https://doi.org/10.3384/nejlt.2000-1533.2022.3566>
22. Katzenberger, V., Schützeneder, J., Grassl, M., & Keil, J. (2023). Infotainers, mediators, or watchdogs? Mapping the field of news podcasters and their role conceptions in Germany, Austria, and Switzerland. *Journalism and Media*, 4, 820–834. <https://doi.org/10.3390/journalmedia4030051>
23. Khakimova, E. M. (2023). Russkojazychnie podkasti kak sovremennaja diskursivnaja praktika i predmet issledovaniya [Russian-language podcasts as modern discursive practice and research subject]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filologia* [Tomsk State University Journal of Philology], 84, 72–95. <https://doi.org/10.17223/19986645/84/4>
24. Khoutyz, I. (2025). Functions of enumerations in promotional discourse: Inquiry into graduate programme announcements. *Professional Discourse & Communication*, 7(1), 34–39. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2025-7-1-34-49>
25. Khoutyz, I. P. (2024). Intimizatsija diskursa anglojazychnogo vebinara: priem skonstruirovannogo dialoga [Intimization of webinar discourse in English: constructed dialogue technique]. *Terra Linguistica*, 15(2), 142–150. <https://doi.org/10.18721/JHSS.15214>
26. Kudryavtseva, M. I., & Rezhuk, Z. V. (2023). Pragmatika intersub'ektivnosti v khudozhestvennom tekste podmoderna [Pragmatics of intersubjectivity in postmodern literary texts]. *Gumanitarnie i Sotsial'nie Nauki* [The Humanities and Social Sciences], 101(6), 92–98. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2023-101-6-92-98>
27. Kulakovskiy, M. N. (2021). Vstavnye konstruksii v poezii i proze A. Belogo [Parenthetical constructions in the poetry and prose of Andrei Bely]. *Verkhnevolzhskii Filologicheskii Vestnik*, 1(24), 87–94. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2021-1-24-87-94>
28. Longknife, A., & Sullivan, K. D. (2012). *The art of styling sentences*. Barron's Educational Series.
29. Nurekeshova, G. R. (2016). Podcasting as a technical way of interactive communication of XXI century. *European Journal of Natural History*, 4, 112–116.
30. Onkova, L. A., & Krivoshchekova, A. V. (2018). Konnektori protivopostavleniya i ih rol' v organizatsii teksta [Connectors of opposition and their role in the organization of the text]. In A. V. Nazariova (Ed.), *Problemi romano-germanskoj filologii, pedagogiki i metodik prepodavaniya inostrannykh jazikov* [Problems of Romance-Germanic philology, pedagogics and methodic of foreign language teaching] (pp. 58–64).
31. Pelevina, N. F. (1980). *Stilisticheskii analiz hudozhestvennogo teksta* [Stylistic analysis of a literary text]. Prosveshchenie.

32. Peng, L., Shamim, S., & Hashemifardnia, A. (2025). Podcast-integrated speaking instruction: Enhancing informal digital learning of English, academic engagement, and speaking skills. *Acta Psychologica*, 258, 105–158. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2025.105158>
33. Pipeline + practice = flow (Episode 256) [Audio podcast episode]. (2025, February 11). In *Academic Writing Amplified*. <https://academicwomanamplified.libsyn.com/256-pipeline-practice-flow>
34. *Podcasts worth a listen: Academic podcasts*. (n.d.). Player FM. Retrieved September 2, 2025, from <https://player.fm/podcasts/Academic>
35. Prepping for New Year's job market (Episode 3:23) [Audio podcast episode]. (2022, May 6). In *The Professor Is In*. <https://podcasts.apple.com/us/podcast/ep-3-23-prepping-for-next-years-jobmarket/id1492657190?i=1000559863438>
36. Prigarina, N. K. (2008). Struktura tsennostnogo komponenta ritoricheskoy argumentatsii sudebnoj rechi [Structure of the value component of rhetorical argumentation of the court speech]. *Izvestia VGPU* [Izvestia of the VGPU], 10(34), 130–134.
37. Professor Stephanie Dunson on levelling up your writing process (Episode 102) [Audio podcast episode]. (2025, January 24). In *The Academic Imperfectionist*. <https://www.academicimperfectionist.com/podcast/102>
38. Professors Thomas S. Mullaney and Christopher Rea on the absolute basics of doing research (Episode 101) [Audio podcast episode]. (2025, January 10). In *The Academic Imperfectionist*. <https://www.academicimperfectionist.com/podcast/101>
39. Qahorjonova, D., & Akhmedova, M. (2025). The role of podcasts in learning English language. *New Uzbekistan Journal of Academic Research*, 2(3), 94–97.
40. Safori, A. (2025). The role of podcasts in shaping cultural awareness among the Jordanian public. *Frontiers in Communication*, 10, 1–11. <https://doi.org/10.3389/fcomm.2025.1595098>
41. Surviving your new academic thing (Episode 3:21) [Audio podcast episode]. (2022, April 22). In *The Professor Is In*. <https://the-professor-is-in.castos.com/episodes/ep-321-surviving-your-new-academic-thing>
42. The perfectionism-busting power of hobbies (Episode 95) [Audio podcast episode]. (2024, October 4). In *The Academic Imperfectionist*. <https://www.academicimperfectionist.com/podcast/95>
43. Writing retreats versus binge writing (Episode 255) [Audio podcast episode]. (2025, February 4). In *Academic Writing Amplified*. <https://academicwomanamplified.libsyn.com/255-writing-retreats-versus-binge-writing>
44. Your writing-anxiety sliding doors moment (Episode 92) [Audio podcast episode]. (2024, August 9). In *The Academic Imperfectionist*. <https://www.academicimperfectionist.com/podcast/92>

Об авторе:

Хуыз Ирина Павловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры прикладной лингвистики и новых информационных технологий, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Россия). ORCID: 0000-0003-4141-5395.

Получено: 22 сентября 2025 г.

Принято к публикации: 30 ноября 2025 г.

SYNTACTIC FEATURES OF ENGLISH-LANGUAGE ACADEMIC PODCAST EPISODE DESCRIPTIONS

Irina P. Khoutyz
Kuban State University
(Krasnodar, Russia)
ir_khoutyz@hotmail.com

Abstract: In the context of the digitalization of modern communication, podcasting is becoming one of the leading channels for disseminating academic knowledge. A key element in promoting this media product is the brief episode description – a text performing a dual function: providing concise information about the content and exerting a persuasive influence on the potential listener. The syntactic organization of such texts plays a decisive role in realizing the author’s intent and establishing a dialogue with the audience. The aim of this study is to identify, systematize, and functionally analyze the syntactic features of English-language descriptions for academic podcasts, as well as to determine their pragmatic potential. The empirical material of the research comprises 40 synopsis texts from high-rated podcasts (20 American and 20 British), selected based on 2024–2025 rankings. The methodology is comprehensive, integrating methods of purposive and continuous sampling, structural-syntagmatic and functional-pragmatic analysis, as well as comparative methods and quantitative data analysis to identify dominant models. The research revealed a set of specific syntactic constructions ensuring the expressiveness and informational density of texts describing episode content. These include enumeration, repetition, contrast, as well as interrogative, exclamatory, and parenthetical constructions (commentary). Quantitative analysis demonstrated that enumeration, repetition, and contrast are the most frequent devices in both varieties of English, indicating the universality of these strategies. Enumeration creates an effect of broad topic coverage and expertise, whereas repetition strengthens addressability and emphasizes key ideas. Contrast is employed to dramatize issues and highlight content uniqueness. The author argues that podcast description syntax not only structures information but serves as a tool of professional marketing communication, simulating spontaneous conversational speech and fostering intimization. The theoretical and practical significance of these results lies in their applicability for optimizing the annotation of scientific and educational texts to enhance their persuasive impact on the audience.

Keywords: academic podcast, podcast discourse, synopsis, syntactic structures, persuasion, enumeration, repetition, contrast.

How to cite this article: Khoutyz, I.P. (2026). Syntactic Features of English-Language Academic Podcast Episode Descriptions. *Professional Discourse & Communication*, 8(1), 92–110. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-1-92-110>

About the author:

Irina P. Khoutyz, Dr. Sci. (Philology), is a Professor in the Department of Applied Linguistics and Information Technology at Kuban State University (Krasnodar, Russia).

ORCID: 0000-0003-4141-5395.

Received: September 22, 2025.

Accepted: November 30, 2025.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-1-111-129>

МЕТАДИСКУРСИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПЕРЕВОДЧИКА НАУЧНОГО ТЕКСТА ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Д.С. Золотухин

Университет Paris Cité (Париж, Франция)

denzolutukhin@gmail.com

Аннотация: Составление комментариев к переводам научных текстов является частью метапереводческой деятельности, в рамках изучения которой традиционно анализируются переводческие приёмы, тактики и стратегии, эксплицитно представленные в паратекстуальных элементах. Однако дискурсивные особенности комментариев остаются малоизученными, особенно в рамках русско-французских переводов работ языковедческой направленности. Настоящее исследование посвящено анализу переводческого метадискурса, посредством которого автор или редактор перевода излагает результаты переводческих решений и отношение к ним в процессе работы над переводом научного текста по языкознанию. Цель исследования заключается в выявлении переводческих метадискурсивных действий в комментариях к переводам языковедческих работ, в определении их функций, а также прагматических и эпистемологических оснований выбора соответствующих средств. Для достижения поставленной цели применяется метод дискурс-анализа корпуса комментариев, составленных переводчиками и редакторами фундаментальных трудов по языкознанию ведущих русскоязычных и франкоязычных лингвистов XX века. Качественное изучение метадискурсивных элементов сочетается с интерпретацией их функций в контексте языковой и понятийной асимметрии между франкоязычными и русскоязычными лингвистическими областями. В исследовании устанавливается и описывается связь между апорийным и утверждающим характером языковедческого дискурса в целом и переводческих метадискурсивных действий в частности. Демонстрируются признаки отражения в комментариях переводчика не только лингвистических, но и эпистемологических сложностей, характеризующих языковедческие исследования и выражение их результатов. Проведенное исследование показывает, что составители комментариев к переводам языковедческих текстов участвуют в научной коммуникации посредством переводческого метадискурса, служащего инструментом утверждения переводческих решений, их оценки, а также реакции как на решения других переводчиков, так и на особенности исходного языковедческого дискурса автора переводимого текста. Полученные результаты вносят вклад в теорию перевода и могут быть использованы в обучении специалистов узкой направленности. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением корпуса анализируемых текстов и разработкой практических рекомендаций для переводчиков.

Ключевые слова: научный текст, метадискурс, метатекст, паратекст, лингвистическая терминология, переводческий комментарий, научный перевод.

Для цитирования: Золотухин, Д.С. (2026). Метадискурсивные действия переводчика научного текста по языкознанию (на материале французского и русского языков). *Дискурс профессиональной коммуникации*, 8(1), 111–129. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-1-111-129>

1. ВВЕДЕНИЕ

В исследованиях дискурса профессиональной коммуникации уделяется внимание различным письменным жанрам, среди которых особое место занимают научные тексты, создаваемые представителями разных дисциплин. Одной из таких дисциплин является языкознание, характеризующееся специфическим дискурсом (Гвишиани, 2008; Ltr13, 2024), исследование и описание которого представляет большую значимость не только для действующих лингвистов или будущих специалистов, которым необходимо овладевать дискурсивными стратегиями для написания соответствующих текстов, но и для переводчиков языковедческих работ.

Перевод текста любого жанра сопровождается составлением комментариев, которые рассматриваются как **паратекст**, объясняющий и интерпретирующий основной текст (текст перевода) (Sardin, 2007; Toledano-Buendía, 2013), и **метатекст**, комментирующий действия самого переводчика с целью решения ряда прагматических задач (Заплатин и Снигирева, 2024). Составитель комментариев, следовательно, становится автором собственного дискурса, выстраиваемого «над» текстом перевода. Таким образом, речь идёт об особом **переводческом метадискурсе**, изучение которого в сфере профессиональной коммуникации лингвистов ещё не проводилось.

В данном исследовании анализируются метадискурсивные особенности комментариев к переводам научных работ по языкознанию с французского языка на русский и с русского на французский. Целью исследования является выявление метадискурсивных действий, направленных на выполнение различных функций в особых лингвистических и экстралингвистических условиях создания, фиксации и передачи языковедческого знания. Согласно нашей гипотезе, особенности выявляемых переводческих метадискурсивных действий напрямую соотносятся со спецификой языкознания как особой научной сферы, из которой переводчик перенимает способы построения дискурса и его наполнения как на русском, так и на французском языке.

Описанные и систематизированные результаты исследования на материале двух языков позволяют представить предварительную картину дискурсивных практик при составлении комментариев к переводам языковедческих работ, а также раскрыть их прагматические и эпистемологические основания. Данные результаты являются не только вкладом в теорию перевода и профессиональной коммуникации, но и могут быть использованы в подготовке переводчиков литературы узкой языковедческой направленности.

В теоретической части статьи рассматриваются такие понятия, как языковедческий дискурс, языковедческий объект, индивидуальные и коллективные представления, метадискурсивные действия и их функции в деятельности лингвиста и переводчика. Далее описываются франкоязычные и русскоязычные источники материала. В качестве результатов исследования представлены фрагменты анализируемых текстов с их интерпретацией с точки зрения основных понятий из теоретической части работы. В выводах и заключении систематизируется

проведенное исследование и представляются перспективы дальнейших изысканий в данной области.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

Создание, выражение и передача научного знания происходит посредством специализированного дискурса, изучение которого на протяжении нескольких десятилетий привлекает специалистов разных сфер. Каждой научной дисциплине свойственен свой специфический дискурс, выступающий, согласно М. Фуко, как «форма знания» (Foucault, 1968, p. 850). Дискурс языкознания, в частности, характеризуется высокой степенью идиоматичности – существованием общих формальных установок, свойственных только данной научной области. К идиоматическим особенностям французского языкознания относят, например, избыточность аналогий, оценочных слов, специфических метадискурсивных элементов, наличие характерных морфосемантических черт, а также использование многозначных терминов (Neveu, 2004).

На многоуровневый характер терминологии, дискурса и метадискурса как франкоязычной, так и русскоязычной лингвистики указывается в многочисленных исследованиях (Косова, 2003; Neveu, 2004; Rey-Debove, 2001; Swiggers, 2006; Гвишиани, 2008; Zolotukhin, 2020; Ltr13, 2024 и др.). Пристальное внимание данным аспектам уделяется в работе коллектива бельгийских учёных (Ltr13, 2024), которые, основываясь на понятии **утверждающего дискурса** (Maingueneau, Cossutta, 1995), предлагают рассматривать языковедческий дискурс как способ не только выражения и передачи знания о языке, но и формирования представления о дисциплине, утверждения её статуса среди других научных областей (Ltr13, 2024, p. 229). Потребность в таких действиях возникает в связи с языковыми и внеязыковыми (историческими и эпистемологическими) факторами, способствующими не только научному прогрессу в языкознании, но и его уязвимости. Например, Ф. де Соссюр сводил сущность языковедческого объекта к его полной зависимости от выбранной точки зрения и невозможности представить такой объект как фактическую данность – точка зрения сначала формирует объект, и только затем лингвист может приступить к его изучению (Saussure, 2011, p. 89). Такой объект, соответственно, оказывается недискретным, позволяя свободно устанавливать его границы, и полиаспектным, позволяя свободно выбирать сторону, с которой он будет изучаться. Плюрализм точек зрения способствует формированию большого количества школ и направлений, рассматривающих одни и те же объекты в разных границах и с разных позиций (Zolotukhin, 2020). Другой фактор заключается в консубстанциональности объекта и инструмента его изучения в языкознании. Для исследования **языка как объекта** (языковые феномены, факты языковой действительности и т.д.) лингвист использует **язык как инструмент** (метаязык, научный язык, научный дискурс и т.д.): знания о языке, аккумулируемые в научных понятиях, выражаются с помощью языка в виде научных терминов. Лингвист оказывается, таким образом, в замкнутом метаязыковом «порочном круге» (Saussure, 2011, p. 133), где слово-объект ведёт к слову-инструменту и наоборот. Например, описывая явление произвольности языковых единиц, ученые выбирают термин *произвольность* (или *arbitraire* во французском) для указания на это явление. При этом учёный не может не осознавать произвольный характер самого подбираемого термина, что провоцирует возможное несовершенство и неспособность лексической единицы полностью соответствовать выражаемому понятию: термин произвольность является, таким образом, произвольным. Соответственно, наблюдается «размытость» слов, которые используются для выражения научных понятий

в гуманитарных науках (Neveu, 2008, p. 1074). Именно в этой связи сам Ф. де Соссюр болезненно относился к необходимости подбирать термины и приходил к выводу о невозможности создать удовлетворительную терминологическую систему (Godel, 1957, p. 31).

В таком круге, если следовать сосюрсовской логике, оказываются запертыми все представители других гуманитарных дисциплин, изучающие сферу человеческой деятельности со своих человеческих позиций. Лингвист, в частности, изучает человеческий язык, сам являясь носителем языка. Феномен наложения на языковедческий объект человеческого фактора, включающего в себя целый перечень индивидуальных субъективных характеристик, объясняется тем, что в своей языковедческой деятельности учёный находится в позиции между статусом лингвиста и статусом «учёного человека» – представителя определённой культуры, имеющего определённое образование, воспитание, а также социальные связи, свойственные времени и пространству, в которых он находится или находился (Ltr13, 2024, p. 234). Всё это влияет на формирование одновременно наивной и научной картины мира (Караулов, Филиппович, 2008), то есть совокупности «воображаемого» (фр. «imaginaire») – мира **представлений**, которые могут быть этическими, политическими, социокультурными, а также эпистемическими, то есть сформированными под влиянием других сфер и дисциплин: лингвист может заимствовать подходы, методы, процедуры, инструменты, языковые и дискурсивные элементы и структуры (Ltr13, 2024, p. 233).

Постоянное соотнесение индивидуальных представлений с коллективными порождает потребность в признании одного лингвиста всем лингвистическим сообществом. Необходимость в легитимизации способствует ритуализации определённых речевых действий, образующих характерные дискурсивные практики и стратегии (Цурикова, 2007). Понятие дискурсивных практик детально рассматривается в работах, например, Ж. Дерриды и Ю. Кристевой, а также в трудах М. Фуко, согласно которому, в истории науки каждой эпохе (эпистеме) присуща определённая языковая норма, бессознательно предопределяющая мышление и дискурсивное поведение учёных (Foucault, 1968, p. 850-874). Такое поведение уточняется в русле языковедческих текстов, где конкретные дискурсивные «шаги» и приёмы лингвистов называются **дискурсивными действиями** (фр. «gestes discursifs»), выполняющими эпистемическую, выразительную, историческую, социальную, пространственную и фатическую функции (Ltr13, 2024, p. 231-232).

Дискурсивное действие может быть направлено как на понятийную область, в которой формируются, определяются и фиксируются научные знания о языке, так и на языковую область, в которой с помощью языка создаются и фиксируются термины. Так, в понятийной области речь не идёт о денотативном компоненте (конкретном термине): лингвисту сначала необходимо ввести понятие в пространственно-временной континуум, в котором находится он и всё научное сообщество. В этих условиях форма термина не так важна, нужны лишь маркеры времени и пространства: *dès lors, ici, pour le moment* и т.п. В языковой области автор начинает подбирать термин, заявляя о своей способности предлагать и легитимизировать термин. Для этого используются маркеры присутствия субъекта (личные местоимения и дитеза), объяснения и оправдания выбора термина посредством описания его мотивированности (этимология, метафора, ценностное суждение и т.д.). В таком дискурсе преобладают временные маркеры (наречия времени *souvent, provisoirement*; союзные слова *or, ainsi, par conséquent*) и маркеры субъективности (местоимение первого лица *je, nous*; инклюзивное местоимение *on*; модальные глаголы *pouvoir, devoir*; условное наклонение; наречия суждения *évidemment, justement*) (ibid., p. 233). Терминотворческая деятельность языковеда в тексте может сводиться к **металингвистическим формулам** (или «рутинным структурам» –

фр. «routines métalinguistiques» (Ji, Tutin, 2019)). В своём тексте учёный может использовать дискурсивные маркеры определения (при уточнении или изменении содержания понятия: *On définit X comme...*), наименования (при создании нового термина: *J'utilise le terme X pour désigner...*) и обозначения (при использовании существующего термина: *Le terme X renvoie à...*) (ibid., p. 183). Все эти действия позволяют автору научного текста аргументированно использовать ту или иную терминологическую единицу, что особенно важно в неоднородном языковедческом дискурсе.

Таким образом, главная цель разнообразных дискурсивных действий состоит в выстраивании соответствия между, с одной стороны, личными и коллективными представлениями в рамках языкознания и, с другой стороны, между языковедческими представлениями и научными представлениями в целом. По отношению к общенаучной сфере языкознание стремится утвердить свой статус. Такая необходимость связана с тем, что теоретические, герменевтические и эмпирические требования, предъявляемые к лингвистам, являются противоречивыми, так как на протяжении всей истории науки они формулируются то в гуманитарной области, то в области точных и естественных наук. Всё это способствует апорийному характеру лингвистического дискурса, наполненного сомнениями, неуверенностью и необходимостью постоянно доказывать состоятельность высказываний (Ltr13, 2024, p. 230-231).

Данные особенности определяют специфику работы с научными текстами по языкознанию, в том числе, в рамках их перевода, изучению которого посвящены отдельные исследования (Mejri, 2008; Takeuchi-Clément, 2021). При переводе происходит удвоение особенностей, свойственных исходному языковедческому тексту. Дело в том, что действия переводчика частично совпадают с действиями автора переводимого текста: переводчик осуществляет свою работу не просто для передачи языковедческого знания на другом языке, но и для концептуализации всего того, что ещё не было концептуализировано посредством терминологических систем языка, на который осуществляется перевод (Lotman, 1973, p. 15). Происходит подбор или создание эквивалентных терминов (Pilar, 2022) с сопроводительным обоснованием собственных действий, подобно тому, как эти термины создавались и обосновывались на языке-источнике. Переводчик, имеющий дело с совокупностью терминологических и дискурсивных характеристик в тексте оригинала, вынужден объяснять и утверждать свои переводческие тактики и стратегии с такими же усилиями, с которыми научное знание выражалось в исходном тексте. Так формируется **переводческий метатекст**, содержащийся в паратекстуальных элементах – комментариях к переводу в сносках, вступительных статьях и т.д. Метатекст формируется на основе специфических **переводческих метадискурсивных действий**, призванных выразить, объяснить и утвердить переводческие приёмы, тактики, стратегии, то есть всё то, что А. Лавьери называет переводческими операциями (Lavieri, 2023, p. 7).

Отметим, что к такой работе автор переводческого комментария подходит со своими представлениями, которые наслаиваются на представления автора текста оригинала. В переводоведческих исследованиях не раз отмечалась роль «представляемого», или «воображаемого»: перевод является механизмом переплетения представлений, символов и действительности (Godelier, 2015). В рамках рассматриваемой нами сферы роль представлений особенно важна, так как она характеризуется следующим противоречием. Переводчик языковедческого текста, научный редактор и составитель соответствующего издания, как правило, сами являются членами определённого языковедческого сообщества (школы, направления и т.д.), которое относится к конкретному промежутку времени и географическому пространству, что обуславливает социально-культурные и интеллектуальные представления (Sériot 2012,

р. 11-14). С другой стороны, за перевод языковедческой работы чаще всего берётся лингвист, который равнодушен к содержанию переводимого текста, к научной концепции его автора. Наши наблюдения показывают, что переводчики, редакторы и составители опубликованных переводных работ по языкознанию являются либо сторонниками содержащейся в тексте концепции, развивая и интерпретируя её в рамках собственных работ, либо так или иначе находятся под её влиянием до начала, в процессе или после окончания работы над переводом. Смещение объективного научного дистанцирования и субъективной вовлечённости и определяет набор переводческих метадискурсивных действий, выявляемых в комментариях к опубликованным переводам.

3. МАТЕРИАЛ И ХОД ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках данного исследования был проанализирован корпус франкоязычных и русскоязычных комментариев к переводам работ по языкознанию. Для составления данного корпуса мы обратились к переводам основополагающих трудов (15 работ) известных русскоязычных и франкоязычных авторов: А.А. Потебни (перевод П. Серио, М. Шоненбергер), В.Н. Волошинова (перевод П. Серио, И. Тылковски-Агеевой), М.М. Бахтина (переводы Г. Барде, И. Количевф, А. Окутюрье), Н.С. Трубецкого (перевод П. Серио), Ю.М. Лотмана (переводы Ж. Йонг, Б. Крайзе, А. Леденко, Ф. Лоэст, Э. Малере, И. Меркуловой, А. Мешонника, А. Фурнье), Е.Д. Поливанова (перевод П. Серио), Л.С. Выготского (перевод Ф. Сэв), Э. Бенвениста (перевод Ю. Караулова, В. Мурат, И. Барышевой, И. Мельниковой), Л. Теньера (перевод И. Богуславского, Л. Лухт, Б. Нарумова, С. Сахно), Г. Гийома (перевод П. Скрелина), А.Ж. Греймаса (перевод Л. Зиминной). В исследовательский корпус мы включили, соответственно, только материал, принадлежащий авторству непосредственно переводчиков, редакторов и составителей изданий – их комментарии, содержащиеся во вступительных статьях, предисловиях, подстраничных и затекстовых сносках.

Отметим, что иногда представляется невозможным с точностью установить автора комментария, поскольку процесс работы над переводами данных трудов выстраивался по-разному: одно издание могло быть переведено, отредактировано и прокомментировано одним и тем же лицом, в то время как над некоторыми изданиями трудились сразу несколько переводчиков, которые могли либо сами комментировать свою работу, либо делегировать составление комментариев авторам вступительных статей, научным редакторам и т.д. Поэтому в приводимых примерах мы ограничивались указанием на автора перевода и ссылкой на переведённое издание (с помощью пометы «комм. к пер.»). Полная информация с именами переводчиков, научных редакторов и издателей содержится в описании каждого источника в списке литературы данной статьи.

Сформированный корпус комментариев подвергается комплексному анализу с двух основных позиций: лексической и морфосинтаксической. Результаты показали, что переводческие метадискурсивные действия реализуются преимущественно на лексическом уровне. Это проявляется в использовании определённых лексических единиц, которые выполняют ключевые метадискурсивные функции, описанные в теоретической части работы. Данные единицы были подвергнуты семантическому анализу с последующей прагматической интерпретацией контекстов, в которых такие единицы употребляются.

В то же время исследование не выявило устойчивых и закономерных морфосинтаксических моделей, характерных для комментариев к переводу. Однако отсутствие повторяющихся грамматических структур говорит лишь о том, что грамматический уровень требует

дальнейшего изучения. Это подчёркивает необходимость расширения корпуса и дальнейшего углубленного анализа морфологических и синтаксических средств, чтобы лучше понять их роль и возможные закономерности в составлении комментариев к переводам.

В рамках данной статьи сопоставление лексических особенностей, выявленных в русскоязычных и франкоязычных текстах, и их систематизация позволяют установить определённые закономерности и указать на универсальность действий, свойственных переводческой работе с обоими языками.

4. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Одна из основных стратегий составления комментариев к переводам научных текстов по языкознанию заключается в эксплицированном описании сложностей, которыми характеризуются задачи переводчика. Метадискурсивное действие в таком случае состоит в использовании лексических единиц, выражающих определённые переводческие трудности. Так, в комментариях к французским переводам работ русскоязычных лингвистов обнаруживаются существительные *difficulté / souci* (сложность, трудность), *énigme* (загадка), *problème* (проблема, задача), *risque* (риск) в сочетании с прилагательными и наречиями, усиливающими экспрессивность. Например: «*La traduction de Pensée et langage pose de nombreux problèmes*», «*mesurer la difficulté de certains des problèmes qu'il pose au traducteur*» (комм. к пер. Ф. Сэв; Vygotski, 1997, p. 35), «*confrontée à des énigmes insolubles*», «*bien des difficultés restaient à résoudre*» (ibid., p. 36), «*problèmes particulièrement délicats*» (ibid., p. 39), «*difficultés de traduction auxquelles j'ai été confrontée*» (комм. к пер. П. Серио; Polivanov, 2014, p. 28); «*comporte des risques (comment ce texte sera-t-il entendu ?) et pose un problème théorique autant qu'idéologique*» (комм. к пер. И. Количев; Bakhtine, 1970, p. 5), «*Mon souci principal a été*» (комм. к пер. Ф. Лоэст; Lotman, 1990); «*extrêmement difficile à rendre en français*» (комм. к пер. П. Серио, М. Шоненбергер; Potebnja, 2022, p. 122).

Такие же действия наблюдаются в комментариях к русским переводам текстов франкоязычных лингвистов. Выявляются соответствующие глаголы (*затрудняться, осложняться*), а также существительные (*трудность*), усиленные прилагательными: «*понимание <...> затрудняется в силу их специального характера*» (комм. к пер. П. Скрелина; Гийом, 1992, с. 3), «*перевод сборника на русский язык осложняется необходимостью создания эквивалентности концептуально-терминологической системы*» (Там же, с. 6). «*Особую трудность для перевода представляет*» (комм. к пер. Ю. Караулова; Бенвенист, 1974, с. 410). Интересен случай, когда переводчик отрицает иллюзорную «лёгкость» оригинала: «*В подлиннике текст Теньера <...> производит впечатление ясного и несложного для перевода. Но эта лёгкость обманчива*» (комм. к пер. И. Богуславского, Л. Лухт, Б. Нарумова, С. Сахно; Теньер, 1988, с. 614).

Трудности, о которых идёт речь, можно условно разделить на две группы: **языковые**, связанные с чисто лингвистическими различиями между французским и русским языками, когда один из языков не предоставляет необходимые средства для передачи отдельного термина или фрагмента текста, и **понятийные**, связанные с концептуальными (содержательными) различиями между языковедческими традициями.

Языковая асимметрия трактуется переводчиками как фактор нарушения терминологической строгости, поэтому происходит своеобразное оправдание за несоблюдение правил, наложенных научным статусом лингвистики. Например, лексическое разнообразие русского языка (*лицо, образ, персонa – personnage; единица, единство – unité*) либо совсем не имеет

эквивалентности во французском языке, либо нерелевантно для него (*повтор, повторение, повторность, повторяемость – répétition; истина, истинность – vérité; структура, структурность – structure*). Дублетность русских терминов, связанная с взаимозаменяемостью русских и латинских корней (*реальность / действительность; интерпретация / истолкование*), также нерелевантна для франкоязычного читателя. Напротив, русский термин *семантика* можно перевести с помощью французских терминов *sémantique* или *sémantisme* (комм. к пер. Ж. Йонг, Б. Крайзе, Э. Малере, А. Мешонника, А. Фурнье; Lotman, 1973, p. 16).

В рамках преодоления языковых трудностей авторы задействуют комментарии для своеобразного переключивания ответственности на язык, который «не позволяет», ввиду своих особенностей, получить идеальный результат: «*dans la mesure où le français le permet*» (*ibid.*). В этой связи во франкоязычных комментариях используются такие лексические единицы, как *entorse* (нарушение, отклонение), *contrainte* (ограничение), а также *difficulté* (трудность, сложность) с прилагательным, уточняющим тот факт, что речь идёт именно о языковой сложности: «*la difficulté linguistique que pose à la traduction*» (перевод Ф. Сэв; Vygotski 1997, p. 54), «*entorses à cette rigueur, dues aux contraintes particulières d'une des deux langues*» (комм. к пер. Ж. Йонг, Б. Крайзе, Э. Малере, А. Мешонника, А. Фурнье; Lotman, 1973, p. 16). В русскоязычных комментариях иногда встречаются указания на контекстуальные помехи в употреблении адекватной лексической единицы: «*однако контекст не позволяет этого сделать*» (комм. к пер. Л. Зиминной; Греймас, 2004, с. 29). Довольно часто переводчики сталкиваются с проблемой транслитерации, о чём эксплицитно заявляется: «*Mon souci principal a été de donner à des noms propres une transcription prononçable par un lecteur peu familier des noms russes*» (комм. к пер. Ф. Лоэст; Lotman, 1990).

Понятийная асимметрия возникает когда, например, сложившаяся трактовка терминов «мешает» осуществить качественный перевод и воспрепятствует адекватному восприятию перевода читателем: «*В ряде случаев мешала уже сложившаяся традиция и закреплённость русских терминов за определёнными французскими, например, для langage, langue, parole, discours*» (комм. к пер. П. Скрелина; Гийом, 1992, с. 6); «*nous sommes placés devant une terminologie qui présente le danger de paraître familière : langue, langage, parole, en particulier, évoquent chez le lecteur francophone des échos saussuriens. Or il n'en est rien*» (комм. к пер. П. Серио, М. Шоненбергер; Potebnja, 2022, p. 81). В таком случае на уровне паратекста, комментирующего текст оригинала, а не перевод, происходит восполнение пробела в системе знаний читателя: «*Ce passage est un exemple de déclaration générale de Troubetzkoy qui ne prend tout son sens que si on le lit comme...*» (комм. к пер. П. Серио; Troubetzkoy, 1996, p. 82). Более того, переводчику оказывается важным указать на существование таких различий между интеллектуальными традициями: «*dans un système de pensée compréhensible pour des francophones, nourris à une autre tradition intellectuelle*» (*ibid.*, p. 31).

На уровне метатекста выражение как языковых, так и понятийных трудностей сопровождается указанием в комментариях на ограничения переводчика, вынужденно совершающего определённые действия: «*Nous ne sommes pas en mesure de saisir l'intention initiale de son auteur...*», «*...et devons nous contenter de la restituer en l'état au lecteur français*» (комм. к пер. А. Леденко; Lotman, 1999, p. 24); «*приходится заменять*» (комм. к пер. Л. Зиминной; Греймас, 2004, с. 109) «*переводчику нередко приходилось поступаться*» (Там же, с. 14); «*не удастся добиться однозначности и в зависимости от контекста в качестве его русских значений приходится употреблять*» (Там же, с. 23), «*Однако сохранять это различие в переводе удастся далеко не всегда*» (Там же, с.16); «*при переводе нам приходилось*» (комм. к пер. Ю. Караулова; Бенвенист, 1974, с. 410). Нарастающая модальность, демонстрирующая

отношение переводчика, подкрепляется использованием оценочных слов, выражающих, например, сожаление: «*L'incohérence de la présente phrase se retrouve malheureusement dans l'original russe*» (комм. к пер. А. Леденко; Lotman, 1999, p. 24); «*К сожалению, в русском тексте не удастся воспроизвести*» (комм. к пер. Л. Зиминной; Греймас, 2004, с. 109).

При признании недостатков проделанной работы (например, «*несколько искусственным образом различаются*» (Там же, с. 14)) предпринятые усилия подчеркиваются с помощью соответствующих глаголов: «*Nous indiquons ici les principales [difficultés] et la manière dont nous avons cherché à les surmonter*» (комм. к пер. Ф. Сэв; Vygotski, 1997, p. 36); «*J'ai essayé de rendre les noms français et allemands par leurs équivalents*» (комм. к пер. А. Леденко; Lotman, 1999, p. 24.); «*Переводчики старались сохранить особенности стиля Теньера, избежать неоправданного осовременивания его терминологии*» (комм. к пер. И. Богуславского, Л. Лухт, Б. Нарумова; Теньер, 1988, с. 614). При противопоставлении, с одной стороны, эксплицированных трудностей, ограничений, неудовлетворительного результата и, с другой стороны, собственных действий переводчики прибегают к употреблению наречий уступки: «*Toutefois pour éviter les mots kilométriques, j'ai rendu*», «*mais j'ai en général laissé*», «*Malgré tous mes efforts, certaines disparités demeurent*» (комм. к пер. Ф. Лоэст; Lotman 1990).

Ещё одно действие, позволяющее обосновать переводческую стратегию, заключается в упоминании читателя и аргументировании собственного выбора заботой о нём: «*Nous nous sommes efforcée de ne pas induire le lecteur à le perdre de vue*» (комм. к пер. Ф. Сэв; Vygotski, 1997, p. 37). Встречается также непосредственное обращение к читателю с целью подготовить его к восприятию недостатков в переводе, например, через извинение: «*Le lecteur voudra bien accepter mes excuses*» (комм. к пер. Ф. Лоэст; Lotman, 1990).

Данные фрагменты, выражающие безысходность и обречённость на несовершенство, подчеркивают перенос в переводческий метадискурс апорийного характера общего языковедческого дискурса. Однако метадикурсивные действия в комментариях к переводу не сводятся только к выражению обеспокоенности по поводу специфики работы переводчика и обосновании его действий. Значительная часть переводческих комментариев включает информацию о поиске и создании эквивалентов для лингвистических терминов. С прагматической точки зрения, действия комментатора направлены на утверждение подбираемого эквивалента посредством, соответственно, утверждающего метадискурса – «новый» термин, до этого отсутствовавший в системе, требует аргументированного обоснования, которое, в связи с эпистемологической спецификой лингвистической области, имеет первостепенную важность. Переводчик, следовательно, становится полноценным участником терминотворческого процесса, определяющего структуру и содержание терминологических систем: от его работы зависит качество передачи научного понятия и его закрепление в виде термина. В этой связи выбор конкретного эквивалента часто сопровождается соответствующим объяснением. Так, в переводе работы А.Ж. Греймаса для термина *voisement* подобран русский термин *звонкость*, хотя, как признаётся сам переводчик, «*точнее было бы перевести как озвучивание, оглашение – от слова голос (la voix)*» (комм. к пер. Л. Зиминной; Греймас, 2004, с. 29), но сделать это переводчику не позволяет именно контекст.

Особого внимания заслуживают те случаи, когда комментатор проявляет свою приверженность концепции автора переводимого текста. На уровне работы с понятиями могут даже копироваться действия автора оригинала. Так, в издании к русскому переводу работы Э. Бенвениста, где даются развернутые комментарии, позволяющие русскоязычному читателю лучше понять значения отдельных терминов, Ю.С. Степанов пишет о применении метода определения понятий, которым пользовался автор оригинала: «*Следует отметить, что в этом*

комментарии мы использовали неоднократно примененный самим Бенвенистом метод генетического определения теоретических понятий» (комм. к пер. Ю. Караулова; Бенвенист, 1974, с. 424). В данном случае авторские способы выражения и объяснения научных понятий формируют метадискурс комментариев.

Возможность интеграции разнообразных представлений и подходов в лингвистической области приводит к конкуренции разных точек зрения, в том числе, на способы перевода языковедческих текстов. Так, переводчики текстов В.Н. Волошинова аргументируют необходимость усовершенствования уже существовавшей французской версии, ставя под вопрос возможность окончательного перевода: «*Ce texte n'est pas la traduction définitive – un tel objet est-il d'ailleurs susceptible d'exister?*» (комм. к пер. П. Серио и И. Тылковски-Агеевой; Vološinov, 2010, p. 14). Существование предыдущих версий перевода означает наличие принятых эквивалентов для оригинальных терминов. Выполняя новый перевод текста, переводчик может подвергнуть критике существующие эквиваленты и, таким образом, утвердить новый вариант перевода. Так, в комментарии к переводу текстов Э. Бенвениста предлагается переводить *segmentable* не как *сегментируемый*, а как *поддающийся операции сегментации*, чтобы охватить фонемный уровень языка, ведь фонемы не делятся на последовательные сегменты, но сами являются сегментами более крупных языковых единиц, то есть «сегментируются», вычлняются: «*В настоящем русском переводе мы устраняем эту недомолвку, переводя segmentable как поддающийся операции сегментации*» (комм. к пер. Ю. Караулова; Бенвенист, 1974, с. 428).

Замена существующего эквивалента на новый может аргументироваться отсылкой к возможным связям оригинального термина с единицами в других языках. Так, при переводе «*Эстетики словесного творчества*» М.М. Бахтина на французский язык, А. Окутюрье использует термин *pré-donné* для передачи термина *заданность* (комм. к пер. А. Окутюрье; Bakhtine, 1984, p. 34). Однако при переводе «*К философии поступка*» другая переводчица, Ж. Барде, переводит термин *заданность (заданное)* как *donné-à-accomplir* (иногда *donné-à-atteindre*) (комм. к пер. Ж. Барде; Bakhtine, 2003, p. 116), что на уровне метадискурса подкрепляется отсылкой к соответствию русских терминов *данное / заданное* немецким терминам *gegeben / aufgegeben*, ранее переводившихся на французский как *donné / donné-pour-tâche*.

Французский термин *pensée* в текстах Г. Гийома предлагается переводить с помощью русского существительного *мы́шление* с ударением на первом слоге, что позволяет подчеркнуть связь термина с глаголом *мыслить* и выделить значение процесса мысли (комм. к пер. П. Скредина; Гийом, 1992, с. 184). Утверждение такого эквивалента происходит с помощью отсылки к приёму, одобренному научным сообществом: «*как это делают до сих пор многие философы и филологи*» (Там же).

Создание терминологической эквивалентности как фактор развития лингвистической области, в которой благодаря переводу начинает использоваться новое понятие, может быть продолжением процесса терминотворчества, запущенного лингвистом в тексте оригинала. Например, переводчики работы Ю.М. Лотмана создают французские неологизмы для русских авторских неологизмов: «*Lotman, par son contexte, crée des termes, d'où le cas échéant la création d'un terme en français*» (комм. к пер. Ж. Йонг, Б. Крайзе, Э. Малере, А. Мешонника, А. Фурнье; Lotman, 1973, с. 15-16). Обязательным метадискурсивным действием в этом случае является обоснование необходимости создания нового термина, например, посредством указания на отсутствие точного эквивалента: «*En l'absence d'équivalent exact en français, nous proposons ici...*» (комм. к пер. И. Меркуловой; Lotman, 2005, p. 19).

Приведем в качестве примера фрагмент, который является удачным синтезом разных переводческих метадискурсивных действий. В комментарии к переводу текста Э. Бенвениста указывается на невозможность передать французский термин *réfèrent* с помощью кажущегося очевидным эквивалента *референт*, поскольку в русской лингвистической терминологии *референт* уже выражал понятие, не соотносящееся с тем, о чём писал Э. Бенвенист. Переводчик прибегнул к созданию эквивалентности, используя такой переводческий приём, как описание. На уровне метадискурса это сопровождается характерными, как мы это показали выше, указаниями на сложность переводческой задачи и вынужденность оставить результат в несовершенном виде: «*Особую трудность для перевода [выражение сложности] представляет группа референции. В соответствии с системой Бенвениста réfèrent – это языковой знак, реферируемым же будет внеязыковое явление или предмет действительности. Но в русской лингвистике последних лет [противопоставление существующей терминологии] термин референт закрепился в противоположном значении, как обозначение внеязыкового явления или предмета действительности (и его отражения в сознании), связанного с языковым знаком. Поэтому при переводе нам приходилось [ограниченность и вынужденность действий] — пока что [временное маркирование] — прибегать к описательным выражениям, с сохранением, однако, в них одного из терминов этой группы [экспликация терминологического выбора], например, мы переводили: référence – «референтная соотносённость, референция»; réfèrent, как и référé, – имеющий референтную соотносённость с...».* (комм. к пер. Ю. Караулова; Бенвенист, 1974, с. 410).

В следующей фразе выражается пожелание внедрить предлагаемые эквиваленты в русскоязычную языковедческую систему: «*Можно, однако, пожелать, чтобы указанная группа терминов была и в нашей лингвистике принята в их бенвенистовской систематизации с соответствующим ей переводом*» (Там же). Посредством подобных метадискурсивных действий авторы не просто переносят понятия из одного языка в другой, а стремятся изменить терминологическую и, соответственно, понятийную систему, придавая ей новую структуру, исключая из неё архаичные элементы и добавляя новые понятия или отдельные понятийные признаки. Это способствует обогащению и развитию языковедческой области, даже в том случае, если эти изменения не совсем адекватно передают исходное понятие. Например, при русском переводе текстов Ф. де Соссюра передача термина *langage* с помощью термина *речевая деятельность* не передаёт особенности соссюровского понятия общего языкового феномена, включающего язык и речь, но, однако, используется в качестве основы для многих последующих исследований в русскоязычной лингвистике, пусть и в видоизменённом по отношению к оригиналу виде (Tchougounnikov, 2017). Есть и другой пример, приведённый в работе И. Ивановой, справедливо отмечающей, что перевод русского термина слово с помощью французского *discours* в тексте В.Н. Волошинова «*Слово в жизни и слово в поэзии*» изменяет суть оригинальной работы (Ivanova, 2009), понятийная наполняемость которой проникает во французскую систему в модифицированном виде.

Следует также упомянуть и те случаи, когда переводчики могут намеренно избегать метадискурсивных действий, графически показывая возможные затруднения при сопоставлении французского и русского эквивалентов. Так, расположение оригинального термина в скобках сразу за предложенным эквивалентом подчёркивает либо создание переводчиком нового эквивалента, либо возможную несоотнесённость предлагаемого перевода с общими установками и представлениями. Например, в русском переводе работы Э. Бенвениста мы находим следующий фрагмент: «*Появляется необходимость – и возможность – уточнить и самое свойство, которое оказывается фундаментальным качеством языка в процессе его*

realisation (langage en exercice)» (Бенвенист, 1974, с. 13). Такое графическое указание позволяет не оставлять переводческий комментарий. Интересно отметить, что бельгийские исследователи говорят о подобных попытках избегания дискурсивных действий в языковедческих текстах, в которых создаются термины: автор текста может выделять создаваемый или вводимый термин курсивом, что освобождает его от необходимости указания дополнительных сведений о том, что данный термин является новым и, вероятно, неочевидным (Litr13, 2024).

5. ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, если лингвист, создавая и выражая научное знание в тексте, совершает различные дискурсивные действия для утверждения этого знания внутри языкознания и по отношению к другим наукам, то действия составителей переводческих комментариев направлены на утверждение непосредственно переводческих решений. При этом автор языковедческого текста, его переводчик, а также редактор и/или комментатор перевода разделяют статус лингвиста. В этой связи в переводе имеет место наслаивание разных уровней сложности, свойственных языкознанию в целом (недискретность и полиаспектность объекта, консубстанциональность объекта и инструмента исследования, межсистемная и внутрисистемная многозначность и омонимичность терминов, роль коллективных и индивидуальных представлений в формировании терминологии и дискурса, апорийный и утверждающий характер дискурса) и передаче текстов на другой язык (языковая и понятийная асимметрии между двумя системами языковедческого знания в синхронии и в диахронии, влияние представлений автора оригинала на представления авторов перевода).

Проведенное исследование позволяет выделить ряд метадискурсивных действий, совершаемых в таких условиях составителями комментариев к переводам научных работ по языкознанию с русского на французский и с французского на русский. Метатекст переводчика, редактора или другого лица, выступающего автором комментария, перенимает апорийный характер языковедческого дискурса в целом, проявляющийся в разнообразных формах модальности: выражения отношения (*malheureusement, к сожалению*), выражения оценки степени сложности и результата (*extrêmement difficile, danger, principal souci, tous mes efforts, entorses à cette rigueur, contraintes particulières, особая трудность, недомолвка, обманчивая лёгкость, затрудняться, осложняться*), оценки качества (*несколько искусственным образом*), уступки (*toutefois, mais, malgré, однако, но*), ограничения (*ne pas être en mesure, devoir se contenter, essayer, стараться, мешать, не позволять, приходится, не удаваться*). Каждое действие находит своё эпистемологическое и прагматическое основание в связи с особенностями лингвистической области исследований. Так, понимание и осознание специфики языковедческих исследований и свойственного им дискурса способствуют выражению сожаления, фиксации затруднений, переживаемых исследователем, выявлению внутренних противоречий между идеалом и фактическим результатом, а также осмыслению причин сопутствующих отклонений.

Стремление к утверждению научного статуса лингвистики выражается во встраивании новых понятий и соответствующих терминов в другую языковедческую систему. Для этого в комментариях посредством утверждающего метадискурса («мы устраняем эту недомолвку, переводя...», «как это делают до сих пор многие философы и филологи...», «nous proposons ici...» и т.д.) объясняется мотивированность подобранного или созданного эквивалента в соответствии с языковой и понятийной асимметриями франкоязычной и русскоязычной систем лингвистического знания.

Таким образом, **переводческое метадискурсивное действие** можно определить как основной приём метатекстуальной организации перевода, представляющий собой, во-первых, осознанное средство обоснования переводческих решений в рамках интерпретации, адаптации и эпистемологического сопровождения содержания и формы исходного научного текста, и, во-вторых, средство выражения отношения как к переводческим решениям, так и к исходным понятийным и языковым характеристикам научной области (в частности, языкознания).

Дальнейшие исследования, включающие расширенный корпус текстов комментариев к переводам в данной области, в том числе на других языках, могут быть направлены на составление практических рекомендаций для перевода текстов научных работ по языкознанию, а также для выстраивания дискурсивных стратегий при составлении научных и переводческих комментариев.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред., со вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова ; пер. с фр. Ю. Н. Караулова [и др.]. — Москва : Прогресс, 1974. — 448 с.
2. Гвишиани Н. Б. Язык научного общения (вопросы методологии). — 2-е изд., испр. — Москва : ЛКИ URSS, 2008. — 280 с.
3. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / общ. ред., послесл. и коммент. Л. М. Скредлиной ; пер. с фр. П. А. Скредлина. — Москва : Прогресс, 1992. — 224 с.
4. Греймас А. Ж. Структурная семантика: Поиск метода / науч. ред. К. Аюпян ; пер. с фр. Л. Зиминной. — Москва : Академический Проект, 2004. — 368 с.
5. Заплатин В. Е., Снигирева О. Переводческий комментарий как один из способов компенсации смысловых потерь при переводе // Russian Linguistic Bulletin. — 2024. — № 4 (52). — URL: <https://doi.org/10.18454/RULB.2024.52.35>.
6. Караулов Ю. Н., Филиппович Ю. Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. — Москва : Азбуковник, 2008. — 288 с.
7. Косова М. В. Русская лингвистическая терминология: семантические процессы / науч. ред. С. П. Лопушанская. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. — 328 с.
8. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / ред. В. Г. Гака ; пер. с фр. И. М. Богуславского [и др.]. — Москва : Прогресс, 1988. — 656 с.
9. Цурикова Л. В. Дискурсивные стратегии как объект когнитивно-прагматического анализа коммуникативной деятельности // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2007. — № 4. — С. 98–108.
10. Bakhtine M. La Poétique de Dostoïevski / trad. du russe par I. Kolitcheff ; prés. de J. Kristeva. — Paris : Seuil, 1970. — 352 p.
11. Bakhtine M. Esthétique de la création verbale / trad. du russe par A. Aucouturier ; préf. de T. Todorov. — Paris : Gallimard, 1984. — 443 p.
12. Bakhtine M. Pour une philosophie de l'acte / trad. du russe par G. Bardet. — Lausanne : L'Âge d'Homme, 2003. — 158 p.

13. Foucault M. Réponse à une question // *Dits et Écrits*. — Paris : Gallimard, 1994. — Т. 1. — P. 850–874.
14. Godel R. Les sources manuscrites du Cours de linguistique générale de F. de Saussure. — Paris : Minard, 1957. — 283 p.
15. Godelier M. L'imaginé, l'imaginaire et le symbolique. — Paris : CNRS (Biblis), 2022. — 288 p.
16. Ivanova I. La notion de « langue » dans la linguistique russe (deuxième moitié du XIXe–début du XXe siècle) // *Études de lettres*. — 2009. — № 4. — P. 81–100. — DOI: 10.4000/edl.313.
17. Ji Y., Tutin A. Les routines métalinguistiques dans les écrits scientifiques en français // *Studii de lingvistică*. — 2019. — № 9 (2). — P. 177–200.
18. Lavieri A. Introduction. Des mondes et des versions : quand traduire c'est faire // *L'Imaginaire du traduire*. — Paris : Classiques Garnier, 2023. — P. 7–13.
19. Lotman Y. La structure du texte artistique / trad. du russe par A. Fournier [et al.] ; sous la dir. de H. Meschonnic. — Paris : Gallimard, 1973. — 415 p.
20. Lotman Ū. Sémiotique de la culture russe / trad. du russe et annot. par F. Lhoest. — Lausanne : l'Âge d'homme, 1990. — 216 p.
21. Lotman Y. La sémiosphère / trad. par A. Ledenko. — Limoges : Presses Univ. Limoges, 1999. — 227 p.
22. Lotman J. L'explosion et la culture / trad. du russe par I. Merkoulouva. — Limoges : PULIM, 2005. — 110 p.
23. Ltr13. Le discours de la linguistique. — Lyon : ENS Éditions, 2024. — 324 p.
24. Maingueneau D., Cossutta F. L'Analyse des discours constituants // *Langages*. — 1995. — № 117. — P. 112–125.
25. Mejri S. La traduction des textes spécialisés : le cas des sciences du langage // *Colloque du 50e anniversaire de l'ISTI*. — Bruxelles : Éditions du Hazard, 2008. — P. 117–144.
26. Neveu F. Sur l'usage des termes complexes dans le discours de la science du langage // *Rencontres Linguistiques Méditerranéennes*. — Hammamet, 2004. — P. 107–120.
27. Pilar L.-A. Terminology and equivalence // *Theoretical perspectives on terminology* / ed. P. Faber, M.-C. L'Homme. — Amsterdam : John Benjamins, 2022. — P. 477–502.
28. Polivanov E. Pour une linguistique marxiste / trad. du russe P. Sériot ; éd. par E. Simonato. — Limoges : Lambert-Lucas, 2014. — 212 p.
29. Potebnja A. La pensée et le langage / trad. du russe par P. Sériot, M. Schönenberger. — Limoges : Lambert-Lucas, 2022. — 312 p.
30. Rey-Debove J. Spécificité de la terminologie linguistique // *Métalangage et terminologie linguistique* / ed. B. Colombat, M. Savelli. — Paris : Peeters, 2001. — P. 3–9.
31. Sardin P. De la note du traducteur comme commentaire : entre texte, paratexte et prétexte // *Palimpsestes*. — 2007. — № 20. — P. 121–136. — DOI: 10.4000/palimpsestes.99.
32. Saussure F. de. Science du langage / éd. critique par R. Amacker. — Genève : Droz, 2011. — 220 p.
33. Sériot P. Structure et totalité. — 2e éd. — Limoges : Lambert-Lucas, 2012. — 340 p.
34. Swiggers P. Terminologie et terminographie linguistiques // *Syntaxe & Sémantique*. — 2006. — № 7 (1). — P. 13–28.
35. Takeuchi-Clément R. Situation de la traduction franco-japonaise en linguistique // *Traduire les sciences humaines* / ed. T. Boukreeva-Milliaressi, C. Berner. — Paris : Classiques Garnier, 2021. — P. 167–185.

36. Tchougounnikov S. Idéologie et traduction scientifique // *Revue Texto*. — 2017. — Vol. XXII, № 3. — P. 39–64.
37. Toledano-Buendía M. C. Listening to the voice of the translator: A description of translator's notes as paratextual elements // *The International Journal of Translation and Interpreting Research*. — 2013. — Vol. 5, no. 2. — P. 149–162. — URL: <https://www.trans-int.org/index.php/transint/article/view/209> (дата обращения: 25.01.2026).
38. Troubetzkoy N. S. *L'Europe et l'humanité* / trad. du russe et notes par P. Sériot. — Liège : Mardaga, 1996. — 248 p.
39. Vološinov V. N. *Marxisme et philosophie du langage. Les problèmes fondamentaux de la méthode sociologique dans la science du langage* / trad. du russe par P. Sériot et I. Tylkowski-Ageeva. — Limoges : Lambert-Lucas, 2010. — 512 p.
40. Vygotski L. *Pensée et langage* / trad. du russe par F. Sève. — Paris : La Dispute, 1997. — 445 p.
41. Zolotukhin D. Les termes, les objets, les notions et les points de vue de la linguistique // *SHS Web Conf.* — 2020. — Vol. 78. — DOI: 10.1051/shsconf/20207805014.

REFERENCES

1. Benveniste, E. (1974). *Obshchaia lingvistika* [General linguistics] (Yu. S. Stepanov, Ed.; Yu. N. Karaulov, V. P. Murat, I. V. Barysheva, & I. N. Melnikova, Trans.). Progress. (Original work in Russian).
2. Gvishiani, N. B. (2008). *Iazyk nauchnogo obshcheniia (voprosy metodologii)* [The language of scientific communication: Questions of methodology] (2nd ed.). LKI URSS.
3. Guillaume, G. (1992). *Printsipy teoreticheskoi lingvistiki* [Principles of Theoretical Linguistics] (L. Skrelina, Ed.; P. Skrelin, Trans.). Progress.
4. Greimas, A.-Zh. (2004). *Strukturnaia semantika: Poisk metoda* [Structural Semantics: The Search for Method] (K. Akopyan, Ed.; L. Zimina, Trans.). Akademicheskii Proekt.
5. Zaplatin, V. E., & Snigireva, O. (2024). [Translator's commentary as a means of compensating for semantic loss in translation]. *Russian Linguistic Bulletin*, 52(4), Article 35. <https://doi.org/10.18454/RULB.2024.52.35>
6. Karaulov, Yu. N., & Filippovich, Yu. N. (2009). *Lingvokul'turnoe soznanie russkoi iazykovoï lichnosti: modelirovanie sostoianii i funktsionirovaniia* [Linguocultural consciousness of the Russian language personality: Modeling its state and functioning]. Azbukovnik.
7. Kosova, M. V. (2003). *Russkaia lingvisticheskaia terminologiiia: semanticheskie protsessy* [Russian linguistic terminology: Semantic processes]. Izd-vo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta.
8. Tesnière, L. (1988). *Osnovy strukturnogo sintaksisa* [Foundations of structural syntax] (V. G. Gak, Ed.; I. M. Boguslavskii et al., Trans.). Progress.
9. Tsurikova, L. V. (2007). Diskursivnye strategii kak ob'ekt kognitivno-pragmaticeskogo analiza kommunikativnoi deiatel'nosti [Discursive strategies as an object of cognitive-pragmatic analysis of communicative activity]. *Issues of Cognitive Linguistics*, (4), 98–108.
10. Bakhtine, M. (1970). *La poétique de Dostoïevski* [The poetics of Dostoevsky] (I. Kollitcheff, Trans.; J. Kristeva, Intro.). Seuil.
11. Bakhtine, M. (1984). *Esthétique de la création verbale* [The aesthetics of verbal creation] (T. Todorov, Intro.; A. Aucouturier, Trans.). Gallimard.

12. Bakhtine, M. (2003). *Pour une philosophie de l'acte* [Toward a philosophy of the act] (G. Bardet, Trans.). L'Âge d'Homme.
13. Foucault, M. (1994). Réponse à une question. In *Dits et écrits* (Vol. 1, pp. 850–874). Gallimard.
14. Godel, R. (1957). *Les sources manuscrites du Cours de linguistique générale de F. de Saussure* [The manuscript sources of Saussure's course in general linguistics]. Minard.
15. Godelier, M. (2022). *[The imagined, the imaginary, and the symbolic]*. CNRS Éditions.
16. Ivanova, I. (2009). La notion de « langue » dans la linguistique russe (deuxième moitié du XIXe–début du XXe siècle). *Études de lettres*, 4, 81–100. <https://doi.org/10.4000/edl.313>
17. Ji, Y., & Tutin, A. (2019). Les routines métalinguistiques dans les écrits scientifiques en français. *Studii de lingvistică*, 9(2), 177–200.
18. Lavieri, A. (2023). Introduction. Des mondes et des versions : quand traduire c'est faire. In *L'imaginaire du traduire : langues, textes et pratiques des savoirs* (pp. 7–13). Classiques Garnier.
19. Lotman, Y. (1973). *La structure du texte artistique* [The structure of the artistic text] (A. Fournier, Trans.; H. Meschonnic, Ed. & Intro.). Gallimard.
20. Lotman, Yu. (1990). *Sémiotique de la culture russe : études sur l'histoire* [Semiotics of Russian culture: Studies on history] (F. Lhoest, Trans.). L'Âge d'Homme.
21. Lotman, Y. (1999). *La sémiosphère* [The semiosphere] (A. Ledenko, Trans.). Presses Universitaires de Limoges.
22. Lotman, J. (2005). *L'explosion et la culture* [Explosion and culture] (I. Merkoulova, Trans.). PULIM.
23. Ltr13. (2024). *Le discours de la linguistique* [The discourse of linguistics]. ENS Éditions.
24. Maingueneau, D., & Cossutta, F. (1995). L'analyse des discours constituants. *Langages*, 117, 112–125.
25. Mejri, S. (2008). La traduction des textes spécialisés : le cas des sciences du langage. In *Colloque du 50e anniversaire de l'ISTI* (pp. 117–144). Éditions du Hazard.
26. Neveu, F. (2004). Sur l'usage des termes complexes dans le discours de la science du langage – Préliminaires à une étude comparée de la terminologie linguistique. In *Rencontres linguistiques méditerranéennes : La terminologie, entre traduction et bilinguisme* (pp. 107–120).
27. Pilar, L.-A. (2022). Terminology and equivalence. In P. Faber & M.-C. L'Homme (Eds.), *Theoretical perspectives on terminology: Explaining terms, concepts and specialized knowledge* (pp. 477–502). John Benjamins Publishing Company.
28. Polivanov, E. (2014). *Pour une linguistique marxiste* [Toward a Marxist linguistics] (P. Sériot, Trans.; E. Simonato, Ed.). Éditions Lambert-Lucas.
29. Potebnja, A. (2022). *La pensée et le langage* [Thought and language] (P. Sériot & M. Schönenberger, Trans.). Lambert-Lucas.
30. Rey-Debove, J. (2001). Spécificité de la terminologie linguistique. In B. Colombat & M. Savelli (Eds.), *Métalangage et terminologie linguistique* (pp. 3–9). Peeters.
31. Sardin, P. (2007). De la note du traducteur comme commentaire : entre texte, paratexte et prétexte. *Palimpsestes*, 20, 121–136. <https://doi.org/10.4000/palimpsestes.99>
32. Saussure, F. de. (2011). *Science du langage : De la double essence du langage et autres documents du ms. BGE Arch. de Saussure 372* (R. Amacker, Ed.). Librairie Droz.
33. Sériot, P. (2012). *Structure et totalité : Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale* (2nd ed.). Lambert-Lucas.

34. Swiggers, P. (2006). Terminologie et terminographie linguistiques : problèmes de définition et de calibrage. *Syntaxe & Sémantique*, 7(1), 13–28.
35. Takeuchi-Clément, R. (2021). Situation de la traduction franco-japonaise en linguistique : Cheminement d'adaptation lexicale du japonais. In T. Boukreeva-Milliaressi & C. Berner (Eds.), *Traduire les sciences humaines* (pp. 167–185). Classiques Garnier.
36. Tchougounnikov, S. (2017). Idéologie et traduction scientifique. *Revue Texto*, 22(3), 39–64.
37. Toledano-Buendía, M. C. (2013). Listening to the voice of the translator: A description of translator's notes as paratextual elements. *Translation & Interpreting*, 5(2), 149–162. <https://www.trans-int.org/index.php/transint/article/view/209>
38. Troubetzkoy, N. S. (1996). *L'Europe et l'humanité : Écrits linguistiques et paralinguistiques* (P. Sériot, Trans.). Mardaga.
39. Vološinov, V. N. (2010). *Marxisme et philosophie du langage : Les problèmes fondamentaux de la méthode sociologique dans la science du langage* (P. Sériot & I. Tylkowski-Ageeva, Trans.; P. Sériot, Intro.). Lambert-Lucas.
40. Vygotski, L. (1997). *Pensée et langage* (F. Sève, Trans.; Y. Clot, Intro.). La Dispute/SNÉDIT.
41. Zolotukhin, D. (2020). Les termes, les objets, les notions et les points de vue de la linguistique : problèmes de corrélation. *SHS Web of Conferences*, 78, 05014. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20207805014>

Об авторе:

Золотухин Денис Сергеевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории истории лингвистических теорий Университета Paris Cité (Париж, Франция). Научные интересы: история языкознания, терминоведение, научный дискурс.

ORCID: 0000-0002-5772-729X.

Получено: 17 июня 2025 г.

Принято к публикации: 6 сентября 2025 г.

METADISCURSIVE ACTS IN THE TRANSLATION OF SCHOLARLY LINGUISTIC TEXTS: A CASE STUDY OF FRENCH AND RUSSIAN MATERIAL

Denis S. Zolotukhin

Paris Cité University (Paris, France)

denzolotukhin@gmail.com

Abstract: Commenting on translations of scientific texts is part of metatranslation activity. Studies in this field traditionally involve analysing translation techniques, tactics and strategies explicitly presented in paratextual elements. Meanwhile, the discursive features of commentaries remain underexplored, especially in the context of Russian–French translations of works in linguistics. The present study examines translational metadiscourse as a medium through which translators and editors articulate the outcomes of translational decisions and their stance towards these choices when working on the translation of a scientific text in linguistics. The aim of the study is to identify translational metadiscursive acts in commentaries on translations of linguistic works, to determine their functions, as well as the pragmatic and epistemological grounds for the choice of particular means. To achieve this aim, the study applies discourse analysis to a corpus of commentaries produced by translators and editors of fundamental works in linguistics, including those by leading Russian- and French-speaking linguists of the 20th century. A qualitative examination of metadiscursive elements is combined with the interpretation of their functions in the context of language and concept asymmetry between French- and Russian-speaking linguistic traditions. The study reveals a connection between the aporetic and constitutive character of linguistic discourse in general and specific translational metadiscursive acts. It further demonstrates that translator commentaries reflect not only language but also epistemological challenges characteristic of linguistic inquiry and the communication of its results. The findings highlight the translator’s active role in scholarly communication: translational metadiscourse operates as a tool for asserting and evaluating translation choices as well as for responding to the solutions of other translators and to the discursive features of the source text. The results contribute to translation theory and may be applied in the training of translators. Prospects for further research involve expanding the corpus of analyzed texts and developing practical guidelines for translators.

Keywords: scientific text, metadiscourse, metatext, paratext, linguistic terminology, translation commentary, scientific translation.

How to cite this article: Zolotukhin, D.S. (2026). Metadiscursive Acts in the Translation of Scholarly Linguistic Texts: A Case Study of French and Russian Material. *Professional Discourse & Communication*, 8(1), 111–129. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-1-111-129>

About the author:

Denis S. Zolotukhin, Cand. Sci. (Philology), is a researcher at the Laboratory of Linguistic Theories, Paris Cité University (Paris, France). His research interests include the history of linguistics, terminology studies, and scientific discourse.

ORCID: 0000-0002-5772-729X.

Received: June 17, 2025.

Accepted: September 6, 2025.